

А.В. Головачева

**Стереотипные
ментальные структуры и
лингвистика текста**

Москва 2000

Российская академия наук
Институт славяноведения

А.В. Головачева

**СТЕРЕОТИПНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА**

*Ответственный редактор
доктор филологических наук
Т.М. Николаева*

Москва
2000

Рецензенты:

*доктор филологических наук А.Д.ШМЕЛЕВ,
кандидат филологических наук М.А.ОСИПОВА*

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга посвящена проблемам семантики синтаксиса и структуры фольклорного текста, разрабатываемым автором в течение многих лет на западнославянском и русском языковом и фольклорном материале. В процессе исследования затронутые проблемы оказались тесно связанными между собой, поскольку языковые данные рассматривались нами в их коммуникативном и когнитивном аспектах, т. е. в первую очередь с точки зрения "знания о мире", с точки зрения "социального контекста высказываний, умения извлекать имеющуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом"¹ и т. д. С таким аспектом исследования языка тесно связано понятие фрейма, т. е. схемы, сценария, протоситуации, представляющей собой пакет информации, обеспечивающий "адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций"². Наличие в системе знаний о мире подобных стереотипных сценариев-фреймов обуславливает тот или иной способ референции входящих в них имен, чем определяется функционирование таких категорий как определенность-неопределенность и посессивность; изучение этих категорий, связанных как с когнитивным, так и с прагматическим аспектами языка, является одной из актуальных задач современной лингвистики. Вопросы коммуникативного и когнитивного аспектов языка, теории референции и лингвистической прагматики успешно разрабатывались в последние десятилетия учеными разных стран (Ч. Филлмором, Т. А. ван Дейком, Дж. Лакоффом, А. Вежбицкой, У. О. Куайном, П. Сгаллом; в России – Н. Д. Арутюновой, О. Н. Селиверстовой, Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой и многими другими учеными). Нами была поставлена задача на основании изучения западнославянских и русских текстовых и фразовых структур (в первую очередь – посессивных) выявить и смоделировать соответствующие им стереотипные отношения в картине мира (КМ), которая понимается нами как комплекс знаний о мире, об устройстве макрокосма и микрокосма, представляющий собой систему концептов-"стереотипов" предметов, действий и ситуаций, ко-

¹ Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. М., 1988. С. 6.

² Там же. С. 8.

тору можно считать в определенной степени универсальной для человеческого менталитета в целом.

Вышеупомянутые стереотипные отношения между концептами в КМ строятся таким образом, что один из них с той или иной степенью обязательности "включает" другой (концепт $C_1 \ni$ концепт C_2 – отношение включения), а второй "входит" в первый ($C_2 \in C_1$ – отношение вхождения).

Были выделены 4 типа таких отношений в зависимости от типов связанных этими отношениями концептов:

1) Предмет \ni предмет: $P_1^c \ni P_2^c$. Отношение предмет \ni предмет представляет собой так или иначе посессивное отношение (отношение часть–целое или отношение обладания).

Отношение включения (в частном случае – обладания): $Ps^c \ni R^c$ (посессор включает объект обладания): 'человек \ni рука'.

Отношение вхождения (в частном случае – принадлежности): $R^c \in P^c$ 'рука \in человек'.

2) Предмет \ni признак (так называемый "постоянный признак предмета"): $P^c \ni M^c$ (отношение включения: 'снег \ni белый');

Отношение вхождения: $M^c \in P^c$ ('белый \in снег').

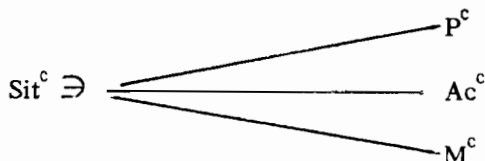
Эти отношения, по-видимому, также следует отнести к посессивным. Впрочем, следует заметить, что концепты 'предмет–признак' достаточно редко бывают связаны стереотипными отношениями, поскольку в реальной языковой ситуации признак чаще играет индивидуализирующую роль, выделяя предмет из ему подобных.

3) Действие \ni предмет: $Ac^c \ni P^c$ (где Ac^c – концепт действия; P^c – концепт одного из актантов действия), напр.:

$Ac^c \ni Instr^c$ ('шить \ni иглой') – отношение включения;

$Instr^c \in Ac^c$ ('игла \in для шитья') – отношение вхождения.

4) Ситуация \ni элементы ситуации, взаимосвязанные между собой (предметы, действия, признаки):

Концепты предметов, действий и ситуаций включают в себя, как правило, более одного концепта и могут быть названы ядер-

ными концептами, образующими вместе с включенными в них концептами стереотипные ментальные структуры (СМС), представляющие собой отдельные фрагменты картины мира. Было выделено три типа стереотипных ментальных структур:

1) СМС посессора [СМС (P_s^c)]; сюда должны быть отнесены СМС посессора-лица и ее редуцированные отражения: СМС предметного и абстрактного посессора; ядром или ключевым концептом-стереотипом таких СМС является концепт посессора, например, концепт человека, стола и т. п. с входящими в него элементами-концептами, которые характеризуются различной степенью неотчуждаемости (парадигматической связанности, ПС) с ядром (абсолютная, относительная и окказиональная неотчуждаемость);

2) СМС действий (СМС (A_s^c)), содержащие ядро – ключевой концепт действия и концепты его "неотчуждаемых" актантов;

3) СМС типовых ситуаций (СМС (Sit^c)), содержащие ядро – ключевое понятие (концепт) ситуации и концепты ее "неотчуждаемых" элементов.

Концепты, "входящие" в ядерный концепт СМС, в дальнейшем для удобства изложения будем именовать "свойствами" ядерного концепта. Следует заметить, что один и тот же концепт-свойство может входить одновременно в СМС разных типов; так, например, концепт "глаза" является, с одной стороны, свойством ядерного концепта "человек" (отношение предмет \ni предмет) и, с другой стороны, – свойством ядерного концепта "смотреть" (отношение действие \ni предмет).

Роль СМС в речи и в языке сводится к следующим двум постулатам:

1) Речь, как правило, не содержит информации об отношениях, заключенных в СМС.

2) Речь должна фиксировать отношения, выходящие за рамки СМС.

Как будет показано ниже в соответствующих главах, этими постулатами в значительной степени определяется функционирование категорий определенности–неопределенности и посессивности, референция имени, реализация глагольных валентностей, проблемы построения связного текста и даже семантика некоторых словообразовательных структур. Из вышесказанного следует,

что понятие СМС пересекается с понятием фрейма³ и с понятием денотативного пространства⁴, однако термин "стереотипная ментальная структура" представляется наиболее применимым для нашего исследования, ориентированного прежде всего на описание феномена проецирования картины мира как универсального знания на различные уровни языка.

Наряду со специфически трактуемым термином картины мира (КМ), при исследовании паремиологических текстов, восходящих к менталитету древних социумов, используется также термин модели мира (ММ), обозначающий систему концептов-символов, являющуюся результатом творческого, поэтического осмысления знаний о мире и человеке как центре этого мира⁵. Таким образом, КМ и ММ рассматриваются в работе как системы концептов-стереотипов, в которых предметам, действиям и ситуациям присваиваются некоторые стереотипные ("неотчуждаемые") свойства: $C \ni \sum Pr^c_{KM} \& \sum Pr^c_{MM}$ (концепт C включает в себя сумму концептов свойств в системе КМ и сумму концептов свойств в системе ММ). Эти концептуальные свойства имплицитно ядреным концептом ($\sum Pr^c \leftarrow C$) и поэтому нерелевантны для прагматики обычного текста, ориентированного на индивидуальное, содержащего информацию об индивидуальных свойствах реальных денотатов, ср. *Перед зданием обкома красовались синие ели* ("синий" – свойство конкретного денотата) / *Перед зданием обкома красовались *зеленые ели* ("зеленый" – свойство концепта "ель"); *Пьяный заговорил заплетающимся языком* ("заплетающийся язык" – свойство конкретного "денотата"-действия) / *Пьяный заговорил *языком* ("язык" – свойство концепта "говорить"). Сообщение о свойствах концептов может содержаться только в общих высказываниях, отражающих соответствующие СМС: $C \ni Pr^c$, ср. *Амебы размножаются делением* (сообщение о свойствах концепта) / **Эта амеба размножается делением* (размножение делением не составляет отличительного свойства данной амебы); ср. также *Человек смер-*

³ См., в частности, Чарняк Ю. Умозаключения и знания (ч. II) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, вып. XII. С. 304, где дано следующее определение фрейма: "фрейм – это структура данных, представляющих стереотипную визуальную ситуацию".

⁴ А. Д. Шмелев (см. Шмелев А. Д. АКД. М., 1984. С. 3) определяет денотативное пространство как "фрагмент внеязыковой действительности", которому принадлежит объект.

⁵ Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории посесивности // Славянское и балканское языкознание. М., 1986. С. 142–166.

тен (общее высказывание, отражающее соответствующие концептуальные отношения в СМС) / *Петр смертен (быть смертным не является исключительным свойством Петра).

Таким образом, концептуальные свойства ядерного концепта СМС не могут быть использованы для идентификации отдельного денотата. Возможность репрезентации концепта С через его стереотипные свойства ($C \leftarrow \Sigma R^c$) различным образом используется в паремиологических текстах (загадке, заговоре, поговорке, пословице, поговорке). Типы паремиологических текстов различаются по своей прагматике, и, следовательно, используемые фрагменты КМ и ММ служат в этих разных по характеру и назначению текстах различным прагматическим задачам, однако все они ориентированы на "универсальное знание", на стереотип, вне зависимости от того, включен ли данный паремиологический текст в конкретную ситуацию (как заговоры и причеты), в контекст (как поговорки и поговорки) или этот текст семиотически не связан с контекстом или ситуацией (как это имеет место в загадке). Следует заметить, что неотчуждаемые концептуальные свойства, зафиксированные в системах КМ и ММ, широко используются и в других типах фольклорных текстов, например, в волшебной сказке, – ср. сказки о животных, в которых действуют по сути не "денотаты", а "концепты", эталоны животных (Лиса, Заяц, Петух – а не лиса, заяц петух), своим поведением репрезентирующие свои стереотипные (как правило, в системе ММ) свойства.

Глава I: "Посессивные стереотипные ментальные структуры". Статика посессивных отношений⁶ посвящена раскрытию содержательного аспекта посессивных отношений в их статике. При этом посессивность понимается как такое отношение (r) между двумя сущностями, при котором одна из них (субъект обладания, обладатель, посессор Ps) "включает" другую (объект обладания, обладаемое R), составляя с ней единое физическое и/или функциональное целое. Это отношение обладает свойством рекурсивности, т. е. в зависимости от точки отсчета может рассматриваться как отношение "вхождения" (в частном случае – принадлежности): $R \in Ps$ 'R входит в Ps', и как отношение "включения" (в частном случае – обладания): $Ps \ni R$ 'Ps включает R', причем каждый из аспектов отношения r располагает своим набором средств вы-

⁶ Головачева А. В. Категория посессивности в плане содержания // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989. С. 44–70.

ражения в языке. При этом в зависимости от ситуации отношения посессивности могут трактоваться как неподвижные, статичные, и как движущиеся, динамичные (нарушение одних посессивных связей и возникновение других, воздействие одного из членов отношения или протекающих в нем процессов на другой и т. п.).

Описание статике посессивных отношений сводится к описанию типов отношений, выражаемых категориальными средствами, классификации этих типов по "степени неотчуждаемости", выявлению некатегориальных средств выражения этих типов отношений (с учетом рекурсивности) и описание их семантики (с помощью семантико-синтаксических и семантических моделей) – с целью выявить то общее, что дало возможность языковому менталитету объединить на формальном уровне различные по своей семантике отношения в единую языковую категорию. Описание осуществляется "от центра к периферии", т. е. начиная от тех типов отношений, свойственных одушевленному посессору (и в первую очередь – лицу), которые расцениваются языковым и человеческим менталитетом как отношения неотчуждаемости (парадигматической связанности, ПС) между Ps и R, присущие не только конкретному лицу, но и человеку вообще, осознаваемому как абстрактная сущность, концепт (вследствие чего такие отношения для конкретного денотата мыслятся как обязательные или в высшей степени вероятные). Неотчуждаемость составляет ядро посессивности, включающей также отношения, выходящие за рамки СМС (Ps^c) (отношения отчуждаемой принадлежности). С точки зрения парадигматической связанности было выделено 4 класса объектов обладания: абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемые⁷ и собственно отчуждаемые. В качестве диагностических контекстов при этом использовались: 1) для различения абсолютно и относительно неотчуждаемых объектов – утвердительные конструкции обладания (включения) без атрибута, ср. *У Петра есть рост (но: У Петра высокий рост), *девушка с глазами (но: девушка с синими глазами) – абсолютная неотчуждаемость / У Петра есть сын; молодой человек с усами – относительная неотчуждаемость; 2) для различения относительно и окказионально неотчуждаемых объектов – ряд конструкций, в частности, кон-

⁷ Головачева А. В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983. С. 19–23.

струкции, в которых Ps и R впервые вводятся в речь, ср. **На автобусной остановке стояла девушка в платье* (относительная неотчуждаемость) / *На автобусной остановке стояла девушка в джинсах* (окказиональная неотчуждаемость; З) для различения окказионально неотчуждаемых и собственно отчуждаемых объектов – конструкции с Dat_{poss} (и ряд других), ср. *Ему сломали машину* (собственную – окказиональная неотчуждаемость), *Ему сломали автобус* (на котором он работает – окказиональная неотчуждаемость) / но: **Ему сломали автобус* (на котором он ехал как пассажир – собственно отчуждаемость).

Структуры посессивных отношений неодушевленного посессора (предметного и абстрактного) представляют собой в той или иной степени редуцированное отражение структуры посессивных отношений одушевленного посессора, однако им свойственны также и специфические черты, связанные с особенностями предметных и абстрактных сущностей. Характерно, что структуры посессивных отношений предметного и абстрактного посессора включают в себя только те объекты обладания, которые сами обладают "центростремительной потенцией", т. е. способностью входить в посессивное пространство соответствующего посессора и которые в подавляющем большинстве (кроме частей предметов) обозначаются именами релятивной семантики.

Исследование отношений, выражаемых категориальными средствами, позволило выявить три типа посессоров и типы объектов обладания, свойственные каждому типу Ps. Для каждого типа R был выяснен характер посессивной связи (отношение часть-целое, отношение родства, собственности, принадлежности по функции, отношение к признаку и т. д.) и степени ПС для соответствующих пар Ps и R. Эти свойства посессивных отношений определяются "центробежными" свойствами посессора, его способностью "присваивать себе объекты внешнего мира, и "центростремительными" свойствами объектов обладания, их способностью занять то или иное место в структуре посессивных отношений данного типа Ps.

Глава II: "Посессивные и другие СМС и структура высказывания. Динамика посессивных отношений"⁸ посвящена роли СМС посессора, а также СМС действий и ситуаций в структуре выска-

⁸ Головачева А. В. Категория... С. 70.

зывания. В высказывании имеет место взаимодействие, наложение друг на друга вышеупомянутых типов СМС, что может "сдвинуть" объект обладания либо к центру посессивного пространства реального посессора (денотата), в сторону неотчуждаемости, либо от центра к периферии, в сторону отчуждаемости. Динамические ситуации, возникающие под воздействием сил, внешних или внутренних по отношению к Ps, вызывают в Ps и в R взаимосвязанные между собой процессы. Такие динамические ситуации выражаются в языке разнообразными семантико-синтаксическими структурами (r-Stg), общим свойством которых является то, что, отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и в R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений, что в большинстве случаев исключает необходимость в статическом показателе посессивности, который в артиклевых языках в большинстве случаев заменяется на определенный артикль. В этой связи в главе рассматривается проблема взаимоотношений категории посессивности и определенности в рамках высказывания⁹.

Наибольшим разнообразием отличаются семантико-синтаксические структуры, описывающие динамику отношений в ядре категории, и в первую очередь динамические r-Stg с именами частей тела. Неотчуждаемость как ментальная категория, связывающая посессивным отношением концепт посессора с концептами объектов обладания, выступает здесь в своем наиболее явном виде – посессор со своими объектами обладания составляют единое физическое и/или функциональное целое. В то же время, являясь физически составной частью Ps, части тела обладают и некоторой автономностью по отношению к нему, что предопределяет разнообразные возможности их взаимодействия. Посессор в таких конструкциях может играть роль агенса, пациенса и локуса действия, а часть тела – роль агенса, пациенса, инструмента и локуса действия.

Описание динамических ситуаций проводится на базе синтаксических моделей, которые могут быть отнесены к двум основным классам:

⁹ Головачева А. В. К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986. С. 192–201.

I – модели конструкций, в которых агенсом является Ps;

II – модели конструкций, в которых агенсом является R или некоторый агент, внешний по отношению к Ps.

Внутри каждого класса выделяются элементарные и комплексные модели. Элементарными здесь называются модели, в которых имя (или имена) частей тела занимают одну актантную позицию, например: *Ребенок открыл глаза*_{Obj. dir.}, *Мальчик держит в руке*_{Loc} мяч, *Ноги*_{Subj} у нее подкосились, *Женщина погладила ребенка по голове*_{Loc} и т. п. Комплексные модели представляют собой комбинации элементарных моделей одного и того же или разных классов и включают имена частей тела в разных (двух или более) актантных позициях, например, *Ноги*_{Subj} у него не сгибаются в коленях_{Loc}, *Девушка рукой*_{Instr} пригладила волосы _{Obj. dir.} на лбу_{Loc} и т. п.

Динамические структуры с именами неодушевленных посесоров имеют весьма ограниченное употребление; следует назвать г-Str, обозначающие "воздействие" на предметный Ps в локусе его части, например, русск. поднять стул за ножку, польск. *Obedrzeć drzewo z koğu*, конструкции пространственного ориентирования Ps: польск. *Portret odwrócony jest twarzą do ścianę* и т. д. Только статически могут быть представлены отношения посессивности и для собственно отчуждаемых объектов одушевленного посессора, поскольку такие отношения не имеют аналога в соответствующей СМС (Ps), ср. польск. *Linia słońca skoczyła mi pod koła* (т. е. под колеса машины, которой Ps управлял – принадлежность по активной функции Ps) но: **Linia słońca skoczyła mi pod koła* (автобуса, на котором он ехал – принадлежность по пассивной функции Ps, не имеющей соответствия в СМС); это приводит нас к выводу о том, что и в динамической ситуации посессор должен играть роль центра, вокруг которого группируются его объекты обладания; в частности, в отношении принадлежности по функции он должен играть роль исполнителя функции.

Особенностями Ps-лица по отношению к Ps-животному с точки зрения статики посессивных отношений является большая дифференциация этих отношений по их характеру (наличие отношений собственности, сложная структура родственных отношений, разнообразие типов абстрактных объектов обладания), а с точки зрения динамики – многообразие потенциальных окказионально неотчуждаемых объектов, а также способность присваивать себе любые не предусмотренные парадигматикой объекты, что связано

с антропоцентричностью категории посессивности, ее генезисом, ориентированностью на человека, осваивающего и присваивающего себе внешний мир. Антропоцентричность категории сказывается также и в том, что СМС предметного и абстрактного посессора в значительной степени изоморфны СМС Ps-лица, представляют собой ее редуцированные отражения, являются результатом абстрагирования категории человеческим разумом, одним из путей моделирования и освоения человеком внешнего мира.

Глава III: "Стереотипные ментальные структуры и структура связного текста"¹⁰ посвящена проблеме взаимодействия СМС разных типов в рамках текста. Если в пределах изолированного высказывания референция имени объекта обладания заключается в соотнесении его с соответствующим посессором, что может в случае взаимодействия СМС (Ps^c), СМС (Ac^c) и СМС (Sit^c) не требовать эксплицитного показателя посессивности (т. е. выбор осуществляется между наличием показателя посессивности или его отсутствием при имплицитном выражении посессивности в г-Str), то в рамках более широкого контекста может возникнуть необходимость соотнесения номинации объекта обладания и с соответствующим посессором, и с предшествующей номинацией объекта обладания. При этом референция имени объекта обладания строится в зависимости от семантико-синтаксических свойств предложения, включающего имя объекта обладания, а также в результате наложения двух типов текстовых отношений: 1) отношение данной номинации R к предшествующему тексту (4 варианта отношений); 2) позиция номинации R по отношению к номинации Ps (4 варианта). Рассмотрение возможных комбинаций упомянутых типов текстовых отношений позволило установить 9 типов контекстов, релевантных для выбора типа референции имени R. Помимо текстовых отношений, как и в рамках изолированного высказывания, большую роль играет семантика имени R, степень неотчуждаемости данного R в рамках соответствующей СМС (Ps^c). При прочих равных условиях русский язык обнаруживает тенденцию к индивидуализации имени R, к соотнесению его с соответствующей СМС (Ps^c), а западнославянские языки более склонны к его идентификации с предшествующим наименованием с помощью указательного местоимения.

¹⁰ Головачева А. В. К проблеме референции имени объекта обладания в тексте (на материале польских, чешских и русских художественных текстов) // Исследования по структуре текста. М., 1987.

Глава IV: "Стереотипные ментальные структуры и структура паремиологического текста"¹¹ посвящена исследованию роли СМС в построении паремиологического текста, а именно загадки и заговора.

Прагматической задачей загадки является идентификация загаданного концепта C^x посредством репрезентации его через сумму его неотчуждаемых, концептуальных, стереотипных свойств в системах КМ и ММ; иными словами, загадку можно сравнить с общим высказыванием, содержащим только рему, а тема – это отгадка, которую мы находим в системе стереотипов (КМ или ММ), т. е. в соответствующей стереотипной ментальной структуре. Таким образом, простейшая семиотическая схема загадки получает следующий вид:

Текст загадки

СМС, заложенная
в presupпозиции загадки

$$C^x \ni \Sigma P_r^n$$

$$C^n \ni \Sigma P_r^n$$

Отгадка: $C^x = C^n$

C^x отгадывается по совокупности свойств P_r^n , при этом известно, что в системе КМ (ММ) совокупность свойств P_r^n содержит концепт C^n ; отгадка: $C^x = C^n$. В главе подробно анализируются различные семиотические типы загадок (репрезентация C^x через признак, через функцию (характерное действие), через его объекты обладания и их свойства (признаки и постоянные функции), а также репрезентация C^x через его связь с некоторым процессом).

В заговорных текстах главным орудием магического воздействия являются повторы, которые могут осуществляться эксплицитно – анафоры, тавтологии (что можно схематически обозначить как $C \& C$ – повтор концепта), и имплицитно, т. е. посредством репрезентации упомянутого концепта через его концептуальные свойства: $C \& P_r(C)$ (содержащиеся в системах КМ и ММ), ср.: *...есть на святой Руси красна двѣвица..., полетай ей въ ретивое сердце, въ черную печень, въ горячую кровь, въ становую жилу, въ*

¹¹ Головачева А. В. К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст I. М., 1994. С. 195–213. Она же. Картина мира и модель мира в прагматике заговора // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 196–211.

сахарные уста, въ ясныя очи, въ черныя брови. Как и любой другой паремиологический текст, заговорный текст является каноническим, и хотя он применяется в конкретной ситуации, однако он не содержит указаний на индивидуальные свойства конкретных денотатов, например, адресатов любовных заговоров от болезней, а содержит только свойства, принадлежащие соответствующим концептам. Следует заметить, что если в заговоре достаточно широко используются свойства концептов в системе модели мира, то прагматические особенности загадки (идентификация концепта по его свойствам) обуславливают преимущественное использование данных КМ для идентификации загаданного концепта.

ПОСЕССИВНЫЕ СТЕРЕОТИПНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ СТАТИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Посессивность понимается здесь как такое отношение (r) между двумя сущностями, при котором одна из них (объект обладания, обладаемое R) "включается"¹² в другую (обладатель, посессор Ps)¹³, составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое. Это отношение осознается языковым менталитетом и выражается в наличии специальной языковой единицы (лексической, словообразовательной и т. п.). Такими единицами в рассматриваемых языках являются притяжательное местоимение R_{poss} и притяжательное прилагательное $Attr_{\text{poss}}$. Анализ отношений, выражаемых этими языковыми единицами, показывает, что структура посессивности как языковой категории весьма неоднородна, во-первых, потому, что данная категория, помимо категориальных средств, располагает и разнообразными некатегориальными средствами выражения, которые могут быть дифференцированы в зависимости от семантики Ps , наличия в ней признаков одушевленности–неодушевленности, личности–неличности, конкретности–абстрактности, а также в зависимости от семантики R , которым может быть свойственна большая или меньшая степень неотторжимости, неотчуждаемости от соответствующего Ps . Во-вторых, само отношение посессивности обладает свойством рекурсивности, обратимости и в зависимости от точки отсчета может рассматриваться как отношение "вхождения" (в частном случае – принадлежности): $R \in Ps$ 'R входит в Ps', и как отношение "включения" (в частном случае – обладания): $Ps \supset R$ 'Ps включает R', причем каждый из аспектов отношения r располагает своим набором средств выражения в языке. В-третьих, отношения посессивности в зависимости от ситуации могут трактоваться как неподвижные, статичные, и как движущиеся, динамичные (нарушение одних посессивных связей и возникновение других, воздействие

¹² Топоров В. Н. Указ. соч. С. 149.

¹³ Для краткости и простоты изложения мы будем пользоваться символами Ps и R как для обозначения соответствующих объектов внешнего мира, так и их имен.

одного из членов отношения или протекающих в нем процессов на другой и т. п.). При этом статика и динамика также располагают различными наборами средств для своего выражения.

В настоящей главе дается описание статике посессивных отношений, классификация типов отношений, выражаемых категориальными средствами, по их характеру (отношение часть/целое, отношение родства, отношение собственности и т. п.), а также по степени неотчуждаемости¹⁴ (парадигматической связанности); дается описание некатегориальных средств выражения этих типов отношений (с учетом рекурсивности) и их семантической структуры с целью выявить то общее, что дало возможность языковому менталитету объединить на формальном уровне различные по своей семантике отношения в единую языковую категорию.

Анализ языковых данных рассматриваемых языков позволяет представить категорию посессивности как пространственную концентрическую (антропоцентрическую) структуру, центром которой является человек, его духовное средоточие (ядро), тело, и далее внешнее пространство, также частично присвоенное ядром¹⁵, а также проекции этой структуры на другие сферы внешнего мира, в результате чего создаются иные типы посессоров и соответствующих им пространственных концентрических структур. Такая структура категории, имеющая место в современных языках, объясняется генезисом языкового и человеческого менталитета: осознание человеком самого себя, своего тела и его частей, а также ближайших к нему объектов внешнего мира как "своих", затем "присвоение" им более удаленных конкретных и абстрактных сущностей и, наконец, абстрагирование категории, перенесение уже сформировавшейся модели на эти, расположенные вне человека неодушевленные сущности, которые прежде могли быть только присваиваемы, а затем и за ними было признано "право" присваивать.

Учитывая вышеприведенные рассуждения, следует признать целесообразным начать описание содержательного аспекта категории посессивности "от центра к периферии", т. е. с тех типов отношений, свойственных одушевленному посессору (и в первую

¹⁴ Головачева А. В. К вопросу о содержательном аспекте категории посессивности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы сообщения. М., 1983. С. 19–26; Она же. К вопросу о соотношении категорий...

¹⁵ Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // Славянское и балканское языкознание. М., 1986.

очередь – лицу), которые расцениваются языковым и человеческим менталитетом как отношения неотчуждаемости, т. е. присущи не только конкретному лицу, но и человеку вообще, осознаваемому как абстрактная сущность, концепт, т. е. как ядро СМС 'человек'. Такие отношения для конкретного лица мыслятся как обязательные или в высшей степени вероятные.

Статика посессивных отношений одушевленного посессора

А. Отношения неотчуждаемой принадлежности

Отношения неотчуждаемой принадлежности – это отношения, входящие в СМС 'человек' как обязательные или в высшей степени вероятные:

1) Отношение между человеком и его "физическими составляющими" (частями тела и внутренними органами). Такие отношения можно назвать отношениями "часть–целое" лишь условно, поскольку "целым" является по сути тело, а не сам человек, "обладающий" телом (*человек \ni его части). Отношение 'человек \ni его части тела' с точки зрения партитивности рассматриваются языковым менталитетом как двухступенчатое, включающее две ступени посессивных отношений: а) 'человек (= единство духовного начала и тела) \ni его тело' и б) 'тело (= единство частей тела) \ni его части'. При этом как посессивные рассматриваются отношения между телом и его частью как общим понятием ("константой"), а отдельные части тела ("переменные") принадлежат уже не телу, а его "обладателю", человеку: *тело \ni его рука, но: человек \ni его рука. Это наводит на мысль, что посессивные отношения между живым существом и его частями тела следует рассматривать не как отношения часть–целое, а как отношения неотчуждаемой принадлежности по функции.

Человек, человеческое Я – его духовное начало, его тело и части тела – представляют собой физическое, духовное и функциональное единство, являющееся своего рода "моделью", по которой языковой и человеческий менталитет структурирует и другие типы отношений неотчуждаемости. Это подтверждается, в частности, и внеязыковыми данными человеческого менталитета, например, ритуалами погребения в архаичных коллективах вместе с умершим его жены, коня, посуды, пищи, украшений и т. п., т. е. всего того, что считалось неотчуждаемым наравне с телом. Реликтами такого осмысления отношений между Я и ближайшими

объектами внешнего мира следует, по-видимому, считать также ряд языковых, семантико-синтаксических (см. след. главу), словообразовательных и лексических феноменов, например, субстантивация $\text{R}_{\text{top}}_{\text{poss}}$ и $\text{Attr}_{\text{poss}}$ при образовании супружеских (и других родственных) отношений, ср. чеш. *svoji* 'супруги', 'свои', т. е. 'принадлежащие друг другу', 'взаимно связанные в одно целое'; ср. также русск. *свои, свой* 'относящийся к тому же социуму, племени, связанный взаимной неотчуждаемой принадлежностью с остальными в единое функциональное целое', а также просторечные формы *мой, твоя* при обозначении супругов; аналогичное происхождение имеют и продуктивные до настоящего времени польские лексико-словообразовательные модели – субстантивированные $\text{Attr}_{\text{poss}}$ типа польск. *synowa* 'жена сына, невестка', *dyrektora* 'жена директора'; многие славянские фамилии, возникшие как названия членов семьи по их неотчуждаемой принадлежности главе семьи: русск. *Петров, Фомин*, чеш. *Janků < Jankův* ('чей?'; $\text{Attr}_{\text{poss}}$); русск. *Живаго* ('кого?' = 'чей?'; Gen_{poss}); словообразовательные модели женских фамилий, образованных от мужских: польск. *Falczak – Falczakowa*, чеш. *Čapek – Čapková, Ivanov – Ivanovová*; двойные посессивные образования типа русск. *Фоминых* ('чьих?'; $\text{Attr}_{\text{poss}} + \text{Gen}_{\text{poss}}$); такие словообразовательные модели – одно из свидетельств большей архаичности $\text{Attr}_{\text{poss}}$ по сравнению с Gen_{poss} ; как нерасторжимое целое представлены супружеские пары в польских словообразовательных моделях типа *synostwo* 'сын с женой', *wujostwo* 'дядя с женой' и т. п., а также в русской лексеме *половина*, служащей для обозначения любого из супругов; при этом другой из супругов рассматривается как единство двух людей ('он – ее половина'/'она – его половина'). Близкий к такому пониманию образ человеческих отношений (он и она – правая и левая половины одного тела-единства) встречаем у Цветаевой в стихотворении из цикла "Плащ":

Как правая и левая рука,
 Твоя душа моей душе близка.
 Мы смежены блаженно и тепло,
 Как правое и левое крыло.
 Но вихрь встает – и бездна пролегла
 От правого – до левого крыла!

Как показывают языковые данные (в частности, рефлексивные конструкции, задачей которых является отождествление двух актантов), границы Я могут проходить не только за пределами

тела, но и внутри тела, ср. в этой связи соотношения между Я, телом и Я' в рефлексивных конструкциях (где Я – агент, а Я' – некоторый другой актант, обозначаемый, как правило, возвратным местоимением):

а) Я и Я' тождественны: польск. *Nigdy nie mówi o sobie*;

б) Я' отождествляется с телом: словц. *zazriet' nad se bou, hl'adiet' pred se ba*, польск. *mieć na sobie (jakiś ubranie), rozmawiać z kims' stojącym za sobą*;

в) границы Я' уже пространственных границ тела: русск. *поджать под себя ноги* (ср. польск. *pies bierze ogon pod siebie*), ср. также аналогичное соотношение между Я и телом в некоторых рефлексивных конструкциях: польск. *nogi ugięły się podena*, чеш. *jde na dlouhých nohách*;

г) часть тела противопоставляется Я', тождественному Я: чеш. *vložit na sebe ruku*;

д) Я отождествляется с душой, противопоставленной телу: словц. *Strkol k se be mikrofón a ako bez se ba kričal*.

2) Отношение между человеком и ближайшими к нему абстрактными сущностями, "расположенными внутри" тела: душой ("нутром"), совестью, разумом, сознанием, памятью; "психическими константами": мыслями, чувствами, убеждениями, настроением (каждой из таких неотчуждаемых констант, являющихся принадлежностью любого человека, человека вообще, т. е. ядерного концепта "человек", соответствует свой набор отчуждаемых переменных, относящихся к конкретному индивидууму, его конкретному психическому состоянию: конкретным мыслям, чувствам и т. п.); константами, относящимися к деятельности частей тела и внутренних органов: голосом, походкой, зрением, слухом; здоровьем, аппетитом, артериальным давлением; константами, связанными с интеллектуальной деятельностью человека: речью, почерком; физическими константами, характеризующими тело человека и его части с точки зрения физических показателей: размерами (ростом, толщиной), весом, внешним видом (наружностью, чертами лица, образом, фигурой, тенью); временными константами: жизнью (судьбой, долей), молодостью, старостью, прошлым, будущим¹⁶, возрастом ("годами"); неотчуждаемыми социальными кон-

¹⁶ При этом проблематично отнесение к временным константам настоящего, ср. я вспоминаю (свое) прошлое, думаю о (своем) будущем, но: *живу (*своим) настоящим, что связано, по-видимому, с тем, что точкой отсчета является настоящее

стантами: именем, происхождением, профессией, правами и обязанностями, а также рядом социальных констант, объединяющих людей в этнические и социальные группы: верой, языком, обычаями и т. п.; пространственными константами: местом (местоположением в пространстве), а также (в некоторых языках) отношение между лицом и ближайшим окружающим его пространством, ср. польск. *po jej prawej (lewej) stronie*.

3) Отношение лица к ближайшим предметам, в первую очередь, – к одежде, которая может трактоваться: а) как абстрактная сущность (концепт, "константа") и в этом случае осознаваться как неотчуждаемая принадлежность по функции: "одежда – то, что одевает"; б) как "продолжение" тела, его неотчуждаемая часть (такой тип отношения реализуется в динамике, ср. русск. *схватить кого-либо за руку – за рукав*); в) как предмет собственности, т. е. как отчуждаемый объект, способный к смене посессоров; отношение лица к локусу обитания, который может (в случае индивидуального обладания) рассматриваться и как локус, и как собственность; в первом случае возможно "слияние" посессора с его локусом, который осознается как его "продолжение", ср.: *Он пришел ко мне < в комнату, домой >* [заметим, что наименование локуса может в этом случае элиминироваться, поскольку отношение посессор–локус заключено в самом глагольном словосочетании, ср.: *Он пришел ко мне 'вошел в мой локус' / Он подошел ко мне 'приблизился'*]; язык дифференцирует понятие локуса для единичного и множественного посессора; так, наименования различных территориальных единиц обычно соотносятся с множественным посессором [в сочетаниях с единичным посессором типа *моя страна, моя республика* притяжательное местоимение приобретает дополнительную актуализацию, подчеркивающую наличие не только территориальной, но и некоторой функциональной связи с посессором (ср. *мой труд вливается в труд м о е й республики*)]; что касается локуса-жилища, то жилище как абстракция (константа) осознается как объект неотчуждаемой принадлежности, отношение же к конкретному жилищу (переменной) может трактоваться

время, общее для коммуникантов; прошлое и будущее более индивидуально, что объясняется пространственными, экзистенциальными и другими причинами, определяющими человеческое существование. К временным константам следует отнести также время, при этом 'наше время' ('коллективный Ps') может означать прошедшее, настоящее и будущее, а 'мое, его время' – только прошедшее или будущее (поскольку настоящее время всегда является общим для коммуникантов).

как отношение неотчуждаемости только в том случае, если посесор представлен в полном объеме, при "частичном владении" такое значение невозможно, ср. *мой дом* (индивидуальный) – *мне отремонтировали дом*, но: *мой дом* (коммунальный) – **мне отремонтировали дом* (возможно только: *нам отремонтировали дом*). Кроме одежды и локуса обитания, можно назвать также ряд предметов, "ближайших" к лицу (набор соответствующих концептов – констант в значительной степени определяется социальными условиями); к таким предметам относится домашняя утварь, в архаичных социумах – орудия труда и оружие, в цивилизованном обществе – документы, удостоверяющие личность (паспорт, визитная карточка и т. п.), а также наиболее необходимые современному человеку предметы личного обихода.

4) Родственные и некоторые другие отношения лица – "обладателя" к лицу – "обладаемому"; характер отношения однозначно определяется релятивной семантикой имени "обладаемого": сочетания *его отец, дочь, брат, друг, сосед* обозначают некоторое лицо-обладаемое через его отношение к лицу-обладателю; вне соотношения с обладателем такие имена употребляются редко и обозначают статус: *она стала матерью, на родительское собрание пришли одни бабушки* и т. п. При этом одушевленные имена релятивной семантики могут образовывать симметричные и конверсивные пары¹⁷, ср. *брат–брат, друг–друг, сосед–сосед, ровесник–ровесник и отец–сын, свекор–невестка*). Родственные отношения могут осознаваться языковым и человеческим менталитетом и как отношения часть–целое (см. выше), а также как отношения собственности (принадлежности и обладания), нашедшие свое отражение в семантике глаголов типа *обладать, взять (в жены); принадлежать, отдаваться*; др.-русск. ПОГАТИ ЖЕНА, польск. *pojść za żonę* и т. п.

Выше мы пытались перечислить типы отношений, свойственные не только отдельному лицу, но и человеку вообще, присущие каждому человеку обязательно или с большой степенью вероятности и, следовательно, содержащиеся в СМС "человек". Для таких отношений семантика словосочетания $R_{\text{poss}}R$ (*его рука, его душа, его молодость, его одежда, его дом, его сын*) полностью адекватна смыслу самого словосочетания и не связана с контекстом или ситуацией (т. е. отношение $R \subseteq P_s$ для денотатов пол-

¹⁷ Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.

ностью соответствует отношению $R^c \in Ps^c$ для концептов в СМС). Семантика входящего в словосочетание P_{top_poss} определяется в первую очередь семантикой R и включает в себя два основных компонента: отношение **вхождения** ($R \in Ps$) и предикацию **включения** ($Ps \ni R$), что соответствует двум вышеупомянутым аспектам категории посессивности; например, в высказывании *Его машина стоит у подъезда* мы узнаем из словосочетания *его машина* не только о том, что машина – его, принадлежит ему ($R \in Ps$), но также и о том, что он имеет машину ($Ps \ni R$):

[У него есть машина ($Ps \ni R$)]	<u>Его машина стоит у подъезда</u>
	↓
	Машина, которая принадлежит ему ($R \in Ps$)

С точки зрения предикации включения различаются абсолютная и относительная неотчуждаемость. Отношения **абсолютной неотчуждаемости** осознаются языковым менталитетом как обязательные для любого конкретного Ps , поэтому при именах абсолютно неотчуждаемых R предикация включения в семантике P_{top_poss} отсутствует, ср.:

а) [*У него есть глаза]	Его глаза устремлены вдаль.
б) [*У него есть рост]	Его рост 180 см.
в) [*Он испытывает чувства]	Свои чувства он скрывает ото всех.
г) [*Он носит одежду]	Его одежда всегда безукоризненна.
д) [*Я жил во время]	В мое время детей воспитывали иначе.
е) [*Он живет в стране]	Он рассказывал нам о своей стране.

К абсолютно неотчуждаемым объектам обладания одушевленного Ps (лица) относятся части тела (кроме отрастающих частей), перечисленные в п. 2 абстрактные сущности, а также одежда, жилище, предметы личного обихода (вне их конкретного воплощения), некоторые территориальные единицы наиболее общего характера.

В сочетании с **относительно неотчуждаемыми** именами P_{top_poss} содержит предикацию включения, поскольку отношения между соответствующими концептами в КМ являются лишь весьма вероятными, но не необходимыми, ср.:

а) [У него есть сын]	Его сын вчера звонил нам.
б) [У него есть усы]
(Он носит усы)	Его усы делают его похожим на гусара.
в) [У меня есть платье]
(Я ношу платье)	Мое платье уже вышло из моды.
г) [Он живет в городе]	Он много рассказывал нам о своем городе.

К относительно неотчуждаемым объектам относятся отрастающие части тела (усы, борода, бакенбарды и т. п.), лица, состоящие с P_s в отношении родства, а также его друзья и соседи, одежда, жилище, предметы личного обихода (в более узком понимании, однако далеко от детализации): в современном обществе – костюм (для мужчин), платье (для женщин); дом, основные разновидности домашней утвари и предметов личного обихода, а также населенные пункты (например, город, село, аул – в отличие от страна, государство, ср. *Он живет в городе / в деревне*, но: **Он живет в стране*).

Что касается отношения вхождения ($R \in P_s$), то оно может быть двух видов:

а) если имя R содержит релятивные семы, то характер вхождения либо соответствует семантике имени (для имен релятивной семантики, ср. *его мать*, *его друг*), либо полностью ею определяется (для имен, содержащих релятивные семы в качестве дополнительных, ср. *его рука*), поэтому вряд ли возможна трансформация: *его отец* → **отец, которого он имеет*¹⁸, *его душа* → **душа, которую он имеет*, *его чувства* → **чувства, которые он испытывает* и т. п.;

б) если имя R не содержит релятивных сем, то характер вхождения соответствует либо собственно принадлежности, либо принадлежности по функции, ср.: *его одежда* – ‘одежда, которая ему принадлежит’ и ‘которую он носит’, причем, с точки зрения отношения включения, как собственно принадлежность, так и принадлежность по функции может быть как неотчуждаемая, так и отчуждаемая, ср.: **у него есть одежда* (неотчуждаемая собственно принадлежность), **он носит одежду*, **человек в одежде* (неотчуждаемая принадлежность по функции) / *у нее есть джинсы* (отчуждаемая собственно принадлежность), **она носит джинсы*, *девочка в джинсах* (отчуждаемая принадлежность по функции). Такая возможность варьирования связана с тем, что соответствующие объекты обладания (предметы и абстрактные сущности) способны существовать и вне человека (ср. одежда, утварь, предметы личного обихода, а также пространство и время), хотя для человека они являются неотчуждаемыми.

Притяжательное местоимение соотносит названный объект обладания либо с одним из участников коммуникации (местоиме-

¹⁸ Вольф Е. М. Указ. соч.

ния 1-го и 2-го лица), либо с лицом, упомянутым ранее или находящимся в поле зрения участников коммуникации (местоимения третьего лица); принадлежность третьему лицу может быть выражена и именем Ps в родительном падеже [(Gen_{poss}); в языках аналитического строя этому способу соответствует предложная конструкция] или образованным от этого имени притяжательным прилагательным Attr_{poss}. При этом в каждом языке один из способов является доминирующим (ср., например, польск. *zycie Piotra*, чеш. *Petrův život*). Однако во всех случаях употребление притяжательного прилагательного ограничено в формальном и в семантическом отношении. Обязательным семантическим условием употребления Attr_{poss} является принадлежность одному конкретному лицу; если имеется в виду принадлежность группе или классу лиц, то такое отношение может быть выражено только родительным принадлежностью или относительным прилагательным, обозначающим свойство объекта через его принадлежность определенному классу, ср. чеш. *Petrův hlas/hlas člověka, člověčí hlas*; русск. *сестрина комната / комната сестер, Петина жизнь / жизнь человека, человеческая жизнь*). Такое ограниченное употребление Attr_{poss} является следствием экспансии Gen_{poss}, вытесняющего Attr_{poss}, сужающего сферу его употребления. Следует заметить, что Attr_{poss}, являясь, наравне с P_{top}_{poss}, категориальным средством выражения принадлежности, не может выражать иных отношений между объектами. Сфера употребления приименного родительного шире, чем у притяжательного местоимения, и распространяется далеко за пределы собственно посессивных отношений. Ограничения в употреблении Gen_{poss} касаются объектов коллективной принадлежности (в частности, пространственно-временных) в их соотношении с единичным посессором, ср. *город, в котором живет Иван – его город – *город Ивана; время, в которое живет Иван – его время – *время Ивана*¹⁹; *завод, на котором работает Иван – его завод – *завод Ивана* (заметим, что такого рода семантических ограничений не существует для притяжательного прилагательного, ср.: *Танин город, Танино время, Танин завод*).

¹⁹ Слово сочетание типа время Ивана становится возможным, если оно обозначает функциональную связь (принадлежность по функции), поскольку в этом случае речь идет уже о единичном, а не о коллективном обладании, ср. время (времена, эпоха) Петра, а также петровская эпоха (относительное прилагательное также отражает функциональную связь: 'эпоха, формировавшаяся под влиянием Петра').

Отношение принадлежности, "вхождения" ($R \subseteq Ps$), помимо местоименных и именных словосочетаний, может быть выражено также предикативными конструкциями двойного рода: а) конструкцией, в которой роль предиката выполняет притяжательное местоимение, употребляемое автономно: *эта рука – моя, этот город – мой*; б) конструкциями с глаголами, выражающими принадлежность (собственно принадлежность или принадлежность по функции): *эта одежда принадлежит мне, эту одежду ношу я*.

Отношение включения ($Ps \ni R$) также располагает определенным набором средств для своего выражения, среди которых конструкции обладания с глаголом 'иметь' представляют наибольший интерес для раскрытия концептуальных связей между Ps и его абсолютно и относительно неотчуждаемыми R .

Поскольку конструкции обладания служат в языке для сообщения о наличии у Ps некоторого R , то в чистом виде (без атрибута при имени R) они возможны лишь с относительно неотчуждаемыми именами, обозначающими лишь весьма вероятные, но не обязательные объекты обладания, ср. польск. *Piotr ma ojca, wąż, brodę / (?) Piotr ma ręce, głowę / *Piotr ma wzrost*.

Для абсолютно неотчуждаемых имен 'иметь'-конструкции возможны лишь в следующих случаях:

а) В общих высказываниях типа польск. *Każdy człowiek ma dwie ręce, jedną głowę i jedną śmierć*, чеш. *Pavouk má osm noh*.

Такие высказывания можно выразить семантической моделью: $\forall X \ni R$, для которой предлагается следующая семантическая репрезентация²⁰: 'Любое живое существо класса X имеет часть тела R '.

б) В общих высказываниях с отрицанием, ср. словц. *Je pravda, že vesmírny tvor nemá presne ruku, ale akési choboty* (JT 247). Космическое чудовище воспринимается здесь как представитель класса неземных существ, общим свойством которых является отсутствие рук и наличие хоботов (что отличает его от СМС 'человек'), поэтому для такого высказывания может быть предложена следующая семантическая модель: $\forall Y \ni R \& \forall Y \ni R'$ 'Все живые существа класса Y не имеют части тела R , а имеют часть тела R' '.

Существенно, что в общих высказываниях, где имя посессора

²⁰ Термины "семантическая репрезентация", а также "прямое телесное" и "рутинное" действия (см. след. главу) заимствованы нами из статьи А. Вежицкой (см. Wierzbicka A. Ethno-syntax... S. 313–383).

употреблено в генерализованном значении, в русском языке предпочтителен, а иногда обязателен глагол 'иметь', в отличие от частных высказываний о конкретном possessore, где обязательна конструкция с у-локализатором, ср. *Космическое чудовище не имело рук, а какие-то хоботы / У нашего Пети не руки, а какие-то хоботы.*

в) В частных высказываниях с отрицанием: польск. *Piotr nie ma jednej ręki (stracił podczas wojny).* Отрицательное высказывание информативно, поскольку названный представитель класса живых существ сопоставлен (на глубинном уровне) с некоторым эталонным представителем данного класса (концептом).

Семантическая модель: $X \uparrow \ni R \ \& \ X^c \ni R$ 'Некоторый представитель класса X не имеет части тела R , при этом часть тела R в $SMC(X)$ мыслится обязательной для класса X' (X – конкретный представитель класса X – денотат, X^c – концепт объектов класса X).

г) В конструкциях с атрибутом при имени R , однако такие конструкции не могут быть названы конструкциями обладания в полном смысле слова, поскольку они содержат информацию лишь о признаке R , принадлежащего данному Ps , или о некотором его состоянии, ср., например, слов. *...majú dlhé mihalnice a rovné obocie, silné ramená a pružné pohyby* (JT; 163) Семантическая модель: $X: \{X \ni [M' \in (R' \in X) \ \& \ M'' \in (R'' \in X) \ \& \ M''' \in (R''' \in X) \ \& \ M'''' \in (R'''' \in X)]\}$. 'Об X говорится, что его часть тела R имеет признак M' , часть тела R'' имеет признак M'' , часть тела R''' имеет признак M''' и часть тела R'''' имеет признак M'''' .'

Для сообщения о признаке R могут быть использованы не только конструкции обладания с глаголом 'иметь', но и бытийные конструкции, в которых признак M не рассматривается как имеющий отношение к Ps . Так, если имя R , являющееся темой сообщения, актуализировано атрибутом, лишаящим R универсальности, а, следовательно, и неотчуждаемости, то конструкция обладания становится невозможной, ср. слов. **Velké zelené oči mala plné slz*, русск. **Большие зеленые глаза у нее были полны слез.* Наличие "отчуждающего" атрибута обуславливает необходимость $R_{\text{отч}}$, восстанавливающего possessивные связи, и оформление всей конструкции по бытийному типу.

Приведенный выше анализ конструкций обладания с именами неотчуждаемых объектов позволяет высказать ряд соображений о свойствах имен абсолютно и относительно неотчуждаемых объектов обладания в сопоставлении с именами отчуждаемых объек-

тов. Рассмотрим ряд конструкций польского и русского языков:

(1) (?) У Петра есть волосы (руки)	(1j) У Петра нет волос (рук)
(?) Piotr ma włosy (ręce)	Piotr nie ma włosów (rąk)
(2) У Петра есть усы	(2j) У Петра нет усов
(Петр носит усы)	(Петр не носит усов)
Piotr ma wąsy	Piotr nie ma wąsów
(3) У Петра есть карандаш	(3j) У Петра нет карандаша
Piotr ma ołówek	Piotr nie ma ołówka
(4) У Петра (*есть) черные волосы	(4) *У Петра нет черных волос
Piotr ma czarne włosy	*Piotr nie ma czarnych włosów
(5) У Петра (?есть) черные усы	(5) (?) У Петра нет черных усов
Piotr ma czarne wąsy	(?) Piotr nie ma czarnych wąsów
(6) У Петра есть черный	(6) У Петра нет черного карандаша
карандаш	
Piotr ma czarny ołówek	Piotr nie ma czarnego ołówka
(7) Волосы у него черные	
Włosy ma czarne	
(8) *Усы у него черные	
*Wąsy ma czarne	
(9) *Карандаш у него черный	
*Ołówek ma czarny	

Приведенные примеры показывают, что СМС 'человек' содержит соответствующий набор абсолютно неотчуждаемых элементов, в частности, абсолютно неотчуждаемых частей тела, принадлежащих концепту 'человек': $Ps^c \ni R^c_1 \& R^c_2 \& \dots \& R^c_n$. Любое называемое лицо предполагается а priori соответствующим такому эталону. Информативным может быть лишь сообщение об отсутствии некоторого абсолютно неотчуждаемого R у данного конкретного Ps (4). Таким "априорным знанием" о Ps объясняется и невозможность построения конструкций типа (7) с инициальной позицией имени R, называемого впервые, при том, что построение конструкций (8) и (9) возможно только в рамках широкого контекста, из которого известно о наличии у Ps данного относительно неотчуждаемого или отчуждаемого R. Эти рассуждения приводят к выводу о связи категорий неотчуждаемости и определенности: неотчуждаемые объекты обладания, присущие посессору-концепту, и, следовательно, универсальные для данного типа Ps, являются одновременно уникальными для посессивного пространства конкретного посессора (подробнее об этом см. в гл. II). Таким образом, посессивное пространство Ps-концепта [СМС (Ps^c)] можно представить как часть посессивного пространства конкретного Ps, наиболее близкую к ядру, "подпространство отношений неотчуждаемости".

Отражением СМС в языке объясняется невозможность (проблематичность) употребления абсолютно неотчуждаемых имен в частных утвердительных высказываниях без атрибута 1 : (?) *У Петра есть волосы (руки), (?) Piotr ma włosy (ręce)*, т. е. собственно в конструкциях обладания, в отличие от относительно неотчуждаемых (2 : *У Петра есть усы, Piotr ma wąsy*) и отчуждаемых имен (3: *У Петра есть карандаш, Piotr ma ołówek*). По-видимому, такое употребление абсолютно неотчуждаемых имен возможно только при сильной эмфазе, в частности, при сравнении: *У Петра еще есть* (т. е. сохранились какие-то) *волосы, а у Павла уже совсем не осталось; Руки у тебя есть, сам можешь справиться.*

Само собой разумеется, все вышеизложенное применимо к конструкциям обладания не только с именами частей тела, но и с любыми абсолютно неотчуждаемыми именами, ср. польск. *Pan Irving miał bardzo zły wzrok / *Pan Irving miał wzrok; ... jeden taki urzędnik państwowy bardzo delikatnie miał usposobienie (*urzędnik miał usposobienie); Od tego czasu miał tylko jedną myśl, żeby tamtego odnaleźć (*miał myśl)* и т. п.

Сопоставление русских и польских утвердительных атрибутивных конструкций с абсолютно неотчуждаемыми именами [4 : *У Петра черные волосы, Piotr ma czarne włosy*] показывает, что глагол 'иметь' не является здесь полнозначным глаголом, как и русская нулевая связка. С точки зрения актуального членения словосочетание Attr + R здесь неоднородно: R (как и Ps) относится к теме, а ремой является только атрибут (что наглядно иллюстрируется обоими типами атрибутивных моделей), ср. (?) *У Петра есть волосы* (рема – R) / *У Петра черные волосы* (рема – Attr). Именно этим обстоятельством объясняется невозможность отрицательных конструкций с атрибутом типа 13: **У Петра нет черных волос, *Piotr nie ma czarnych włosów*, поскольку в соответствующих отрицательных конструкциях отрицается именно рема, ср.

(?) У Петра есть волосы
У Петра черные волосы

У Петра нет волос
*У Петра нет черных волос
У Петра волосы не черные, а рыжие

Если в атрибутивной конструкции с абсолютно неотчуждаемым R предикат все же имеет значение обладания (или, соответственно, бытия), это свидетельствует о том, что такое имя в данном контексте лишено значения абсолютной неотчуждаемости, как, например, в случае, когда речь идет о признаке не всей части

тела, а только ее части, ср. польские и русские конструкции:

(a) Anna ma czarne włosy	У Анны черные волосы
(b) Anna ma siwe włosy	У Анны седые волосы (все)
(c) Anna nie ma siwych włosów (ani jednego)	У Анны есть седые волосы (отдельные)
У Анны нет седых волос (ни одного)
(d) *Anna nie ma czarnych włosów	*У Анны нет черных волос

Сопоставление русских и польских конструкций типа (a) и (b) показывает, что русский язык, различающий собственно бытийные и таксономические предложения²¹, дифференцирует понятие части тела, как абсолютно неотчуждаемого объекта, представляющего собой нечленимый элемент в смысле его физической и функциональной связи с лицом, и некоторой "случайной", не связанной функционально с лицом части этого объекта, не имеющей соответствующего аналога-концепта в соответствующей СМС. Польский язык, как и другие 'иметь'-языки (ср. чеш. *má šedivé vlasy*, словц. *má sivé vlasy* 'у него седые волосы' / 'у него есть седые волосы'), не располагает средствами для такой дифференциации.

Невозможность конструкций типа (d) показывает, что русские и польские конструкции типа (c) имеют только один смысл: 'среди волос Анны нет седых'.

Полностью исключена возможность конструкций обладания без атрибута (как утвердительных, так и отрицательных) для имен, обозначающих физические константы (размеры, вес и т. п.), ср. **Piotr ma wzrost*, *У Петра есть рост / **Piotr nie ma wzrostu* *У Петра нет роста, что свидетельствует о том, что физические параметры наиболее неотчуждаемы из всех неотчуждаемых объектов.

Конструкции с отчуждаемыми именами (*Piotr ma ołówek*, *Piotr ma czarny ołówek*, *Piotr nie ma ołówka*, *Piotr nie ma czarnego ołówka*) являются конструкциями обладания в полном смысле слова (семантическая модель: $X : \{ (X \ni R) \& \neg \forall X \ni R \}$; глагол 'иметь' выступает здесь как полнозначный, как и русский глагол *быть*, означающий существование R (например, карандаша, черного карандаша) в посессивном пространстве данного Ps.

Конструкции с относительно неотчуждаемыми именами занимают промежуточное положение между конструкциями с абсо-

²¹ Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

лютно неотчуждаемыми и отчуждаемыми именами. С одной стороны, они содержат сообщение о наличии R, обязательность которого для данного Ps не предполагается концептуальными связями. Это свойство отражается в утвердительных и отрицательных конструкциях без атрибута, аналогичных конструкциям с отчуждаемыми именами (ср. *Piotr ma wąsy / Piotr ma ołówek, Piotr nie ma wąsów / Piotr nie ma ołówka*). С другой стороны, речь идет о части тела, наличие которой у взрослого лица мужского пола является вполне вероятным, поэтому в конструкциях с атрибутом основная рематическая нагрузка падает на атрибут, и такие конструкции близки к конструкциям с абсолютно неотчуждаемыми именами, ср.: *Piotr ma czarne wąsy – Piotr ma czarne włosy / (?) Piotr nie ma czarnych wąsów / *Piotr nie ma czarnych włosów*. Маловероятность глагола *есть* в русской конструкции *У Петра (есть) черные усы* свидетельствует о том, что глагол *mieć* в соответствующей польской конструкции: *Piotr ma czarne wąsy*, как и в конструкции *Piotr ma czarne włosy*, выполняет чисто связочные функции, указывая на таксономические отношения. По этой причине (отрицаться должен скорее признак, чем объект), проблематичны конструкции (?) *У Петра нет черных усов, Piotr nie ma czarnych wąsów*, однако их нельзя признать полностью невозможными, ср.: – *Петр – это тот, у кого черные усы? – Нет, у него нет черных усов* (вместе с признаком отрицается и наличие части тела); такого рода контексты невозможны для абсолютно неотчуждаемых имен, ср.: – *Петр – это тот, у кого черные волосы? – *Нет, у него нет черных волос*. В отличие от предыдущего примера, в последнем примере ответ на вопрос (та его часть, которая касается волос) не содержит по сути никакой информации.

Конструкции обладания могут иметь и более сложную семантико-синтаксическую структуру, если они содержат сообщение об обладании некоторым неотчуждаемым R' в локусе R'' (часть тела, душа) (семантическая модель: (Ps \ni R') LocR''), ср. польск. *miał w głowie tylko jedną myśl, żeby tamtego odnaleźć*, чеш. *Každý člověk má v tváři jeden rys, který všechno překrývá*; при этом абсолютно неотчуждаемые R также невозможны без атрибута: **miał w głowie myśl, má v tváři rys*.

В конструкциях такого типа R'' может играть роль не только "вместилища" для R', как в вышеприведенных примерах, но и роль поверхности, на которой "расположен" R', как, например, в конструкциях с именами предметов одежды, служащих для сообщения

о принадлежности по функции: чеш. *Na hlavě měla klobouk s tmavofialovou ozdobou ...* (KJ B 46); такие конструкции более характерны для относительно неотчуждаемых и отчуждаемых предметов одежды (поскольку предметы одежды на отдельных частях тела предполагают большую их детализацию, а, следовательно, и отчуждаемость).

Принадлежность по функции одежды как неотчуждаемого объекта выражается обычно конструкциями, где одежда соотносится со всем телом, ср. польск. ... *miał na sobie czarne, obciągłe ubranie* (FK 5) (**miał na sobie ubranie*); чеш. ...*má na sobě stejné potačkané šaty, jako ti druzí* (KČ 39) (ср.: **má na sobě šaty*).

Кроме глагольных конструкций с глаголами 'иметь' и 'быть', семантические модели $Ps \ni R$ и $Ps \ni (M \in R)$ могут найти свое воплощение (для некоторых типов R) и в именных конструкциях (именных словосочетаниях), которые могут быть представлены семантико-синтаксической моделью $Ps \text{ cum } R$, где символом *cum* обозначен тип управления в именном словосочетании.

Беспредложные конструкции с родительным падежом имени R (PsR_{Gen}) имеют довольно ограниченное распространение. Так, в русском они возможны только с абстрактными константами: ... *ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым; Алексей Иванович конечно человек умный и хорошей фамилии...*; ... *он был лет сорока, росту среднего* (Пушкин). В некоторых языках, например, в чешском языке XIX в., можно встретить такие конструкции и с именами частей тела: ...*Objevil se obstarožný pán šedivých dlouhých vlasů a neobvyčejně dobromyslného výrazu v tváři* (JAř 27); *Naproti důstojníku seděla štíhlá, bled'outká, černobrvá slečinka neobvyčejně jemných tahů a hebkých, kadeřavých černých vlasů* (JAř 29).

Гораздо более продуктивны предложные конструкции: польск. *dziewczyna o jasnych włosach*; словц. *chlapík s očami ocelovej farby a s výraznou, ostrou tvárou*; чеш. *žena na vysokých nohách* (конструкция с предлогом *na* служит для выражения принадлежности по функции части тела, служащей опорой для Ps), а также конструкции с именами одежды, выражающие принадлежность одежды по функции и рассматривающие одежду как "вместилище" для Ps: чеш. *holčička v bílých šatech*; польск. *górník w ubraniu roboczym*.

В именных словосочетаниях имена абсолютно неотчуждаемых также не могут быть употреблены без атрибута: **pán vlasů a výrazu v tváři*, **slečinka tahů a vlasů*, **dziewczynka o włosach*, **chlapík s očami*,

*žena na nohách, *holčička v šatech, *górník w ubraníu (ср.: holčička v nohavicih, górník z broda).

Основное семантическое различие между именными и глагольными конструкциями в том, что глагольные конструкции включения обычно содержат сообщение о признаке R определенного, известного Ps: слвц. *ten človečik (Def.) má vyduté pery*; именные конструкции служат обычно для обозначения неизвестного лица, вводимого в речь, для характеристики его по некоторому отличительному признаку: слвц. *prišiel malý človečik s vydutými perami (Indef)*. Однако сочетание имени R с предлогом, употребленное автономно, в бытийной конструкции, служит для характеристики определенного лица: слвц. *Vdovina dcera bola veľmi živá, s veľkými mandľovými očami*.

Отношение включения $Ps \ni R$ может быть выражено также словообразовательным способом с помощью прилагательных соответствующей семантики; этот способ малопродуктивен и охватывает весьма ограниченный набор относительно неотчуждаемых R: *детный, (за)мужняя, женатый, усатый, бородатый* и т. п. Семантическая модель $[Ps \ni (M \in R)]$ может быть выражена продуктивной словообразовательной моделью, включающей имена абсолютно или относительно неотчуждаемого объекта и признака: *длиннорукий, сероглазый, прямодушный; длинноусый, белобородый* и т. п.; прилагательные, образованные от абсолютно неотчуждаемых R и не включающие имя признака, имплицитно содержат указание на некоторый отличительный признак R, при этом одна и та же словообразовательная модель получает различную семантическую трактовку в зависимости от степени неотчуждаемости, ср.:

Абсолютная неотчуждаемость

$Ps \ni (M \in R)$

русс. носатый 'с большим носом'
чеш. *nohatý* 'с длинными ногами'

Относительная неотчуждаемость

$Ps \ni R$

усатый 'имеющий усы'
гоhatý 'имеющий рога'

Семантическая модель $Ps \ni (M \in R)$ воплощается также в прилагательных типа русск. *глазастый 'с большими выразительными глазами', рукастый 'с умелыми руками', голосистый 'с сильным и красивым голосом', а также душевный 'с отзывчивой душой', памятливым 'с хорошей памятью', совестливым, чувствительным* и т. п.

Именные и словообразовательные модели могут выражать также идею "необладания" ($Ps \ni R$): *человек без ноги/безногий,*

человек без души/бездушный и т. п. Прилагательные, образованные от имен абсолютно неотчуждаемых R, употребляются часто в переносном смысле, обозначая "необладание" соответствующей функцией R, а не самим R: ср. русск. *бездушный*, *бессердечный* 'не способный к состраданию', *безрукий* 'не умеющий выполнять ручные работы', *безмозглый* 'не способный думать' и т. п. Таким образом, для абсолютно неотчуждаемых объектов оппозиция обладания/необладания часто означает на самом деле обладание/необладание признаком или функцией R:

$P_s \ni (F \in R)$
 сердечный
 рукастый
 голосистый

$P_s \bar{\ni} (F \in R)$
 бессердечный
 безрукий
 безголосый

Обладание признаком R (чаще "отрицательным"), а также не-обладание R может быть выражено и лексическим способом, с помощью прилагательных, существительных и глаголов, имплицитно содержащих в своей семантике указание на соответствующую часть тела, признак которой (несовершенство выполняемой ею функции) приписывается самому R, ср. русские прилагательные типа *хромой* 'с поврежденной ногой', *косой* 'с косыми глазами', *слепой* 'с невидящими глазами', *глухой* 'с неслышащими ушами', *лохматый* 'с непричесанными волосами', а также прилагательные типа *лысый* 'без волос', *голый* 'без одежды', *босой* 'без обуви' и т. п.; прилагательные, характеризующие животных по цвету шерсти: *гнедой*, *каурый* и т. п.; существительные, обозначающие Ps по цвету волос: *блондин*, *брюнет*, *штен*; глаголы типа *хромать*, *косить*, *сесть* и т. п.

Невозможность построения конструкций обладания (и шире – включения) с абсолютно неотчуждаемым R без указания на его признак свидетельствует о несовместимости значений неотчуждаемости и обладания, которое осознается языковым менталитетом как наличие некоторого R у представителя класса, для которого данный R необязателен:

$$\exists X (X \ni R) \& \bar{\forall} X \ni R$$

'существует X такой, что X имеет R, при том что не все X имеют R'.

Приведенные рассуждения позволяют сделать заключение о том, что категория неотчуждаемости есть отражение в языковой картине мира ментального феномена парадигматической связанности (ПС) между концептами, которая характеризует отношения

внутри СМС (Ps), а также СМС(Ас) и СМС(Sit). Категория неотчуждаемости не имеет в языке специального грамматического показателя, она функционирует как скрытая категория, невидимый механизм, который, как будет показано ниже, в главах II–IV, играет важную роль в построении семантико-синтаксической структуры предложения, связного текста, а также паремиологического текста.

Б. Отношения отчуждаемой принадлежности

К отчуждаемым объектам обладания следует отнести такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или весьма вероятными для человека вообще; в картине мира они либо занимают периферическое положение в соответствующей СМС (Ps) ("окасиональная неотчуждаемость"), либо отсутствуют в ней (собственно неотчуждаемость). Таким образом, среди отчуждаемых объектов обладания следует в первую очередь выделить такие, которые оцениваются языковым и человеческим менталитетом как возможные объекты обладания для данного концепта Ps (человека), т. е. хотя и в слабой степени, но связаны с ним парадигматически и которые в силу этого в ряде динамических ситуаций (см. след. главу) могут восприниматься как неотчуждаемые.

Отношения окасиональной неотчуждаемости одушевленного посессора включают в себя следующие разновидности отношений:

1) Отношение к некоторому неодушевленному объекту: конкретным предметам одежды и личного обихода, предметам собственности, конкретному локусу обитания (например, квартира, изба и другие разновидности жилища) и к локусу деятельности (учреждение, завод, ферма и т. п.), орудиям деятельности (различные виды машин, инструментов и т. п.), а также предметам, являющимся объектом или результатом деятельности.

2) Отношение к некоторому лицу (или животному), связанному с Ps по функции; здесь также возможны (для релятивных имен) симметричные и конверсивные пары: соавтор–соавтор, сотрудник–сотрудник, собеседник–собеседник и врач–пациент, учитель–ученик, шеф–подчиненный и т. п.; при этом иногда "доминирующий" член конверсивной пары при изолированном употреблении может не иметь релятивной семы, как, например, это имеет место в некоторых названиях профессий (ср. *В совещании приняли участие врачи и учителя*) и приобретать ее только в сочетании с другим,

”зависимым” членом пары (ср. *Скоро придет мой врач, Мне звонил Петин учитель* и т. п.).

3) Отношение к абстрактным сущностям: физическим, физиологическим, психическим и т. п. ”переменным”, соответствующим неотчуждаемым константам (см. выше):

физическим состояниям (сон, голод, болезнь и т. п.);

психическим состояниям (радость, грусть, наслаждение, доверие, гордость, страх);

социальным ”переменным” (например, должность, звание, власть);

времени, трактуемому как собственно принадлежность или принадлежность по функции;

отношение к действиям, выполняемым Ps, событиям, в которых он принимает участие, результатам умственной деятельности;

отношение к признаку.

Отношение **вхождения** для окказионально неотчуждаемых R может быть двух типов: отношение собственно принадлежности и отношение принадлежности по функции. При этом, как уже говорилось, некоторые R могут входить и в те, и в другие отношения; например, предмет одежды может рассматриваться как предмет собственности и как предмет, используемый по функции; то же можно сказать и о предметах личного обихода, о локусе обитания, некоторых орудиях деятельности, которые могут являться одновременно собственностью Ps, а также о физических и психических состояниях, социальных категориях и о времени. Отношения принадлежности по функции характерны для деятельности и связанных с деятельностью других типов R (локуса деятельности, большинства орудий, объектов и результатов деятельности) и для большинства других типов R, перечисленных в п. 2 и 3. В динамических ситуациях отношение вхождения перечисленных объектов обладания в Ps может рассматриваться и как неотчуждаемая принадлежность (см. след. главу).

Отношения **включения**, т. е. собственно обладания и обладания по функции, входят в виде скрытой предикации в конструкции вхождения (за исключением релятивных имен, содержащих эту предикацию в своей семантике: *мой учитель, ее пациенты* и т. п.). Ср., например, высказывание *Моя дача расположена недалеко от станции*, где словосочетание *моя дача* может содержать двоякую предикацию:

а) [У меня есть дача]. *Моя дача* [дача, которая мне принадле-

жит] расположена недалеко от станции;

б) [Я живу на даче.] Моя дача [дача, на которой я живу] расположена недалеко от станции.

Отношения собственно обладания и обладания по функции могут совмещаться (я могу жить на даче, которая мне принадлежит), но такое совмещение необязательно. В конструкциях включения отношения собственно обладания и обладания по функции имеют эксплицитное выражение. Конструкции обладания с именами отчуждаемых объектов рассматривались выше в сопоставлении с именами неотчуждаемыми. Что касается конструкций, служащих для выражения "обладания" по функции, то существенной их чертой является выражение предикатом функции, которая связывает Ps и R, например, *Петр работает на токарном станке* (→Его станок...); *Маша сварила суп* (→Ее суп...); *Он испытывает радость, горе (радуется, горюет)* (→Его радость, горе); *Он написал статью* (→Его статья...). Такие "конструкции включения" не могут рассматриваться как посессивные, они выражают субъектно-объектные отношения, однако они существенны для раскрытия способа "включения объекта в субъект", поскольку соответствующие собственно посессивные конструкции, конструкции вхождения (*его станок, его статья*) трактуют такой объект как часть "пространства субъекта".

Конструкции включения, в отличие от конструкций вхождения, специфичны для различных категорий R. Так, например, для признака, помимо предикативных конструкций типа *он добр* (→его доброта), возможны глагольные конструкции с глаголами 'иметь', 'быть', 'располагать' и др.: *он горд, в нем есть гордость* (R "расположен" в самом Ps) – *у него есть гордость* (R "расположен" в пространстве Ps), ср. также польск. *Ona nie miała wdzięków* (Sl. p. 6, 226); *Jak się okazało, dysponujesz dużą odpornością psychiczną* (P), а также конструкции, выражающие признак Ps, "расположенный" в его части тела и в другом неотчуждаемом R: чеш. *On ti má takovou šikovnost v těch krátkých ručičkách* (KČ 157); польск. *Grają jakieś tańce fińskie takiego kompozytora, co miał duzo aaa w nazwisku* (TK 114).

Для названий одежды характерны именные конструкции включения, выражающие "обладание по функции", ср. польск. *W drzwiach stał jakiś pan w szlafroku* (FK 110); русск. *У окна сидела старушка в телогрейке с платком на голове* (Пушкин), где соответствующие предметы одежды являются объектами обладания по функции, рассматриваемыми одновременно как некоторый отли-

чительный признак субъекта. Предмет одежды может служить классифицирующим признаком Ps и даже использоваться для его номинации, ср. польск. *Podszedł do nas ktoś w pasiaku* (ТБ 105) (=więźniar); *Strzeż się, żeby ci w drogę nie wlaźła jakaś spódniczka* (=kobieta) *i nie popsuła życia* (Ст. р. 6, 1036); чеш. *...několik modrých bluz* (=hotníků) *obrácí a zvedá ruku k šepici* (КС 40).

Как индивидуальное отличительное свойство Ps рассматривается предмет одежды в польских конструкциях с предлогом *od*: – *Panie, pan idzie po buraki? – zapytał mnie ten od utytlanych niegdyś eleganckich trzewików* (ТБ 157). Глагольные конструкции с именами одежды, выражающие обладание по функции, также разнообразны; помимо описанных выше, следует назвать встречающиеся также и в 'иметь'-языках конструкции с глаголом 'быть' ('быть одетым во что-либо', 'быть в чем-либо'): польск. *... byli ubrani... w stare, dżugie i obwisłe odświętne surduty* (FK 45); *Nie krępowało jej to wcale, że była tylko w halce* (ТК (S) 81), а также конструкции с глаголами действия, где предложное сочетание с именем одежды выполняет адвербиальную функцию: чеш. *Člověk ani neví, kam s očima, když ji vidí běhat v těch plandavých nohavicích* (КС 14); *Vypadal nezvykle v nedělních šatech a v kravatě s umělou perličkou* (VN 44).

Конструкции включения с приименным родительным возможны в первую очередь для абстрактных имен R, ср. *человек слова, человек дела* и т. п.; семантика таких конструкций, как кажется, не исчерпывается отношением включения, здесь имеет место, по-видимому, отношение взаимной принадлежности ('человек, принадлежащий своему слову, делу').

К **"собственно отчуждаемым"** объектам, способным спорадически выполнять роль "объектов обладания" одушевленного Ps, могут быть отнесены:

1) Любые предметы, если они связаны с "посессором" функционально: *Чем чаще я прихлебывал из моего стакана, тем становился отважнее* (Пушкин); *Мы постояли у ее вагона* (Гранин); польск. *Mój pociąg poszedł sobie* (ЖК 51) – такие конструкции отражают временную принадлежность по функции ('стакан, из которого я пил', 'вагон, в котором она уезжала', 'поезд, на который я торопился и опоздал'); при этом семантика отношения включения может быть раскрыта только с помощью широкого контекста. Функциональная связь может быть и постоянной: *Я дождался своей электрички и уехал* (т. е. 'той, электрички, на которой я обычно езжу'). При этом одни и те же объекты внешнего мира могут восприниматься

и как окказионально неотчуждаемые (например, собственно принадлежность), и как отчуждаемые ("окказиональная принадлежность") в зависимости от ситуации (стакан как собственность и как принадлежность по функции) и от типа посессора, ср. у Зоценко: *Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа ...* (чеш. *Kočka Rolnička se dlouho dívala se svého skříně...*), где притяжательное местоимение указывает на окказиональную принадлежность по функции, которая выясняется из предтекста ('кошка залезла на шкаф'), при том, что для посессора-лица шкаф может быть предметом собственности (*Я положила вещи в свой шкаф*) и играть роль окказионально неотчуждаемого объекта (*Мне починили шкаф*).

2) Лица, имена которых не имеют релятивных сем; в частности, лица, названные по своей профессии, национальной принадлежности, имени и т. п.: *Я возьму такси или договорюсь тут с одним нашим шофером* (Зоценко); польск. *A jednak właśnie na tigi, a jeszcze częściej całkiem po warszawsku dogadał się* < *Generał Walter* > *ze swymi Chińczykami* (JB 34) (*наш шофер* – 'шофер, который работает в нашем учреждении', *его китайцы* – 'китайские солдаты и офицеры, служащие под его началом'); специфическую разновидность принадлежности по функции представляют лица (или животные), о которых идет речь в тексте, по отношению к автору текста: *"Молчи, дядя, – возразил мой бродяга, – будет дождик, будут и грибки..."* (Пушкин); *Несколько жизней ... уместилось между той девчонкой моих лейтенантов и этой женщиной, которая зачем-то ехала ко мне с их письмами* (Гранин); *Конечно, наш старик обобел сразу* (Зоценко); чеш. *Náš stařík se ovšem zalekl*; польск. *Pod antonówkowym szczerem stał słupka mój szarak* (TN 87). К собственно отчуждаемым объектам могут быть отнесены также лица, обозначенные именем деятеля и совершающие некоторую акцию по отношению к Ps, ср.: *Правда, что он* < *Шумахер* > *всегда был высоких наук, а следовательно, и мой ненавистник и всех профессоров гонитель...* (Ломоносов).

Объектом отчуждаемой принадлежности может быть также социум, к которому относится Ps: польск. *Nie udało nam się wpaść na to, by ktokolwiek z naszego personelu mógł być wmieszany w sprawę napadu* (KK 171); *Mój transport także poszedł w grudniu, styczniu* (KŽ 133); характерно, что при этом возможно притяжательное местоимение как единственного, так и множественного числа; местоимение единственного числа указывает на более тесную функциональную связь между Ps и социумом, как, например, в

случае, когда Ps находится в доминирующем по отношению к социуму положении (начальник, шеф, командир); при этом связь Ps с R может рассматриваться как отношение окказиональной неотчуждаемости: польск. *Delegacja przyszła podziękować Generalowi Walterowi i tej jego międzynarodowej brygadzie za bohaterską obronę hiszpańskiej stolicy* (JB 59); *Pułkownik poprawia sobie okulary i epolety uszczęśliwiony tą pierwszą paradą swojego pułku* (St. p. 6, 1019).

3) Абстрактные сущности, функциональная связь с которыми данного Ps может быть определена только из предтекста: чеш. *Bez tohohle černého uhlí by byl konec s celou vaší nádhernou civilizací* (KČ 10); *Ted' tady sedíš se svou geometrií* (KČ 7); ... *kde by byl váš průmysl*; польск. *Pytam, czy to już wszystko z tym twoim uniwersytetem* (JK 69), а также имена действия, пациенсом которых является Ps, ср. у Пушкина: *Слух о моем аресте поразил все мое семейство; Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости; Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала; Я приближался к месту моего назначения; В эту минуту не могу сказать, чтобы я обрадовался своему избавлению* ("Капитанская дочка").

Характерно, что семантика большинства имен собственно отчуждаемых объектов (за исключением имен действия и имен деятеля) не содержит релятивных сем, иными словами, языковой менталитет не предполагает возможности включения таких объектов в пространство некоторого Ps-концепта: $R^c \uparrow \in Ps$, или $R^c \uparrow \in \text{СМС}(Ps)$. При этом для собственно отчуждаемых объектов отсутствует и обратная импликация: $Ps^c \uparrow \ni R^c$, или $\text{СМС}(Ps^c) \uparrow \ni R^c$. Что касается собственно или окказионально неотчуждаемых объектов, имена которых также не содержат релятивных сем, то с той или иной степенью вероятности предполагается, что СМС данного Ps включает некоторый собственно или окказионально неотчуждаемый объект: $\text{СМС}(Ps^c) \ni R^c$, ср. автономное и "посессивно связанное" употребление имен, не содержащих релятивных сем.

Автономное употребление

Дети играют во дворе
В магазине продаются
холодильники

Посессивно связанное употребление

Ее дети уже ходят в школу
Мой холодильник нуждается
в ремонте

Несмотря на отсутствие в этих именах релятивных сем, харак-

тер посессивной связи между Ps и R (в данном случае – отношения родства и отношения собственности) однозначно определяется в пределах словосочетания и может быть изменен только под влиянием контекста, ср. *Премией была отмечена работа воспитательницы детского сада № 3 Петровой. Ее дети всегда жизнерадостны, охотно посещают детский сад; Инженер Семенов продемонстрировал преимущества сконструированного им холодильника новой марки. Его холодильник отличается удобством, вместительностью, потребляет мало энергии.*

”Потенциальная релятивность” такого рода имен связана с их семантикой (дети обычно имеют родителей, холодильник предназначен для того, чтобы кто-то хранил в нем продукты, одежда – для того, чтобы кто-то ее носил, дом – для того, чтобы кто-то в нем жил, и хотя существуют дети, потерявшие родителей, холодильники и костюмы, так и не нашедшие своего покупателя, дома, в которых размещаются учреждения, однако словосочетания *его дом, его дети, его портфель* или *его костюм* имеют для нас вполне определенный смысл, не требующий для своего раскрытия обращения к широкому контексту, – в отличие от таких словосочетаний как *его китайцы, его логарифмы, его день* и т. п., семантика которых может быть выяснена только из предтекста).

Таким образом, неотчуждаемость и релятивность характеризуют объекты внешнего мира с точки зрения потенциально присущих им ”центростремительных” (релятивность) и ”центробежных” (неотчуждаемость) свойств по отношению к данному Ps, комбинация которых определяет степень и характер ПС между данными Ps и R, а также способы языкового выражения посессивных отношений между конкретными Ps и R.

Статика посессивных отношений неодушевленного possessора

Структуры посессивных отношений неодушевленного possessора (предметного и абстрактного) представляют собой в той или иной степени ”редуцированное” отражение структуры посессивных отношений одушевленного possessора, однако им свойственны также и специфические черты, связанные с особенностями предметных и абстрактных сущностей, осознаваемых языковым менталитетом.

Неотчуждаемыми объектами **possessора-предмета** являются:

- 1) Его части, при этом по сравнению с пространством одуше-

ленного посессора, включающим всего несколько относительно неотчуждаемых частей (борода, усы и т. п.), количество относительно неотчуждаемых частей предметного посессора (особенно рукотворного) может быть практически безграничным.

Человек осваивал и создавал мир "по своему образу и подобию", чем объясняется тот очевидный факт, что имена частей предметов (как нерукотворных, так и рукотворных) часто восходят к названиям частей тела, ср.: *глава (горбы), подножье (холма), устье (рекы)* и т. п.²², а также названия деталей машин и других рукотворных предметов: русск. *ножка, ручка, головка, глазок, палец, нос, носик, зубья, зубцы, колено, плечо, ушко, язычок, горлышко*, ср. также чеш. *ručička barometru, ručku měřidla, ruka návěsidla, ucho u nádobí, nohu u stolu* – и образуются часто с использованием деминутивных суффиксов, указывающих на вторичную, вспомогательную, "подчиненную" роль машины по отношению к человеку; встречаются и наименования деталей по той части тела человека, которая соприкасается с ними в процессе работы, ср. *подножка, рукоятка, грудница* (ткацкого станка) и т. п.

Посессивные отношения охватывают не все части предмета, а лишь наиболее существенные, функционально с ним связанные (как бы "непосредственно составляющие"), а также части пространства, занимаемого предметом (верх – низ, внутреннее пространство – поверхность – ближайшее внешнее пространство), ср. *Мы постояли у ... вагона. Зеленые его стены, раскаленные за день, источали тепло* (Гранин); польск. *Boli głowa, boli tam w jej wnętrzu* (ЖК 23).

Конструкции *вхождения* для имен частей предметов включает в себя, помимо словосочетаний с $R_{top,poss}$, именные словосочетания с Att_{poss} , а также предложные словосочетания: чеш. *větvě stromu, noha stolu / noha u stolu, límec od košile*; словц. *noha kresla, ručka aktovky, klučka na dverách*; польск. *nóżka cyrkla, noga czcionki; drzwi od szafy, dziura od klucza, szuflada od stolika; palce u nóg, wstażka u szersa*. Предлог *od* характеризует большую факультативность (относительную неотчуждаемость или отчуждаемость) части предмета и ее большую способность к отделению; в русском предлог *от* употребляется только в сочетании с именами отделенных, отчужденных частей, ср. *воротник рубашки – воротник от рубашки*,

²² Топоров В. Н. Указ. соч. С. 160.

ножка стола – ножка от стола [заметим, что такая дифференциация отсутствует для имен частей тела человека или животного, которые и в отчужденном состоянии сохраняют свою "принадлежность" посессору, ср. *При раскопках был найден бивень мамонта (*бивень от мамонта)*]. Что касается Att_{poss} , то с именами частей предметов они обычно не употребляются; сохранившиеся до настоящего времени реликты типа польск. *nogi stołowe*, словц. *stolové poľu* свидетельствуют, по-видимому, о большей древности категории посессивности по сравнению с категорией одушевленности.

Конструкции **включения** характеризуются большим синтаксическим и семантическим сходством с соответствующими конструкциями с частями тела; наиболее распространенные из таких конструкций:

а) глагольные конструкции включения с глаголом 'иметь' типа польск. *Z flegerni, która ma białe, takie trochę niemiejskie ściany, ... widać było drogę wolnościową*, (ТВ 102); такие конструкции, так же как в случае одушевленного посессора, не могут быть употреблены без атрибута при именах абсолютно неотчуждаемых частей предмета, ср.: **flegernia ma ściany*;

б) именные конструкции включения, также требующие атрибута при имени абсолютно неотчуждаемого R, ср. польск. *kanapa z powyginalnymi nogami* (**kanapa z nogami*), *buciki o długich nosach* (**buciki o nosach*), а также *stół na krzyżowych nogach* (**stół na nogach*), ср. необязательность атрибута при именах отчуждаемых частей предметов в аналогичных конструкциях: польск. *redingot z klapkami*, *zegar z kukulką*, русск. *стол с тумбой* – в отличие от **redingot z rekawami*, **zegar z wskazówką*, **стол с ножками*.

2) Неотчуждаемыми являются для посессора-предмета также некоторые абстрактные сущности, в первую очередь физические константы, характеризующие предмет с точки зрения его физических свойств: размеров, веса, цвета, внешнего вида и т. п., ср. польск. *to auto ma kształt pocisku* (**auto ma kształt*), *ta maska ma za matę kąć widzenia* (**maska ma kąć widzenia*), *jej twarz miała poważny wyraz* (**twarz miała wyraz*), *miejsowość ta ma charakter podgórski* (**miejsowość ta ma charakter*). Отношение включения таких R в Ps может быть выражено также приименными конструкциями, и в первую очередь конструкциями с приименным родительным: русск. *гора необыкновенных очертаний*, *платье устаревшего фасона* и т. п.

Отчуждаемыми для посессора-предмета являются признаки, а

также действия, по отношению к которым предметный P₅ может являться как агенсом, так и пациенсом. Отношение включения для имен признака может выражаться именными конструкциями с родительным беспредложным (при этом обязателен атрибут, указывающий на исключительно высокую степень признака: *скатерть небывалой белизны, цветок редкой красоты*), а также соответствующими непосессивными (предикативными и именными) конструкциями: *небо голубое, голубое небо* (→его голубизна), *ткань красивая, красивая ткань* (→ее красота), ср.: *Город голубовато светился. Что-то обидное было в его обольстительной красе* (←город был обольстительно красив); отношение включения для имен действия выражается соответствующими активными и пассивными глагольными конструкциями: *его (солнца) заход* (←солнце зашло, заходит, зайдет), *их (Кустрина и Очакова) взятие* (←Кустрин и Очаков были взяты), ср. также польск. *ich(odcisków) znalezienie* (← *odciski były (są, będą) znalezione*).

3) Особое место в пространстве посессивных отношений посесора-предмета занимает его отношение к лицу, которое всегда обозначается именем деятеля, т. е. именем релятивной семантики, отражающей характер отношения, характер функции одушевленного "объекта обладания" по отношению к неодушевленному "обладателю": *дом ∃ его хозяин, его жители; книга ∃ ее автор, ее читатели* и т. п., ср. словц. *jej (komety) konštruktér*, польск. *ich (laboratoriów) kierownicy, jego (domu) mieszkańcy*, чеш. *jeho (Slunce) vyznaře, její (drořky) majitel*. Эти отношения можно определить как "обладание обладателем", они характеризуются "взаимной принадлежностью", ср.: *его (дома) жители ↔ их (жителей) дом, ее (пролетки) хозяин ↔ его (хозяина) пролетка, ее (кометы) конструктор ↔ его (конструктора) комета*, при том, что сами словосочетания типа **пролетка хозяина, *дом жителей, *изобретение автора* тавтологичны, поскольку отношение, заключенное в семантике имени лица, уже заключено в самой семантико-синтаксической структуре с Gen_{poss} (ср.: *дом моих друзей, пролетка Ивана* и т. п., которые не тавтологичны, поскольку имена посессоров не содержат смыслов посессивного отношения к соответствующему R).

Конструкции включения показывают, что степень ПС "обладателя"-предмета с "обладаемым"-лицом может быть различной; отношения абсолютной неотчуждаемости возможны, по-видимому, только в том случае, когда предмет-"посессор" сам является частью тела лица-"обладаемого", ср.: *Из каждого окна торчали*

головы... *Обладатели голов* (→ *их обладатели*) старались увидеть нечто значительное... (Олеша) (**у голов есть обладатели*); в большинстве же случаев предметы-концепты не связаны обязательной связью ни с каким посессором в соответствующей СМС, поэтому чаще речь идет лишь об относительной неотчуждаемости (высокой степени вероятности) данного R-лица для данного Ps-предмета: *у этого дома есть хозяин, в этом доме есть жильцы* (приведены возможные конструкции включения для посессора "дом"), а также об отчуждаемости: *у этой книги есть читатели, Slunce ta vuzpavače* и т. п.

В качестве **абстрактного посессора** могут выступать различные абстрактные сущности: действия, производимые человеком, его состояния, результаты его умственной деятельности, явления природы, свойства предметов и явлений и т. п.

Неотчуждаемыми объектами обладания абстрактного Ps являются:

1) "Части" целого и различные "физические" константы, ср. русск. ... *физики правильно понимают строение микромира* (→ *его строение*) или по крайней мере определенной его части ("Изв."); чеш. *Otcovo drama... tvořít osu Schulcova literárního díla* (BSch 12) (→ *jeho osu*); *Spisovatel... umí skloubit tuto rovinu svého díla* (→ *jeho rovinu*) *s reálnou... skutečností* (BSch 8); ... *realismus ... se snaží směřovat své prostředky v hranicích určitých konvencí...* (→ *jejich hranicích*) (BSch 13), ... *její bytost je skutečná jen uvnitř hranic věrnosti a čistoty...* (→ *jejich hranic*) (MK 72); польск. ... *powiedział na początku wrogiej interwencji* (→ *jej początku*) *Lenin...* (JB 36); ... *kierownicy... dbali... o wysoki poziom badań* (→ *ich poziom*) (JS 38); *W głowie Karola zaczynał się... rysować obraz tego dziwnego świata...* (→ *jego obraz*) (JB 30); *Některá slova již svým zvukem budí určitou představu...* (MM 18); *Domluvila, a on stále ještě naslouchal doznívání jejího hlasu* (→ *jeho doznívání*) *ve svém nitru* (KJB 34). Большинство перечисленных объектов характеризуют абстрактный Ps как "пространство": 'часть', 'начало', 'конец', 'середина', 'ось', 'границы' ('пределы'), 'размеры' ('величина'), 'уровень', а также 'вид', 'образ', 'форма', 'следы', 'вес' и т. п. Наличие таких "объектов обладания" у абстрактного посессора свидетельствует о том, что структура абстрактной сущности может осознаваться языковым менталитетом аналогичной структуре физического тела.

2) Константы, характеризующие абстрактный Ps как нечто нематериальное, например, 'смысл', ('суть', 'существо'), 'содержание', 'значение', 'цена', ('ценность'), 'тема', 'роль', 'причины' и

'следствия', 'результаты', 'этапы', 'стадии' и т. п., ср.: польск. *Franz... zrobić mi ostateczny wykład o sensie wojny* (→ *jej sensie*) (TB 133); *...wtedy rola podpisu, jego waga, wartość były większe* (KK 171); *...przygotowadza, ... jednego człowieka, ...zainteresowanego przedmiotem mojej rozmowy z panem* (→ *jej przedmiotem*) (JA 11); чеш. *...příčina jejího zážesní* (→ *jeho příčina*) *ležela v ní samé...* (VN 142); русск. *Подряд – дело живое, и живо следует реагировать на его результаты и проблемы* ("ИЗВ.").

К отчуждаемым объектам обладания абстрактного Ps могут быть отнесены следующие абстрактные сущности: 1) признак: *Я сообщил ей свои предложения. Она признала их благоразумие* (Пушкин); *Na straně ženství je pravda obyčejného života (jeho pravda)* (BSch 12); *Snad je to... teskná závist nad unyle sladkou pomalostí tehdejší historie* (→ *její pomalostí*); *...Zjevilo se... Ventovo postavení v celé své hrozivosti* (KJB 22); 2) связь Ps с внешним миром: *Необязательность таких занятий, их малая связь с основными курсами... ведут к тому, что ... факультативы охватывают лишь часть старшеклассников* ("ИЗВ."); 3) действие, в котором Ps может быть: а) агенсом: польск. *Reinkarnacja to jest taka wędrawka duszy* (→ *jej wędrawka*) (TK 42); б) пациенсом: *Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение* (Пушкин); *... что делается для того, чтобы пресечь ее (наркомании) распространение?* ("ИЗВ."); чеш. *...basník povede analýzu svého nitra...* (→ *jeho analýzu*); 4) лицо, функционально связанное с Ps-событием или другим абстрактным Ps: автор, виновник, участник, свидетель и т. п.: чеш. *je účastníkem té pohromy* (→ *její účastníkem*); польск. *<oni> byli bezpośrednimi świadkami zbrodni* (→ *jej świadkami*) (KK 57); русск. *Марья Ивановна... почитала себя виновницей моего несчастья* (→ *его виновницей*).

Характерно, что структуры посессивных отношений предметного и абстрактного посессора включают в себя только те объекты обладания, которые сами обладают "центростремительной потенцией", т. е. способностью входить в посессивное пространство соответствующего посессора, и которые в подавляющем большинстве (кроме частей предметов) обозначаются именами релятивной семантики.

Итак, исследование отношений, выражаемых категориальными средствами, позволило выявить три типа посессоров (одушевленный, предметный, абстрактный) и типы объектов обладания, свойственных каждому типу Ps. Для каждого типа объектов был

выяснен характер посессивной связи (отношения часть–целое, отношения родства, собственности, принадлежности по функции, отношение к признаку) и степень парадигматической связанности (ПС) соответствующих типов Ps и R. Эти свойства посессивных отношений определяются "центробежными" свойствами посессора, его способностью "присваивать" себе объекты внешнего мира, и "центростремительными" свойствами объектов обладания, их способностью занять то или иное место в структуре посессивных отношений данного типа Ps.

ПОСЕССИВНЫЕ И ДРУГИЕ СМС И СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ ДИНАМИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотренные выше статические свойства посессивных отношений, определяемые семантикой имен посессора и объекта обладания и восходящие к структурам соответствующих СМС, характер посессивных отношений (часть–целое, отношения родства, отношения собственности, принадлежности по функции) и степени ПС между участниками посессивной связи (абсолютная, относительная, окказиональная неотчуждаемость, собственно отчуждаемость) – наиболее полно раскрываются в динамических ситуациях, возникающих под воздействием сил, внешних и внутренних по отношению к Ps, которые вызывают в Ps и R взаимосвязанные между собой процессы. Такие динамические ситуации выражаются в языке разнообразными семантико-синтаксическими моделями, общим свойством которых является то, что, отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений и само наличие этих отношений, что в большинстве случаев исключает необходимость в статическом показателе посессивности.

Настоящая глава посвящена анализу глагольных семантико-синтаксических структур (τ -Str), которые условно можно обозначить схемой Ps V R (где Ps – имя посессора, R – имя объекта обладания, V – глагол, обозначающий действие, актантами которого являются Ps и R); τ -Str представляет собой определенным образом организованную структуру, включающую имена Ps и R и имплицитно содержащую отношение посессивности τ между ними, что исключает необходимость выражения этого отношения с помощью $\text{Prop}_{\text{poss}}$, Gen_{poss} , $\text{Attr}_{\text{poss}}$. Этот факт объясняется тем, что τ -Str обладает свойством "согласованности по посессивности", или "согласованности по τ " (по аналогии с несколько более узким понятием согласованности по рефлексивности [см. Вольф 1974, 1977], охватывающим структуры с посессором-агенсом).

С точки зрения согласованности по τ можно выделить несколько типов отношений между двумя синтаксически связанными именами Ps и R:

1) Устойчивая согласованность по Γ , ср.:

Петр открыл глаза

N_1 N_2
 └── + Γ ───┘

Петр поднял стул за ножку

N_1 N_2
 └── + Γ ───┘

Петр спас жизнь Павлу

N_2 N_1
 └── + Γ ───┘

Для таких семантико-синтаксических структур характерен, как правило, нулевой показатель посессивности (\emptyset) при N_2 (соответствующий в артиклевых языках определенному артиклю и заменяющий собой притяжательное местоимение или другой показатель посессивности, кореферентный N_1). Подстановка показателя посессивности, имеющего другую кореференцию, лишает высказывание смысла (**Петр открыл твои глаза, глаза Павла*).

2) Неустойчивая согласованность по Γ :

Петра ждут друзья

N_1 N_2
 └── + Γ ───┘

Петр порвал пальто

N_1 N_2
 └── + Γ ───┘

Нулевой показатель посессивности \emptyset имеет здесь то же значение, что и в 1). Однако возможно сочетание N_2 с $\text{Prop}_{\text{poss}}$, кореферентным N_1 (ср.: *Петра ждут его друзья, Петр порвал свое пальто*), а также показателями посессивности, не кореферентными N_1 , и при этом образуется семантико-синтаксическая структура, рассогласованная по Γ , ср.: *Петра ждут мои (наши и т. п.) друзья, друзья Ивана; Петр порвал мое (твое и т. п.) пальто, пальто Ивана* (ср. ниже п. 3).

3) Рассогласованность по Γ :

Петр нуждается в поддержке

N_1 N_2
 └────────── - Γ ─────────┘

Петр украл пальто

N_1 N_2
 └────────── - Γ ─────────┘

N_2 может сочетаться только с показателем посессивности, не кореферентным N_1 (ср.: *Петр нуждается в моей / твоей поддержке*,

I. Глагольные г-Str, в которых Ps может быть только агенсом.

I.1. г-Str, в которых R обозначает часть тела Ps.

Типы предикатов таких г-Str весьма разнообразны. Предикат V может обозначать:

1) Действие, совершаемое Ps, при котором R является и объектом, и участником действия ("прямое телесное действие" по Вежбицкой [Wierzbicka 1979, 320]), т. е. г-Str имеет вид: $Ps_{nom} R_{acc}$ (где Ps_{nom} – имя посессора в номинативе, R_{acc} – имя объекта обладания в аккумулятиве), ср. русск. *X открыл глаза, поднял руку*; польск. *X wyciągnął dłoń*, чеш. *X podal někomu dlaň*.

2) Действие, совершаемое Ps с помощью R ($Ps_{nom} R_{instr}$): русск. *X ищет (что-л.) глазами, чувствует (что-л.) спиной*; польск. *X wpatrzył się w rękota*; чеш. *X hledá očima*; при этом, если Ps может являться единственным исполнителем действия, имя R обязательно опускается, ср. польск. *X chodzi (*nogami), mówi (*językiem)* и т. п.; ср. также: *X mówi (swoim) głupim językiem*, т. е. имя инструмента упоминается в этом случае только при наличии атрибута.

3) Действие, при котором R играет роль некоторого "вместилища" ($Ps_{nom} R_{loc}$): чеш. *X vzal něco do ruku*; русск. *X выпустил (что-л.) из рук*; сюда следует отнести также западнославянские локативные конструкции с глаголом 'иметь': чеш. *X má něco napsáno mezi očima*; *X má něco v hlavě*; польск. *X ma nieco w ręku* и т. п.

4) Принятие некоторого нежелательного для посессора воздействия со стороны внешнего агента ($Ps_{nom} R_{loc}$); сюда относятся просторечные формы типа русск. *X получил по морде*, польск. *X wziął po pysku*.

5) Положение или движение Ps в пространстве относительно некоторого предмета: русск. *X лежит головой к окну, X встал спиной к двери* и т. п.

I.2. г-Str, в которых R обозначает некоторый предмет, тесно связанный с лицом и играющий роль "вместилища" для Ps ($Ps_{nom} R_{loc}$) (дом, постель, одежда и т. п.); набор V ограничен, что связано с отсутствием релятивной семы у всех предметных имен, кроме частей тела: польск. *X idzie do domu, do łóżka, X ma coś w domu* [большинство предикатов обуславливают неустойчивую согласованность по посессивности, ср. польск. *X leży w (swoim, czyimś) łóżku*, или несогласованность по г, ср. польск. *X zobaczył (czyjeś, jakieś) łóżko*], ср. также устойчиво согласованные по г конструкции типа польск. *X rozebrał się z piąszcza, X rozebrał się do koszuli*; чеш. *X svlékl*

se z kabátu. Вообще конструкции с V, обозначающим одевание/раздевание, могут считаться устойчиво согласованными по г лишь в том случае, если латентным предикатом для R считать не собственно принадлежность ('его одежда' = 'одежда, которая ему принадлежит'), а принадлежность по функции ('его одежда' = 'одежда, которую он носит'); при латентном предикате, обозначающем собственно принадлежность, г-Str с V 'снять' становятся неустойчиво согласованными по г: польск. *X zdjął (swój) płaszcz/czyjś płaszcz*, а г-Str с V 'надеть' – несогласованными по г: *X włożył (swój) płaszcz / X włożył czyjś, jakiś płaszcz* (напр., в офисе, в магазине).

1.3. г-Str, в которых R обозначает действие или абстрактное понятие, тесно связанное с лицом. Набор V для каждого R ограничен, ср. чеш. *X položil, dal život*, *X přišel o život*, русск. *X отдал жизнь*, *X предается размышлениям* и т. п.; сочетание других V с теми же именами R требует эксплицитного выражения посессивности: *X рассказывает о своей жизни*, *X прервал свои размышления* (ср. *X рассказывает о твоей жизни, о жизни Петра*; *X прервал мои размышления* и т. п.); соотнесение же с посессором (эксплицитное или имплицитное) для имен группы 1.3 обязательно, поскольку все они включают релятивные семы.

II. Глагольные г-Str, в которых Ps может быть и агенсом, и пациенсом

В таких г-Str V обозначает действие, которое может совершаться Ps по отношению к себе и своему R и некоторым другим агенсом по отношению к Ps и его R.

II.1. г-Str, в которых V обозначает некоторое воздействие на R, затрагивающее Ps ($Ps_{dat} R_{acc}$). Такие г-Str носят название дативно-посессивных структур: имя Ps (или заменяющее его $Pron_{pers}$) или $Pron_{refl}$ (в рефлексивных г-Str) стоит в Dat. В такие г-Str входят только одушевленные Ps, поскольку неодушевленный предмет не может быть затронут действием, совершаемым с его R. При этом имя R может обозначать:

1) Часть тела Ps; при наличии дополнения в дативе г-Str с именами частей тела всегда устойчиво согласованы по г: чеш. *X poranil si / Y-ovi prst*, польск. *X wgruwa sobie / Y-owi włosy*. В польском и русском языках рефлексивные г-Str при некоторых V употребляются без $Pron_{refl}$, что делает их неустойчиво согласованными по г; так, $Pron_{refl}$ регулярно опускается при V, обозначающем привыч-

ное (косметическое или гигиеническое) воздействие на R: польск. *X tuje ręce, maluje usta* и т. п. Чешский язык, по-видимому, избегает неустойчивой согласованности по г; почти все чешские г-Str данного типа вне зависимости от конкретной семантики V оформляются с помощью *Dat_{poss}*: чеш. *X umyl si ruce, podmaloval si ústa, pohladil si knír, ostřihl si nehty, vousy*.

2) Предметные и абстрактные понятия. Семантика V при этом сводится к двум основным группам значений:

а) действия, не связанные с нарушением отношения посессивности между Ps и R (обычно соотносимые с "ключевыми" значениями 'испортить/исправить'). При таких предикатах формируются г-Str с именами родства, названиями одежды и других предметов постоянного пользования, именами абстрактных понятий, тесно связанных с лицом и т. п.: польск. *X poprawia sobie / Y-owi okulary, X zepsuł sobie / Y-owi życie, weekend*, чеш. *X kazí si / Y-ovi úspěch, štěstí* и т. п.

б) Действия, связанные с нарушением отношения посессивности между Ps и R (соотносимые обычно с "ключевыми" значениями 'отнять/вернуть'); г-Str с такими V помимо вышеперечисленных типов имен R, включают имена, обозначающие понятия, которые не мыслятся как обязательно принадлежащие лицу, т. е. относительно неотчуждаемые и отчуждаемые [Головачева, 1989, с. 49 сл.]; сюда относятся имена-предикаты, обозначающие качества и различного рода преимущества, имена чисто временного значения и др.: польск. *X odjął Y-owi władzę, wdzięk, X przywrócił Y-owi spokój*, чеш. *X vzal Y-ovi svobodu, čas*; характерно, что с глаголами такой семантики употребляются в основном г-Str с Ps- пациенсом; рефлексивные структуры с Ps-агентом встречаются редко: польск. *X odebrał sobie życie*, чеш. *X vzal si život*.

В русском языке в лишительных конструкциях *Dat_{poss}* вообще не употребляется, ср.: *X отнял у Y-а здоровье, жизнь, свободу, портфель, земельный участок*.

II.2. г-Str, в которых V обозначает воздействие на Ps посредством воздействия на его R ($Ps_{acc} R_{loc}$). В таких г-Str более всего употребимы имена частей тела, но возможны г-Str и с R другой семантики, ср. польск. *X pogladził się po brzuchu / X pogladził Y-a po głowie; X chwycił Y-a za rękę surduta*, русск. *X хлопнул себя / Y-a по колену, X схватил Y-a за руку, за рукав*.

II.3. г-Str, в которых V обозначает некоторое действие, совершаемое Ps или внешним агентом, происходящее в локусе R и затра-

гивающее Ps ($Ps_{\text{dat}} R_{\text{loc}}$). Семантика имени R почти столь же разнообразна, как и в г-Str типа II.1: чеш. *X vytrhl si / Y-ovi trn z nohy, látku z kalhot*, *X pověsil se Y-ovi kolem krku*, польск. *ziemia osuwa się X-owi spod nóg*, русск. *X положил нечто себе / Y-у в карман*; при другом направлении действия в русском языке вместо Dat_{poss} употребляется у-локализатор: *X вынул нечто у себя / у Y-а из кармана*.

III. Глагольные г-Str, описывающие нечто происходящее с R.

В г-Str такого типа V обозначает действие или процесс, происходящий с R и в той или иной степени оказывающий влияние на Ps.

III.1. г-Str, описывающие нечто происходящее с R и затрагивающее Ps ($Ps_{\text{dat}} R_{\text{nom}}$) (в русском – конструкция с у-локализатором).

1) V обозначает некоторый процесс, происходящий с R, причина которого находится внутри Ps: чеш. *X-ovi se chvějí rty*, польск. *serce X-owi zamiera*, *X-owi się prędko drą skarpetki*, русск. *у X-а дрожат руки, замирает сердце*.

2) г-Str обозначает некоторый внешний по отношению к Ps процесс, происходящий с R и затрагивающий Ps: чеш. *Y-ovi syn šel na vojnu*, польск. *Y-owi ułamła żona*, *Y-owi koń zwichnął nogę*, русск. *У X-а порвался костюм*; следует заметить, что семантический диапазон русской конструкции с у-локализатором шире, чем Dat_{poss} , поскольку она может включать и неодушевленное имя Ps, у которого нечто происходит с его R (частью от целого), ср. *у стула отломалась ножка*, что наводит на мысль, что конструкция с у-локализатором вообще не обозначает затронутости посессора действием, а лишь свидетельствует о том, что действие происходит в "локусе" (посессивном пространстве) Ps.

III.2. г-Str, описывающие действие или процесс, происходящий с R и оказывающий воздействие на Ps ($Ps_{\text{acc}} R_{\text{nom}}$); в первую очередь это структуры, обозначающие физическое страдание, испытываемое Ps в локусе его части тела R: чеш. *Y-a bolí hlava, svědí oko, svrbí kůže*, польск. *Y-a boli głowa, swędzi palec*; в русском используется конструкция с у-локализатором: *У X-а болит голова, ноет рука*.

Приведенное выше краткое описание г-Str западнославянских и русского языков с устойчивой согласованностью по посессивности позволяет выделить некоторые наиболее существенные черты г-Str:

а) г-Str возможны в первую очередь для одушевленных Ps, поскольку они обозначают событие, касающееся как посессора, так и его объекта обладания.

б) в г-Str входят такие имена R, семантика которых каким-то образом связана с лицом, и чем теснее связь, тем больше вероятность образования г-Str.

в) сопоставление дативно-посессивных и аккузативно-посессивных г-Str показывает, что только дативно-посессивные г-Str могут быть трансформированы в конструкцию с эксплицитным показателем посессивности, ср. чеш. *X zkazil nám štěstí / X zkazil naše štěstí*, но: *X uhodil Y-a do prsou / *X uhodil do jeho prsou, *X uhodil do prsou Y-a*; невозможность такой трансформации характеризует также те дативно-посессивные г-Str, которые обозначают событие, связанное с нарушением отношения посессивности между Ps и R, ср. польск. *X odebrał sobie / Y-owi życie*, но: **X odebrał swoje życie / życie Y-a*; можно предположить, что аккузативные г-Str и дативные "лишительные" г-Str характеризуются большей "жесткостью" отношения посессивности между Ps и R, в отличие от более "свободных" остальных дативных структур. Это связано с семантикой предиката V, актантами которого являются имена Ps и R. Чем в большей степени действие, обозначенное предикатом V, "затрагивает" Ps, тем более вероятно, что именно г-Str станет единственно возможным средством выражения отношения посессивности г между данным посессором и объектом.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что первые два из вышеперечисленных условий построения г-Str не связаны со свойствами конкретного высказывания и описываемым этим высказыванием событием; семантика имени Ps (наличие сем личности/неличности, одушевленности/неодушевленности) и семантика имени R отражают свойства соответствующих концептов и отношения между ними в соответствующей СМС, т. е. статику посессивных отношений; именно семантика Ps и R определяет степень парадигматической связанности (ПС) концептов Ps и R: абсолютная/относительная/оказиональная неотчуждаемость или отчуждаемость. Третье условие (семантика предиката V и синтаксические свойства г-Str) отражает некоторую динамическую ситуацию, возникающую под воздействием сил, внешних или внутренних по отношению к Ps и вызывающих в Ps и в R взаимосвязанные между собой процессы. Такие динамические ситуации выражаются в языке разнообразными г-Str, общим свойством которых является то,

что, отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и в R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений, что в большинстве случаев исключает необходимость в статическом показателе посессивности ($P_{top_{poss}}$, Gen_{poss} , $Attr_{poss}$), который в безартиклевых языках в таких структурах обычно отсутствует, а в артиклевых заменяется на определенный артикль.

В "Анкетe по категории определенности-неопределенности", составленной И. И. Ревзиным, имеется вопрос: "Можно ли описать значение посессивности как сумму: одно из значений определенности + указание на отношение?" [Ревзин, 1977]. Очевидно, что ответ на этот вопрос будет утвердительным, если возможно формально "расщепить" (т. е. заменить без изменения смысла) притяжательное местоимение $P_{top_{poss}}$ на некоторые два языковые средства, выражающие соответственно определенность (Def) и отношение посессивности (r): $Poss = Def. + r$. Именно такое расщепление может происходить в r -Str, ср. нем.:

1. *Er ist am Leben zerbrochen*

Def + r

2. *Der Kopf zerspringt mir fast vor Schmerzen*

Def + r

3. *Räubers haben dem Mädchen die Handtasche entwendet*

Def + r

В этих примерах показатель определенности дан эксплицитно, а отношение r заключено в самой семантико-синтаксической структуре, важную роль в которой играет семантика предиката V, ср.:

4. *Peter wäscht die Hände*

Def + r

5. *Peter hat seine Hände im Spiegel erblickt*

Def + r

В 5-м примере индивидуализация R осуществляется эксплицитно, что обусловлено семантикой V, "разрушающего" парадиг-

матические связи между Ps и R; в примерах 1–4 представлен семантико-синтаксический способ индивидуализации R путем соотнесения объекта-денотата R_D с соответствующим концептом R_C , включенным в СМС Ps_C -лица; при этом важную роль играет семантика V, "подкрепляющая" парадигматические связи; вторым условием индивидуализации (не всегда жестким для абсолютно неотчуждаемых R) является количественное совпадение между упомянутым в тексте конкретным R (референтом) и его стереотипом в соответствующей СМС (экстенсионалом); ср. нем. *sich einen Zahn ausbrechen / sich in den Finger schneiden* (во втором случае, возможно, имеет место генерализация); в генерализованном значении могут употребляться и относительно неотчуждаемые R (при условии, что экстенсионал представляет собой конечное множество объектов данного рода), ср. *Мне звонил брат / *Мне звонил один брат* (даже если братьев несколько), но: *Мне звонила подруга / одна подруга*; жестко соблюдается условие количественного соответствия между денотатом и концептом для окказионально неотчуждаемых R, ср. нем. *Er stahl ihr ein Buch / Er stahl ihr die Handtasche*. Подобные предметные имена, употребленные вне соотнесения с посессором, могут быть определенными или неопределенными в зависимости от условий контекста. Можно предположить, что притяжательное местоимение не имеет постоянной семы определенности. Это подтверждается результатами семантико-синтаксического "расщепления" Pro_{poss} , которое может давать не только определенность, но и неопределенность имени R, что зависит от количественного фактора, а также от степени ПС между соответствующими концептами Ps_C и R_C . Приведенные рассуждения позволяют предположить, что t -Stg возникают в результате наложения друг на друга по крайней мере трех типов стереотипных ментальных структур:

- 1) СМС данного Ps_C , представляющей собой сложное структурированное посессивное пространство, имеющее ядром Ps_C и содержащее набор R_C с различной степенью ПС по отношению к данному Ps_C ;
- 2) СМС некоторого действия или процесса Ac_C , представляющей собой структурированное пространство с ядром Ac_C и содержащей набор актантов Act_C ;
- 3) СМС некоторой ситуации, представляющей собой структурированное пространство концепта ситуации Sit_C и содержащей набор обязательных элементов Sit_C .

Наложение СМС друг на друга способно изменить степень ПС между соответствующими Ps и R, "сдвигая" данный R в пространстве посессивных отношений либо к "центру", "ядру", в направлении неотчуждаемости, либо от центра – в сторону отчуждаемости. Так, объект, неотчуждаемый для данного Ps, может явиться "отчуждаемым" для конкретной ситуации, противоречащей некоторой СМС, ср.: *X пришел на работу в помятой одежде* (атрибут указывает на некоторое отступление от стереотипа, содержащееся в признаке R), однако сама динамическая ситуация использования одежды не нарушена, поэтому существует запрет на фразу: **X пришел на работу в одежде / X лег спать в одежде* (динамика отношений между Ps и R противоречит стереотипу, поэтому такая структура информативна и атрибут при имени R необязателен). Именно релятивной семантики коррелируют с R_C, входящими в СМС соответствующего Ps_C и поэтому требуют обязательного указания на обладателя; если г-Str не "включает" R_C, то указание на Ps осуществляется лексическим способом, ср.: *Он поднял руку, вытер лицо* (элементарное и рутинное действия включают R_C и поэтому исключают необходимость в R_{top_{poss}}) / *Он увидел в зеркале свое лицо* (динамическая ситуация представляет соответствующие Ps и R как самостоятельные сущности, что обуславливает необходимость в R_{top_{poss}}, восстанавливающим утраченные в динамике статические связи). И наоборот, посессивные связи достаточно свободные, необязательные в статике, в парадигматике, могут восприниматься как отношения неотчуждаемости в динамической ситуации (явление окказиональной неотчуждаемости), ср. *мне порвали кофту, починили транзистор*.

Возможность представить одно и то же действие как затрагивающее и не затрагивающее Ps, может быть использована в языке для выражения различных смысловых оттенков; так, например, русский язык обнаруживает 4 ступени затронутости Ps ласкательным действием:

- 1) действие, не затрагивающее Ps: *X поцеловал руку Y-a;*
- 2) действие в локусе (пространстве) Ps: *X поцеловал руку у Y-a* (ср.: *это твой посаженный отец, поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит*) – слабая затронутость Ps действием;
- 3) действие, затрагивающее Ps: *X поцеловал руку Y-у;*
- 4) действие, направленное на Ps: *X поцеловал Y-a в голову.*

В польском языке употребляются только крайние (1 и 4) позиции (типы структур), ср. польск. *Pan Andrzej przyklęknął na jedno*

kolano i ucałował ze czcią dłoń królowej (**królowa, w dłoń*), która go jeszcze pogłaskała po głowie / русск. Пан Анджей стал на одно колено и с почительностью поцеловал руку королевы (**королеве*), которая его при этом погладила по голове. На этом примере ярко видно, как языковой менталитет дифференцирует иерархию человеческих отношений: действие королевы выражено аккумулятивно-посессивной (наиболее "фамильярной") моделью, действие ее подданного – конструкцией "не затрагивающего" действия; ср. также – в различных социумах – ритуалы целования края одежды, земли у ног владыки, земли на почтительном расстоянии от него и т. д. – чем больше социальная дистанция, тем выше страх "затронуть действием". Таким образом, в формирование языковых структур с успехом вторгаются стереотипные ментальные структуры, относящиеся не только к картине мира, но и к модели мира [Головачева 1994].

Проведенный выше краткий анализ статических и динамических условий построения *r-Str* позволит приступить к подробному описанию различных типов *r-Str*, базирующемуся на их классификации в зависимости от синтаксической позиции имени *R*.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЕССИВНЫХ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ИМЕНИ ОБЪЕКТА ОБЛАДАНИЯ

В начале раздела следует ввести понятия элементарной и комплексной *r-Str* и элементарного и комплексного действия. Элементарной мы называем *r-Str*, в которой имя (или имена) *R* занимают одну актантную позицию: русск. *X вымыл руки, махнул рукой, держал в руке* и т. п.; комплексная *r-Str* представляет собой комбинацию элементарных *r-Str* одного и того же или разных типов и включает имена *R* в двух или более актантных позициях; при этом упоминаемые в высказывании имена *R* могут соотноситься как с одним и тем же посессором [$R', R'' \dots \in X$, ср. русск. *X рукой* ($R' \in X$) *пригладил волосы* ($R'' \in X$) *на голове* ($R''' \in X$)], так и с разными посессорами [$R' \in X, R'' \in Y \dots$, ср. русск. *X положил Y-у руку* ($R' \in X$) *на плечо* ($R'' \in X$)]. Элементарным действием мы называем действие, которое может совершить только сам *Ps* и которое не может быть совершено другим агентом по отношению к нему: русск. *X поднял руку, махнул рукой*; комплексным действием на-

зывается действие, которое может быть совершено как самим Ps, так и другим агенсом по отношению к нему: русск. *X расчесал волосы / X расчесал волосы Y-у, X положил руку на колено / X положил руку на колено Y-у.*

II. Семантико-синтаксические структуры с аккузативной позицией имени R

В зависимости от синтаксической позиции имени Ps в этом классе *r-Str* можно выделить номинативно-аккузативные и дативно-аккузативные *r-Str*, а внутри каждого подкласса – различные комплексные *r-Str*, включающие, кроме аккузативной, и другие актантные позиции R.

r-Str (Ps_{ном} R_{acc})

Элементарные *r-Str* этого подкласса включают *r-Str* элементарного и комплексного действия.

Элементарное действие совершается посессором при участии его части тела R, играющей в этом действии активную роль и в то же время являющейся пациенсом действия (“прямое телесное действие”). Поэтому в *r-Str* такого рода могут входить только переходные глаголы, семантика которых тесно связана со свойствами и функциями части тела, участвующей в действии. Отличительной чертой элементарных действий, выраженных *r-Str* Ps_{ном} R_{acc}, является их однонаправленность, в отличие от элементарных действий, выраженных инструментальной *r-Str*, ср.: *протянуть руку / махнуть рукой.*

В таблице приводятся наиболее характерные для каждой движущейся части тела элементарные действия, выражаемые *r-Str* Ps_{ном} R_{acc} с соответствующими предикатами V. Как видно из таблицы, некоторые предикаты, относящиеся к одной и той же части тела, оказались помещенными одновременно в несколько колонок, соответствующих различным аспектам движения данной части тела. Наибольшим разнообразием характеризуются конструкции с именем руки – наиболее активно функционирующей части тела. Подобные элементарные конструкции близки к фразеологизмам, поскольку они обозначают привычные (“рутинные” в терминологии А. Вежбицкой) действия, тесно связанные с соответствующей частью тела и абстрагирующиеся в языковом сознании от Ps-агента, ср. слов. *Carlini ho dokonca naučil, ako sa podáva ruka* (JT-247).

Часть тела	Движение в вертикальной плоскости	Движение в горизонтальной плоскости
1	2	3
'Голова'	<p>р. поднять/опустить, наклонить, склонить голову</p> <p>п. podnieść/pochylić, skłonić głowę</p> <p>ч. zvednout, vzpřímit/schyliť, sklopit hlavu</p> <p>с. zdvihnúť / skloniť, sklopit' hlavu</p>	<p>р. повернуть голову</p> <p>п. odwrócić, obrócić głowę</p> <p>ч. otočiť, obrátiť hlavu</p> <p>с. otočiť', obrátiť' hlavu</p>
'Глаза'	<p>р. поднять/опустить глаза (веки, ресницы), открыть/закрыть глаза</p> <p>п. otworzyć, podnieść/zamknąć, opuścić oczy, spuścić powieki</p> <p>ч. zvednout, otevřít/sklopit, přivřít oči</p> <p>с. zdvihnúť, otvorit'/sklopit', zavriet' oči</p>	<p>р. устремить/отвести глаза (взгляд)</p> <p>п. utkwieć/odwrócić, oczy utkwieć / odwieść spojrzenie (wzrok)</p> <p>ч. upřít/odvrátiť, odhrnout oči (pohled)</p> <p>с. upriet'/obrátiť', odhrnúť oči (pohl'ad)</p>
'Губы' (рот)	<p>р. открыть/закрыть рот</p> <p>п. otworzyć/zawrzeć usta</p> <p>ч. otevřít/zavřít ústa</p> <p>с. otvorit'/zavriet' ústa</p>	
'Рука'	<p>р. поднять/опустить руку (руки)</p> <p>п. unieść/opuścić rękę (ręce)</p> <p>ч. zvednout/spustit ruku (ruce)</p> <p>с. zdvihnúť /spustit' ruku (ruky)</p>	

Встречные движения парных частей тела: 'открыть'/'закрыть', 'сжать'	Движения типа 'согнуть' / 'разогнуть'; 'вытянуть'
4	5
<p>р. открыть, вытаращить/ закрыть, зажмурить глаза</p> <p>п. otworzyć, wytrzeszczyć/ zamknąć, zmrożyć oczy</p> <p>ч. otevřít, vytřeštit/ přivřít, zamhouřit oči</p> <p>с. otvorit', vytreštit'/ zavriet', zažmúrit' oči</p>	
<p>р. открыть/закрыть рот, сжать, стиснуть губы</p> <p>п. otworzyć/zawrzeć, ścisnąć usta</p> <p>ч. otevřít/zavřít, zatít ústa</p> <p>с. otvorit'/zavriet', zat'at', zaseknúť ústa (pery)</p>	
<p>р. скрестить, сцепить/ расцепить руки</p> <p>п. skrzyżować, spleść/rozkrzyżować ręce</p> <p>ч. sepnout, zkrřížit/ rozepnout ruce</p> <p>с. zopnúť, skrřížit'/ rozopnúť ruky</p>	<p>р. согнуть/разогнуть, вытянуть руку (руки)</p> <p>п. wyciągnąć rękę (ręce)</p> <p>ч. sehnout/napřít,mit, natáhnout ruku (ruce)</p> <p>с. zohnúť/narovnat' ruku (ruky)</p>

Элементарными действиями следует считать также и такие, которые сопряжены с перемещением части тела в некоторое пространство, соприкосновение ее с каким-либо посторонним предметом или, наоборот, – удаление части тела из некоторого пространства, напр., действия типа *вложить, всунуть, приложить / вытащить, вынуть* и т. п.: чеш. *strkat hlavu do díry*, польск. *wyciągać stopy z błota* и т. п. При этом если часть тела перемещается вместе с другой, частью которой она является, то такое действие также осознается языковым менталитетом рассматриваемых языков как элементарное, ср. польск. *przyłożył ucho do ściany*, чеш. *přiložit ucho na dveře, strkat kamsi nos* и т. п. Подобным же свойством, по утверждению А. Вежбицкой, обладают испанский и итальянский языки в отличие от французского, который расценивает такое действие как комплексное, что выражается в обязательности $\text{Prop}_{\text{poss}}$ при имени R: *Pierre pressait son (*le) nez contre la fenêtre* (ср.: *Pierre a levé la tête* – прямое телесное действие, не требующее указания на принадлежность части тела агенту). К элементарному типу рассматриваемые языки относят также действия, связанные с естественной сменой верхнего покрова (кожа, панцирь) у некоторых животных, ср. чеш. *had svlékl kůži, rak svléka krunýř* [ср. словц. *had zlienil sa z kože (= had sa zlienil)*] польск. *Po obudzeniu się gąsieniczki zrzucają skórkię*. Важно отметить, что вышеприведенные конструкции характеризуются согласованностью по рефлексивности между агенсом и пациенсом, что достигается семантико-синтаксическими параметрами таких конструкций, а именно сочетанием синтаксической структуры с соответствующей семантикой R и V, ср. русск. *X открыл глаза (свои) / X открыл дверь (какую-то), X поднял голову (свою) / X поднял камень (какой-то)*. Любая согласованная по рефлексивности (и шире – по посессивности) семантико-синтаксическая структура представляет собой семантико-синтаксическое единство, включающее посессивные отношения между P и R; событие, происходящее с R, представляется здесь имеющим отношение к Ps, в отличие от конструкций с $\text{Prop}_{\text{poss}}$, где событие с R воспринимается как автономное, не связанное с Ps, ср. русск. *Глаза у него сияли / Его глаза сияли*.

Элементарным следует считать также взаимное действие, совершаемое двумя посессорами по отношению друг к другу с участием идентичных R, ср. польск. *X i Y podali sobie ręce (= X podał ręce Y-owi & Y podał ręce X-owi)*. Следует отметить, что Ps-агентом в вышеописанных элементарных r-Str элементарного действия Ps_{nom}

R_{acc} , как правило, является некоторое лицо или животное, поскольку только одушевленный агент способен манипулировать своими составными частями, однако в художественных текстах такие t -Stg могут выражать персонификацию агента, особенно это относится к растениям, часто ощущаемым как одушевленные, ср. польск. *W szarym skwarze usycha miasteczko. Georginie pochyliły głowy* (J. Tuwim); *Karczochy z ciekawością wystawiają, ciemnoniebieskie głowy* (K. Chłędowski).

Элементарными следует считать также действия, при которых активная часть тела перемещается по отношению к некоторой другой части тела или к предмету одежды, играющим в этом случае пассивную роль; такие ситуации описываются комплексными t -Stg [$Ps_{nom} R_{acc} R'_{loc}$], где R_{acc} – активная часть тела, R'_{loc} – пассивная часть тела Ps. При этом в зависимости от семантико-синтаксических свойств t -Stg они могут описывать три типа ситуаций:

1) Ситуация, при которой R' играет роль места действия, ср. чеш. *Vypadám, jako ženská s dítětem, jak chovám na prsou tu hloupou ruku.*

2) Ситуация, при которой R' – исходный пункт действия, совершаемого Ps при участии его активной части тела R и связанного обычно с удалением активной части тела R из локуса предмета одежды R' , ср. чеш. *vytáhnout ruku z kapsy*. Существенно, что действие "удаления" может быть представлено только нерефлексивной структурой, что связано с языковым менталитетом: всякое разъединение предполагает предшествующую этому связь, соединение же такой обязательной связи не предполагает, ср. чеш. *vytáhnout ruku z kapsy / zastrčit si ruku do kapsy*, русск. *засунуть руку(к себе) в карман / вынуть руку (*у себя) из кармана* и т. п. (ср. ниже).

3) Ситуация, при которой R' – конечный пункт действия; в этом случае в качестве R' могут выступать:

а) часть тела, в локус которой Ps помещает свою активную часть тела R, ср. слов. *Yveta si dala ruku pred ústá* (JT-172); *Starec položil si prsty na oči* (JT-152); *Poručík sklonil tvár do dlani*; польск. *Zielony ptak w koszu cichutko ukucnął do snu, wsunawszy głowę pod zdrowe skrzydło*;

б) предмет одежды, в локус которой Ps помещает свою часть тела R, ср. чеш. *strčit / zastrčit si ruce do kapes* / русск. *сунуть (засунуть) руки в карманы*; наличие возвратной частицы в чешских и словацких t -Stg типа 3) указывают на то, что обозначаемое ими

действие можно расценивать не только как элементарное, но и как комплексное; в самом деле, возвратная клитика показывает, что совершаемое посессором элементарное действие может произойти и таким образом, что активная часть тела R переместится не в локус его же пассивной части тела (или предмета одежды), а в локус соответствующего R', принадлежащего другому Ps, ср. словц. *X položil si prsty na oči / X položil Y-ovi prsty na oči*. Необходимость в возвратной клитике (даже в тех языках, где она наиболее частотна) отпадает в случае, если вероятность принадлежности R' самому Ps достаточно высока, ср. словц. *sklonit' tvár do dlaní, stiahnut' hlavu medzi pleciami*, русск. *втянуть голову в плечи*, польск. *wsunąć głowę pod skrzydła*; в частности, вероятность принадлежности R' самому Ps сильно повышается, если действие носит привычный, "рутинный" характер, ср. чеш. *X strčil ruce do kapes* (привычным, неосознанным движением) / *X zastrčil si ruce do kapes* (например, чтобы их согреть или чтобы продемонстрировать свою независимость).

Комплексное действие, выражаемое г-Str Ps_{ном} R_{acc}, совершается Ps по отношению к своему R без участия этого R; поскольку подвергаемая действию часть тела пассивна, то действие должно производиться с помощью другой части тела (инструмента), принадлежащей тому же Ps, однако в принципе активная часть тела может принадлежать и другому лицу. Поэтому может возникнуть необходимость в возвратной клитике (в Dat_{poss}), указывающей, что некоторое лицо производит действие именно со своей частью тела, ср. русск. *X расцарапал себе лицо / X расцарапал лицо Y-у* (дательный падеж имени лица при глаголе, не управляющем дательным падежом, указывает на затронутость лица событием, описываемым в предложении, ср. *Ветер дует – Мне дует; Кран починили – Мне кран починили*, где ветер и починка крана затрагивают лицо). Можно предположить, что необходимость в возвратной клитике тем больше, чем более вероятно выполнение данного действия другим лицом, отличным от Ps, что, в свою очередь, зависит от характера действия, выраженного предикатом в данной конструкции. Кроме того, некоторые действия, направленные на пассивную часть тела, в частности, действия, совершаемые самим Ps, могут рассматриваться как не затрагивающие Ps; в таких случаях употребляется не возвратная клитика, а притяжательное (а при Ps-агенте – притяжательно-возвратное) местоимение, указывающее на наличие посессивных отношений между агенсом и пациенсом. В связи с этим элементарные семан-

тико-синтаксические структуры комплексного действия с R_{acc} могут быть трех типов:

А. Элементарная невозвратная t -Str комплексного действия, ср. русск. *X вымыл лицо*; возвратная клитика отсутствует, поскольку действие, выраженное предикатом V , достаточно привычно, рутинно, хотя в принципе оно может быть осуществлено другим лицом по отношению к Ps , ср. *Y вымыл лицо X-у*.

В. Элементарная возвратная t -Str комплексного действия: *X расцарапал себе лицо*; возвратная клитика обязательна, поскольку велика вероятность выполнения данного действия не самим Ps , а другим лицом.

С. Элементарная местоименная семантико-синтаксическая структура комплексного "не затрагивающего" действия: *X рассматривает свое лицо / X рассматривает лицо Y-а*.

Приведенные типы семантико-синтаксических структур различаются семантикой предиката V , обуславливающей, возможность/вероятность/невозможность выполнения данного действия другим лицом (выбор между структурами А и В), а также возможность/невозможность затронутости Ps данным действием (выбор между t -Str А и В с одной стороны и структурой С – с другой). При этом релевантными оказываются следующие семантические признаки предикатов: 1) сохранение/нарушение отношения часть–целое; 2) при сохранении отношения – наличие/отсутствие деформации части тела; 3) при деформации – преднамеренность/непреднамеренность действия; 4) при отсутствии деформации – наличие/отсутствие соприкосновения активной части тела с пассивной (тактильность/нетактильность); 5) при тактильном действии – характер действия: косметическое/ласкательное; 6) при нарушении отношения часть–целое – отторжение постоянной (невосстановимой) / отрастающей (восстановимой) части тела. Исходя из перечисленных выше признаков можно выделить 6 семантических типов предикатов.

1) V обозначает действие с сохранением отношения часть–целое, отсутствием деформации и тактильности.

Таковыми признаками обладают в первую очередь глаголы, обозначающие действия, связанные с перцепцией или репрезентацией, т. е. глаголы типа 'видеть', 'разглядывать', 'показывать' и т. п. Такие действия не могут затрагивать ни соответствующую часть тела, ни ее обладателя, поскольку не производят в R никаких изменений. Поэтому для обозначения такого рода ситуаций исполь-

зуется структура типа С, ср. польск. *Oglądnięta w lusterku swą miłą buzię*; *Stryjek pokazał publiczności swój obandażowany palec*. В первом примере действие (перцепция) предполагает преимущественное исполнение его другим лицом, что исключает г-Stg типа А; г-Stg типа В также исключается, поскольку данное действие не затрагивает ни R, ни Ps. По этой же причине во втором примере (репрезентация) также невозможна г-Stg типа В; как правило, при репрезентации неупотребительна и г-Stg типа А, поскольку в большинстве случаев такое действие не может считаться рутинным, что ослабляет линейную связь между именами Ps и R. Поэтому структура типа С здесь также предпочтительна. Кроме того, в эту семантическую группу входят глаголы, обозначающие некоторое действие, в результате которого часть тела открывается внешнему миру или, наоборот, заслоняется от него (глаголы типа 'открыть', 'обнажить', 'закрыть', 'заслонить'). В этом случае на пассивную часть тела оказывается некоторое воздействие, например, *накрыть голову платком* – защитить ее от солнца, холода, дождя, *заслонить глаза от света* – чтобы легче было смотреть и т. п. Действие, направленное на R, оказывает воздействие и на Ps ("обратная связь", которая и была целью действия, произведенного Ps). В то же время такое действие может восприниматься и как рутинное (тип А), и как "не затрагивающее" (тип С). Т. е. здесь возможны все три типа структур:

Тип А: польск. *X przykrył głowę kapeluszem, osłonił głowę kapeluszem, osłonił brodę*; *X odsłonił oczy, twarz*; чеш. *X odhalil obličej, obnažil krk, paže, hlavu*; словц. *X odhalil plecia*; русск. *X прикрыл голову платком, обнажил плечи (зубы и т. п.)*.

Тип В: чеш. *X odhalil si tvář, zahalil si tvář rouškou; stínil si obličej před sluncem, zakryl si oči před sluncem*; словц. *X odhalil si tvár, obnažil si plecia*.

Тип С: польск. *X odsłonił swe piersi, przykrył swe włosy*.

По-видимому, польский и русский языки склонны оформлять действие, приближающееся к рутинному, по типу А, в чешском и словацком решающую роль играет то обстоятельство, что действие является комплексным, поэтому они предпочитают тип В. Тип С чаще встречается в польском языке.

2) V обозначает тактильное действие с сохранением отношения часть-целое и отсутствием деформации.

К этому типу относятся косметические и гигиенические действия, а также ласкательные действия.

Косметические и гигиенические действия (предикаты типа 'умыть', 'намылить', 'покрасить', 'почистить', 'напудрить', 'поправить', 'причесать' и т. п.) чаще носят рутинный характер и близки к элементарному действию. В русском и польском предпочтительна модель А: польск. *X tuje twarz, ręce, mydli twarz, szczełki, policzki, pudruje nos*; русск. *X вымыл, намылил лицо, руки, покрасил губы, напудрил нос* и т. п. Если действие носит достаточно специфический характер, возрастает возможность выполнения его другим лицом, и в этом случае используется модель В: польск. *X umył sobie nogi od kolan w dół* (Р); русск. *Желая казаться старше, она накрутила себе губы и ресницы* (т. е. выполнила нехарактерные для себя действия), ср. также использование моделей А и В представительницами двух разных эпох в "Бане" Маяковского: "Ундертон: – Сократили. Фосфорическая женщина: – Что это значит? Ундертон, – Губы, говорят, красила. Фосфорическая женщина: – Кому? Ундертон: – Себе... Фосфорическая женщина: Не понимаю. Если бы вы еще кому-нибудь другому, скажем, проходящим за справками на работе красили б, ну, тогда б могли сказать – мешает, посетители обижаются. А так..." Чешский и словацкий языки также могут использовать модель А: чеш. *X učešal vlasy hřebenem, podmaloval oči tmavým líčidlem*; словц. *X umyl ruku, X odhrrnul vlasy z čela*; однако предпочтение в этих языках отдается модели В: чеш. *X namydlił si ruce, umyl si ruce, obličej, podmaloval si oči, ústa*; словц. *X podmaloval si oči, ústa, umyl si tvár, zuby, hlavu, utrel si tvár, čelo, odhrrnul si vlasy*. По-видимому, в этих языках имеет место корреляция между использованием моделей А или В и наличием/отсутствием у предиката V дополнительных актантов, конкретизирующих ситуацию, ср. чеш. *X podmaloval oči tmavým líčidlem / X podmaloval si oči*; *X učešal vlasy hřebenem / učešal si vlasy*; словц. *X odhrrnul vlasy z čela / X odhrrnul si vlasy*. Можно предположить, что эти конкретизирующие актанты каким-то образом укрепляют линейную связь между Ps и R, чем ослабляется неустойчивость согласованности по рефлексивности, свойственная модели А.

Ласкательные действия, осуществляемые самим Ps, гораздо реже носят рутинный характер, т. к. гораздо более вероятно их выполнение другим лицом. В чешском и словацком из трех типов моделей возможна только модель В: словц. *X pohladil si čelo, vlasy, tvár, poškriabal si bradu, hlavu*; чеш. *X pohladil si čelo, vousy*. В русском такая модель тоже возможна: *X погладил себе живот*. В польском модель В не употребляется; самая распространенная кон-

структура в структурах $P_{S_{ном}} R_{acc}$ – модель А: польск. *X skubał wąsy, brode; X skrobał czoto, gładził wąsy, policzki*; модель С используется, например, при наличии атрибута при имени R, ср.: *Gładził swój czarny wąsik, rozgarniał swoje długie włosy*; чем более специфическое свойство называет атрибут, тем более вероятно появление $P_{top,poss}$, "восстанавливающего" как бы утраченную связь между посессором и объектом. Если же тактильное действие совершается с целью оказать на себя воздействие, употребляются структуры $P_{S_{acc}} R_{loc}$ (см. ниже), особенно характерные при ласкательных глаголах для польского языка.

3) *V* обозначает действие, связанное с деформацией или каким-либо другим изменением части тела.

Пассивная часть тела подвергается преднамеренному действию, в результате которого она претерпевает физические изменения (предикаты 'испортить', 'вывихнуть', 'отморозить', 'сломать', 'свернуть'). В чешском и словацком языках используется модель В: чеш. *X vymknul si při lyžování kotník, poškrábal si ruku trním, podřel si ruce od trní, podrapal si ruku bodláčím, X upadl a odřel si kolena do krve, X zlamal si ruku, vyvrtil si ruku, prst, poranil si prst, rozbil si koleno, hlavu, zranil si ruku; X podřezal si žíly*; словц. *X zlomil si ruku, X láme si prsty od očakávania, X láme si hlavu, X poškriabál si chrbát, X vyvrtil si nohu, podrezal si žily*. Модель А встречается редко и употребляется в случае, если деформация произошла случайно и не причинила P_s большого ущерба: словц. *X rozbil hlavu, nos*. Иное положение в русском и польском языках. Модель В употребляется только для обозначения преднамеренного действия или действия, результат которого был бы нежелателен для посессора, но он мог его предвидеть ср. польск. *Pośliznął się na ulicy, upadł i zwichnął rękę* (нечаянно), но: *Ziewali przy tym tak zastraszająco, że pani Barbara mówiła: – Dlaboga, zwichniecie sobie szczękę*; ср. также: *X zepsuł oczy* (нечаянно), но: *Mamusia krzyczała, żeby światło gasić, a ja pod kofdrą czytałam, oczy sobie psułam* (посессор предвидел последствия); *Znalazł ją, pokrwawioną w łazience; próbowała sobie żyty przeciąć rozbitą szklanką*, (преднамеренное действие). Если деформация части тела является результатом некоторого действия посессора, последствий которого он не предполагал, то употребляется модель А (т. е. такое действие, являясь в жизни не таким уж редким, может восприниматься почти как рутинное): польск. *Posliznął się na lodzie i lewą nogę wywichnął*.

Из приведенных примеров следует: чем выше преднамерен-

ность действия, тем выше вероятность выполнения его другим лицом и тем более необходима возвратная клитика. В том же направлении возрастает и вероятность совершения соответствующих взаимно-возвратных действий, заключающихся в причинении друг другу взаимного вреда, ср. польск. *Porozdzierały na sobie odzienie. Źby sobie potargały.*

4) V обозначает действие, связанное с нарушением отношения часть-целое.

Такого рода действия, связанные с отторжением части тела, чаще совершаются другим лицом по отношению к Ps, чем самим Ps, поэтому во всех рассматриваемых языках используется в большинстве случаев модель B, ср. чеш. *X usekl si prst, vytrhl si vlas,* польск. *X wyrwał sobie włosy;* поскольку причинение себе серьезного вреда, тем более усеменение собственной части тела – явление мало типичное, то интересующие нас конструкции чаще встречаются употребленными в сослагательном наклонении, ср. чеш. *Raději bych si ruku ut'ala, než tohle napsat; Raději bych si jazyk uřízla, než bych to řekla.* Модель A используется только при обозначении действий, связанных с укорачиванием отрастающих частей тела (волос на голове, усов, бороды, ногтей), поскольку такие действия воспринимаются обычно как обычные, рутинные, т. е. такие, которые совершает обычно сам Ps по отношению к себе (то, что в реальности действие может осуществляться другим лицом – парикмахером, в языке обычно не учитывается, ср. русск. *Я постриглась, что совершенно не означает, что женщина осуществила эту операцию сама*): польск. *X zgolił włosy i brodę, ściął włosy, obciął paznokcie,* чеш. *X oholil vousy;* слов. *X ostrihá vlasy, nechty, oholí fúzy;* однако в чешском и словацком языках и здесь лидирует модель B; чеш. *X ostříhá si nechty, vlasy, vousy, X odstříhl si kadeř vlasů;* слов. *X ostrihá si vlasy, X odstrihl si vlasy.* В польском модель B используется для обозначения специфического характера стрижки и т. п.; польск. *Pan Anastazy ostrzygł sobie włosy przy samej skórze* (ср. приводимый выше пример специфического гигиенического действия). Специфический характер действия лишает его признака рутинности, вследствие чего возрастает возможность выполнения действия другим лицом, что обуславливает необходимость возвратной клитики. Отращивание волос, бороды, усов в чешском и словацком также выражается моделью B, в отличие от польского и русского, для которых характерна, как правило, модель A, ср. чеш. *nechal si narůst bradu, vousy;*

слвц. *dal si narást' bradu, fúzy*; / польск. *zapuscíł brode, wąsy*; русск. Он отрастил бороду, усы. Модель В употребляется в русском и польском языках в тех случаях, когда отращивание волос, и особенно бороды и усов (связанное с возникновением нового объекта обладания) приводит к принципиальному изменению внешнего вида Ps, что воспринимается как событие, затрагивающее Ps, ср. русск. Он был одет казаком, отрастил себе бороду (Пушкин); польск. *Zapuscíłem sobie wspaniałą grzywę, nosíłem binokle i prenumerowałem "Prawdę" Świętochowskiego. Wystarczyło, żeby mnie wytykano palcami* (Reymont).

Итак, объектом действия в г-Str типа $Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$ является часть тела, которая может играть активную и пассивную роль. В первом случае имеет место прямое телесное (элементарное) действие, в котором принимает участие и сам Ps, и его активная часть тела. Такое действие может быть осуществлено только самим Ps, оно не оказывает обратного действия на Ps – не имеет обратной связи. Во втором случае Ps (с помощью не называемой в конструкции части тела – инструмента) совершает действие, направленное на его пассивную часть тела и испытываемое самим Ps ("обратная связь"). Поскольку такое действие может быть совершено не только самим Ps, но и другим лицом по отношению к нему, то для указания на Ps-агента может быть использована возвратная клитика, осуществляющая обратную связь между пассивной частью тела и посессором. Необходимость в возвратной клитике зависит от характера действия, в большей или меньшей степени предполагающего исполнение его внешним агентом, и от свойств данного языка, в большей или меньшей степени склонного избегать конструкций с неустойчивой согласованностью по рефлексивности.

Комплексные г-Str комплексного действия

Комплексные модели, ядром которых является г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$), могут образовываться путем комбинации этой г-Str с другими R, принадлежащими данному Ps и занимающими позицию инструмента и/или локуса.

В г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}} R'_{\text{instr}}$) активная часть тела – инструмент "материализуется", что отличает эти г-Str от вышеописанных элементарных г-Str, описывающих комплексное действие (типа польск. *X myje twarz, pudruje nos*, чеш. *X podmaloval si oči*, польск. *X skrobał czoło*, чеш. *X zlamal si ruku*, польск. *X wyrwał sobie włosy*). Описыва-

ваемое такой г-Str действие совершается активной частью тела – орудием и направлено на пассивную часть тела – объект. В элементарных г-Str комплексного действия орудие (обычно рука/руки) эксплицитно не называется, за исключением случаев: 1) если действие может быть совершено не только рукой, но и другим инструментом, например:

а) действия типа 'закрыть', 'заслонить': чеш. *zastřít si tvář dlaněmi / zastřít si tvář škraboškou*;

б) действия типа 'переместить', ср. чеш. *Po chvíli ženština vztyčila hlavu a odhrnula rukou pramen vlasů nazad* (откинуть назад волосы можно и движением головы); ср. также чеш. *nadzdvihl malý pán ukazováčkem víčka a smutně se podíval* [предполагается, что в обычной ситуации веки поднимаются движением самих век – ср. пример, приводимый А. Вежбицкой: *Pierre s'est levé la tête (avec les mains)*];

2) если действие обычно совершается не рукой, а другим инструментом, ср. чеш. *utírá si rukama obličej* (глагольное сочетание "вытереть лицо" – без указания инструмента – предполагает скорее использование полотенца или платка, а не рук).

г-Str комплексного действия типа ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}} R'_{\text{loc}}$) описывают действие, совершаемое посессором, направленное на часть тела (предмет одежды) R и происходящее в локусе части тела R'. Следует заметить, что в отличие от г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}} R'_{\text{loc}}$), обозначающих элементарное (простое телесное) действие и описанных выше (с. 63–64), объект обладания R_{acc} играет пассивную роль; активная часть тела (инструмент) при этом не называется. Такие г-Str, так же, как и вышеописанные, могут отражать три основных типа ситуаций:

1) Ситуация, при которой R' играет роль места действия.

При этом R может обозначать:

1а) Часть (или часть части) тела, расположенную в локусе R': чеш. *Rval si vlasy na hlavě; Ani oholený nejsem, mrzí se Standa a ohmátává si pod nosem a na bradě těch pár štětinek*; польск. *Skubał wciąż jakiś kosmyk w swojej brodzie*. При этом в русском языке может быть использована возвратная частица как в дативе, так в локативе (у-локализатор), в зависимости от того, подчеркивается ли затронутость агенса совершаемым действием или локус размещения R на теле Ps, ср. *Она поправила волосы (себе, у себя) надо лбом*. Приведенные выше конструкции наиболее частотны с именами отрастающих частей тела, поскольку для остальных частей

тела, как правило, не возникает необходимости указывать их координаты на теле человека. R может представлять также предел, до которого распространяется действие, направленное на R, ср. польск. *Pan Anastazy ostrzygł sobie włosy przy samej skórze*.

1b) Часть тела, включающую в себя локус R; например, *Она оцарапала себе ногу под коленкой*, где R обозначает локус части тела R; подвергнутой некоторому воздействию.

1c) Предмет одежды, расположенный на части тела R; ср. чеш. *Napravila si dívka věnec na hlavě*; слвц. *Io Sing si ohmatával na prsiach zakrvavenú blúzu*; польск. *Pasa porzawił na brzuchu sporym*.

2) Ситуация, при которой R играет роль конечного пункта действия, Обычно в этой ситуации Ps перемещает предмет одежды R в локус части тела R; например: чеш. *vložil si věnec na hlavu*; польск. *Włożywszy na nos okulary sylabizował cicho list*; *Panna Józefa na ręce naciągała ciemne rękawiczki*.

3) Ситуация, при которой R играет роль исходного пункта действия.

Такого рода ситуации могут быть трех типов:

3a) Ps удаляет часть тела (или часть части тела) R из локуса части тела R. Подобные действия часто связаны с причинением себе вреда – сознательно, под влиянием душевного потрясения, или по неосторожности: польск. *Wyrywał sobie włosy z głowy i kłął od jasnych piorunów*; *Przy upadku starła sobie do krwi skórę z obu kolan i z łokci*.

3b) Ps удаляет с поверхности R неотчуждаемую материальную субстанцию R, выступившую "изнутри" части тела R; например, чеш. *umyl si s obličje krev*; слвц. *Pokúsál sa utriet' s tváre krev, ale bola už zaschnutá* (модель А).

3c) Ps удаляет предмет одежды или другой предмет R с поверхности (изнутри) части тела R; например, чеш. *svlékl prsten s prstu*; слвц. *Dávali si dole iba kuklu z hlavy a tak jedli v pracovnóm odeve*; польск. *Wyjął fajkę z ust i strząsnął popiół na podłogę*.

Следует подчеркнуть, что ядром комплексной г-Стг ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) комплексного действия является г-Стг ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$), что подтверждается тем обстоятельством, что в большинстве случаев локальный член может быть опущен, ср. слвц. *Io Sing si ohmatával (na prsiach) zakrvavenú blúzu*; польск. *Włożywszy*

(na nos) okulary sylabizował cicho list; Wyrywał sobie włosy (z głowy).

Возможна комбинация инструментальной и локативной г-Str в результате чего образуется более сложная аккумулятивно-инструментально-локативная г-Str ($Ps_{nom} R_{acc} R'_{instr} R'_{loc}$), ср. русск. *Гимнаст руками прижал колени к животу*; польск. *Ruchem głowy odrzuciła z czoła wicher swych bardzo jasnych włosów*; чеш. *Odhrnul rukou vlasy z čela* и т. п.

г-Str ($Ps_{dat} R_{acc}$)

В таких г-Str агенсом является некоторый внешний по отношению к Ps агент, поэтому точнее такие г-Str было бы обозначить схемой ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc}$), где X – агент, внешний по отношению к Ps, совершающий некоторое действие, направленное на $R \subseteq Ps$.

В принципе действие, направленное на R, может затрагивать или не затрагивать Ps, и в зависимости от этого возможны два типа синтаксических структур: структуры незатрагивающего действия и г-Str затрагивающего действия (дательно-посессивные).

В структурах незатрагивающего действия [$X_{nom} R_{acc} (\subseteq Ps)$] отношение посессивности выражается статическим, т. е. категориальным показателем посессивности – $Pron_{poss}$, Gen_{poss} или $Attr_{poss}$. Предикатами таких конструкций являются обычно глаголы восприятия, созерцания, мышления, т. е. такие, семантика которых связана с процессами, протекающими "внутри" агенса, а не пациента, ср. слов. *Rada by som stála po boku niekoho, ktorého tvar, oči, úsmev som si uchovala v pamäti*; *Duval videl Ivine žiariace oči*; польск. *Widział teraz jej twarz blisko przed sobą*. В этой связи интересно отметить существующую в ряде языков разницу в семантике глаголов 'видеть' и 'смотреть': первый обозначает действие, направленное "внутрь" агенса, а второй – "наружу", во внешний мир. Эта особенность отмечена для польского языка А. Вежбицкой, ср.: *Patrzył na twoje nogi / ci na nogi*, но: *Widział twoje nogi / *Widział ci nogi*. Такая же дифференциация значений свойственна и многим другим языкам, ср. русск. *смотреть на чью-либо спину / кому-либо в спину – видеть чью-либо спину / *видеть кому-либо спину* и т. п.

г-Str затрагивающего действия ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc}$) отличаются разнообразием семантических групп предикатов, участвующих в их построении, при этом наблюдается ряд различий по сравнению с семантическими группами предикатов, входящих в г-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$). Следует отметить также, что многие предикаты могут входить в

структуры как затрагивающего, так и незатрагивающего действия:

1) Косметические и гигиенические действия; такие предикаты более распространены в г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$), поскольку они обозначают рутинные действия, осуществляемые обычно самим Ps, однако возможно осуществление их и другим лицом по отношению к Ps, ср. польск. *Fryzjer mydłał ci policzki z szybkością piognu, mówił dalej*; словц. *Masíroval som tu ramená*.

2) Ласкательные действия, осуществление различных требований этикета и т. п. Такие действия могут восприниматься как затрагивающие Ps, ср. например, чеш. *pohládl dítěti hlavečku; líbal jí tváře, ruce*; словц. *Matka hladkala im tváre*. Ласкательные действия совершаются обычно с целью доставить радость другому лицу, поэтому чаще объектом действия является не часть тела, а сам человек, а часть тела играет роль локуса действия [ср. ниже г-Str ($X_{\text{ном}} Ps_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$)]. Если же такое действие совершается в соответствии с требованиями этикета, то оно не рассматривается как затрагивающее Ps (ср. приводимый выше пример с поцелуем руки королевы – с. 57). Не затрагивающее действие может совершаться и в том случае, когда оно имеет целью доставить себе (агенту) радость, удовольствие, ср. польск. *Siadał przy bufecie, pił piwo, całował w rękę barmanki, głaskał ich ramiona*. В этом примере также представлено два типа действий: первое – целование рук – с целью расположить к себе (т. е. "для Ps"), второе – "для себя". Особенность польского языка по сравнению с другими исследуемыми языками в отношении г-Str, выражающих ласкательные действия, в том, что в польском языке почти не употребительны г-Str ($Ps_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$) для выражения ласкательных действий (см. выше с. 57), ср. польск. *całował w rękę barmanki* / русск. *целовал руки официанткам*, чеш. *líbal ruce číšnicím*. Русский язык при обозначении ласкательных действий дифференцирует части тела, по-видимому, по принципу близости/удаленности от центра, средоточия Ps. Признаком "близкий" наделяются такие части тела как 'голова', 'глаза', 'губы', 'щеки', 'шея', 'спина', 'плечи'; признаком "далекий" – в первую очередь конечности. Первые в большей степени "репрезентируют" Ps и поэтому служат локусом воздействия на него, вторые служат объектом действия, затрагивающего Ps, ср.: *X поцеловал Y-а в голову (*Y-у голову) / X поцеловал Y-у руку (*Y-а в руку)*. Характерно, что структуры незатрагивающего действия также наиболее употребительны с более удаленными от центра частями тела, ср.: *поцеловать чью-либо руку / *поцеловать*

чью-либо голову. С именем руки возможна в русском также конструкция с у-локализатором, занимающая по своей семантике промежуточное положение между моделями затрагивающего и не затрагивающего действия, ср.: "... это твой посаженный отец, поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит" (Пушкин).

3) Действия типа 'заслонить' / 'открыть', 'осветить' (часть тела по отношению к внешнему миру). например, польск. *Trzymaj, myśliczce, ptaka na dłoni, zakryj mu oczy złotym kapturem*; словц. *Zapchal mu ústa, keď začal volat' o pomoc; Aby mu v nosy osvetl'ovala tvár jedna malá bodka. Zem.*

4) Действия типа 'сжать', 'сдавить', 'схватить' и т. п., например, словц. *Ešte raz stisol majorovi ruku; O'Brien jej chytil ruku, bola horúca*; заметим, что глагол 'схватить' в конструкциях затрагивающего действия из рассматриваемых языков встречается только в словацком; глагол 'взять', еще в меньшей степени затрагивающий Ps, чем глагол 'схватить', может быть употреблен только в конструкциях не затрагивающего действия, ср. польск. *Więźniarka wzięła moja, rękę i zaczęła nakłuiwać kolejny numer.*

5) Действия, которые можно объединить в семантическую группу, обозначенную ключевыми предикатами 'испортить' / 'исправить', например:

'испортить':

a) 'поцарапать': польск. *Gałęzie krzewów twarz mi podrapały;*

b) 'вывихнуть': чеш. *Vymknul soupeři při zápase palec;*

c) 'перерезать': польск. *Widziałem, jak jeden ręka flaszkę odbijał, to mi żyty przecięło;*

d) 'ранить': польск. *Dostał kulę, która zraniła mu nogę;*

e) 'разбить': чеш. *Rozbili nepřátelům hlavu;*

f) 'затянуть': чеш. *zadrhnu mu chřtán provazem;*

g) 'сжечь', 'обжечь', 'подпалить': словц. *Iba vlasy som jej spalil;*

'исправить': чеш. *V nemocnici mi spravili ruku;* словц. *Môj záchrance mi prevetral plúca mocnými dávkami kyslíka.* Существенно отметить, что конструкции с глаголами группы 'исправить' встречаются значительно реже, что объясняется человеческим менталитетом: исправлять творение природы не следует, а нанести ему вред легко; не случайно глаголы типа 'исправлять' в сочетании с именами частей тела часто имеют отрицательный, и даже

угрожающий смысл: чеш. *Ten jim hlavy spraví; Radili mnozí: Dejte jej odvésti, aby vojna mu křívou hlavu narovnála*; в связи с этим интерес представляет польская лексема *orgawca* 'палач', 'мучитель'.

б) Действия, связанные с нарушением отношения посессивности между Ps и R ("лишительные" конструкции):

'изъять': польск. *Przechodzień jakiś o mało mi oka nie wyjął parasolem*; чеш. *vynal mu zub*;

'отрезать': польск. *Mieczem okrutnie przez głowę i twarz go ranił i lewą rękę mu uciął*; чеш. *Turci usekali křešt'anům ruce a nohy*; такие действия, совершаемые по отношению к лицу или животному, обычно расцениваются как затрагивающие Ps, однако в некоторых контекстах посессор рассматривается как неодушевленный, а действие как имеющее значение только для агента, а не для посессора, и в таких случаях может употребляться конструкция незатрагивающего действия, ср. польск. *W lewej ręce miał taką siłę, że jednym zamachem odciął łeb konia*; приведенная конструкция показывает, что говорящего в данном случае совершенно не интересует судьба животного, оставшегося без головы, а существенно для него лишь умение владеть мечом и физическая сила, характеризующие агенса с положительной стороны;

'снять кожу (шкуру)'; такое действие может расцениваться как затрагивающее Ps, ср. польск. *W mięgu mu (wołowi) złupili skórę i - na świerci*; незатронутость Ps действием выражается обычно предложной конструкцией, аналогичной конструкции с именем неодушевленного предмета, ср. польск. *Zdzierali skórę z barana*; словц. *St'ahnite z nieho kožu*; русск. *снять кожуру с апельсина*.

Комплексные r-Str, включающие r-Str (Ps_{dat} R_{acc})

r-Str (R_{nom} Ps_{dat} R_{acc})

Конструкции этого типа описывают действие, совершаемое с участием двух объектов обладания: части тела R, являющейся объектом действия, и некоторой материальной или абстрактной неотчуждаемой субстанции R', являющейся субъектом действия. В таких конструкциях могут участвовать предикаты следующих семантических групп:

1) 'открыть' - 'закрыть' часть тела от внешнего мира. При этом R' может представлять собой:

1а) материальную субстанцию, являющуюся результатом

психологического процесса: польск. *Czoło mu okrył pot; Rumieniec twarz mu osłonił*; чеш. *Ruměnc (bledost) pokryl(a) její tvář*;

1b) душевное состояние Ps: чеш. *Chmúra zastírala jeho čelo*; польск. *Szał mu ciem oczy, myśli i rozum*;

1c) предмет одежды: польск. *Krótkie rękawy zielonkawej, biało cętkowanej sukienki obnażały jej szczupłe muskularne ramiona*.

2) 'Сдавливать', 'распирать'; 'обрамлять'. При этом R' может представлять собой:

2a) душевное состояние Ps: польск. *Gwałtowny spazm strachu zwarł mu szczęki; Przerażenie ścisnęło im gardła; Nawał myśli rozsadzał mu głowę; Nie może stłumić w sobie pytania, które omal że nierozsadza mu piersi*;

2b) предмет одежды Ps: польск. *Mały krepowy kapelusz ze spływającym na ramiona woalem żałobnym ujmował w sposób zakonny jej gładkie, siwe skronie; Szeroki skórzany pas ścisnął mu biodra*.

Приведенные примеры показывают, что действия типа 'открыть'-'закрыть' могут трактоваться языковым менталитетом и как затрагивающие, и как не затрагивающие Ps; действия типа 'обрамлять' – как не затрагивающие Ps; действия типа 'сжимать' (об одежде) рассматриваются как затрагивающие Ps (например, в русском языке) только в том случае, когда такое действие оказывает физическое давление на Ps, ср. *Пояс сжимал ему бедра* 'давил на бедра, создавая для Ps неудобства' / *Пояс сжимал его бедра* 'плотно охватывал, придавая стройность, привлекательность в восприятии внешнего наблюдателя'; действия типа 'сжимать' (об ощущениях), безусловно, затрагивают Ps, и при этом R' представляющий собой психофизиологический процесс, связан с Ps двойной связью: душевное состояние Ps – мышечное напряжение – физическое состояние Ps под действием мышечного напряжения.

r-Str (X_{ном} Ps_{дат} R_{acc} R'_{loc})

Конструкции этого типа описывают действие, направленное на часть тела или предмет одежды R и совершаемое в локусе части тела R' внешним по отношению к Ps агентом X. При этом R может играть роль:

а) Места действия: слвц. *Nikomu sa nesmel skrivit' ani vlasok na hlave* (при этом R является частью R' : R ⊆ R'); *Sňali jsme mrtvému kislíkovú masku, skřížili ruky na prsiach* (R не является частью R' : R] ⊆ R');

б) Исходного пункта действия: чеш. *Z hlavy jim oči vyňaty, ruce i nohy ut'aty* ($R \subseteq R'$); польск. *Gdy pies stanął albo myśliwy upatrzył ptaszke, zrywano sokołowi kapturek z głowy* ($R \ni R'$).

в) Конечного пункта действия: словц. *Videl, ako vietor hádže vlasý žene do tváre*; очевидно, что в конструкциях такой семантики R не может быть частью R' ; поскольку соединение, соприкосновение двух сущностей всегда предполагает их предшествующую этому событию раздельность.

Комплексные модели,

включающие объекты обладания разных посессоров

1) г-Str ($Ps^2_{\text{nom}} Ps^1_{\text{dat}} R^2_{\text{instr}} R^1_{\text{acc}}$)

В таких конструкциях один из посессоров Ps^2 с помощью своей активной части тела R^2 (инструмента) совершает действие, направленное на часть тела R^1 посессора Ps^1 : словц. – *Mič, – zovrela mu pery končekmi prstov*; польск. *Wielki szary wilczur posłusznie rzuca się na Czeszkę, przewraca ją i drze zębami jej uda*; интерес представляет конструкция незатрагивающего действия в последнем примере; по всей вероятности, она отражает специфичность ситуации: немецкая овчарка, по приказу (*posłusznie*) бросающаяся на свою жертву, не видит в ней человека, "с позиции овчарки" это цель, объект, подлежащий растерзанию.

2) г-Str ($Ps^1_{\text{nom}} Ps^2_{\text{dat}} R^1_{\text{acc}} R^2_{\text{loc}}$)

Такие конструкции описывают ситуацию, при которой один из посессоров Ps^1 с помощью своей активной части тела R^1 совершает элементарное действие, направленное на R^1 в локусе части тела R^2 посессора Ps^2 , ср. польск. *Podbiega do niego i kradłe, obnażone ręce zarzucając mu koło szyi, pocałowała go w same usta*; словц. *Akademik vstal, položil mu ruku na plece*.

3) Взаимно-возвратные г-Str [$(Ps^1 Ps^2)_{\text{nom}} (R^1 R^2)_{\text{acc}}$]

Такие конструкции отражают ситуацию, при которой два посессора Ps^1 и Ps^2 совершают идентичные действия, направленные на идентичные части тела друг друга R^2 и R^1 , ср. польск. *Porozdziału na sobie odzienie, tby sobie potargali*.

Выше были описаны конструкции с аккузативной позицией имени объекта обладания, в качестве которого выступает часть тела. Конструкции с именами других неотчуждаемых объектов обладания, а также объектов, неотчуждаемых в некоторой ситуации

(окказиональная неотчуждаемость) во многом сходны с вышеописанными конструкциями с именами частей тела, однако имеют свои особенности.

Так, вышеописанные г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$) элементарного действия (не требующие возвратной клитики) употребляются с предикатами типа 'лишиться', 'утратить' и могут включать любые абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемые имена: *X лишился руки, отца, дома, красоты, работы* и т. п./польск. *X stracił rękę, ojca, dom, wdzięk, pracę* и т. п. Кроме того, к элементарным г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$) следует отнести также конструкции с некоторыми физическими и психическими константами, соответствующие конструкциям с глаголами движения, типа 'устремить взгляд', 'напрячь мозг, силы, память' и конструкции с некоторыми неотчуждаемыми переменными типа 'замедлить движение'.

В г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$) комплексного действия с предикатами типа 'испортить' / (реже) 'исправить' преобладает модель В: 'испортить себе костюм, настроение, свадьбу, путешествие' и т. п. По модели А строятся конструкции с названиями одежды, в которых одежда выступает в роли принадлежащей Ps по функции (предикаты 'снять-надеть', 'повязать-развязать', 'поправить' и т. п.), ср. польск. *zdjąć czapkę, kurtkę, włożyć suknię, uchylić kapelusza, obciągnąć marynarkę*; чеш. *opravovat boty*. Такого рода действия, по справедливому замечанию А. Вежбицкой, расцениваются языковым менталитетом обычно как "рутинные", по своей частотности и обыденности близкие к прямым телесным действиям (в нашей терминологии – к элементарным). Для чешского и словацкого языков и здесь предпочтительна модель В: чеш. *svlékat si kabát, vyhrnout si pohavici, sundat si brýle*; слвц. *dát si dolu kabát* и т. п.

Комплексные г-Str на базе г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}}$) – как правило, аккумулятивно-локативные г-Str ($Ps_{\text{ном}} R_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) – характерны для имен предметов одежды и личного обихода, ср. чеш. *Uložila pudřenku do kabelku*; польск. *Wpuścił marynarkę w spodnie* и т. д.

г-Str ($X_{\text{ном}} Ps_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$) очень широко употребляются в рассматриваемых языках с именами всех типов неотчуждаемых объектов обладания. Такие г-Str обозначают воздействие на R, затрагивающее Ps и совершаемое некоторым агентом, отличным от Ps. При этом наибольшее распространение имеют следующие семантические группы предикатов:

а) 'испортить-исправить': польск. *X poprawił Y-owi pościel, X zepsuł Y-owi życie, weekend*; чеш. *X zkazil Y-ovi štěstí, X pokazil Y-ovi šaty* и т. д.

b) 'отнять–вернуть': польск. *X odjął Y-owi władzę, wdzięk, X przywrócił Y-owi spokój*; чеш. *X vzal Y-ovi svobodu, čas*.

Различие между двумя типами предикатов в том, что предикаты типа 'испортить–исправить' трактуют объект обладания как часть пространства Ps, ср. чеш. *Nekazilo mi to žaludek i spisování*, где и желудок, и писательский труд воспринимаются как часть одного пространства; предикаты 'отнять–вернуть' трактуют объект обладания как окказионально неотчуждаемую собственность, поэтому конструкции с этими предикатами включают более широкий круг объектов обладания (признаки, социальные привилегии, различные отчуждаемые абстрактные сущности); в то же время конструкции с этими глаголами отличаются и от конструкций с глаголами, обозначающими 'приобретение', трактующих объект как отчуждаемую собственность, ср.: 'отнять/дать (взять) власть, время'.

Комплексные г-Str на базе г-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} \text{R}_{\text{acc}}$) – в первую очередь аккузативно-локативные: ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} \text{R}_{\text{acc}} \text{R}'_{\text{loc}}$), ср. чеш. *X vytrhl Y-ovi na koleně látku z kalhot*. Встречаются и более сложные комплексные г-Str, например, ($\text{R}'_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} \text{R}_{\text{acc}} \text{R}'_{\text{loc}}$), т. е. такие, в которых позицию агенса занимает один из объектов обладания: предмет одежды, абстрактная субстанция, принадлежащая Ps и т. п., ср. польск. *Futrzone czary nakrywały im czoła po brwi; Ta myśl spędzała mu sen z powiek*.

Аккузативно-инструментальные г-Str ($\text{Ps}^2_{\text{nom}} \text{Ps}^1_{\text{dat}} \text{R}^2_{\text{instr}} \text{R}^1_{\text{acc}}$), так же, как и аналогичные г-Str с частями тела, возможны только при условии, что один из объектов обладания – инструмент – принадлежит одному посессору, а другой объект обладания – объект действия – другому, ср. словц. *Žena mu bozkom zavrela ústa*.

Описанные выше г-Str с аккузативной позицией имени объекта обладания объединяет то, что все они описывают объекты обладания как неотчуждаемые, вне зависимости от релятивных свойств имен, ср. польск. *X zabił Y-owi córkę / X zabił Y-owi konia*; большинство таких конструкций трактуют объекты обладания как 'часть пространства' Ps и восходят к конструкциям с именами частей тела. В то же время в русском языке существует отличие между лишительными конструкциями с именами частей тела и лишительными конструкциями с остальными объектами обладания: отчуждение части тела выражается в русском, как и в западнославянских языках, дативно-посессивной г-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} \text{R}_{\text{acc}}$), ср. *отрезать кому-либо волосы, отнять кому-либо руку* и т. п., от-

чуждение других объектов обладания, включая неотчуждаемые абстрактные субстанции, выражается конструкцией с у-локализатором, ср. *отнять у кого-либо душу, жизнь, рассудок, а также: отнять у кого-либо портфель, красоту, время и т. п.*

Помимо дативно-посессивных г-Str ($X_{\text{ном}} \text{Ps}_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$), следует назвать еще локативно-посессивные ($X_{\text{ном}} \text{Ps}_{\text{loc}} R_{\text{acc}}$), в которых действие, направленное на объект обладания, расценивается как происходящее в локусе Ps. Сюда следует отнести русские г-Str с у-локализатором, а также некоторые другие маргинальные г-Str, например, такие, которые обозначают снятие верхнего покрова (ср. выше с. 76): польск. *Zdzierali skórę z barana*, или причинение какого-либо вреда верхнему покрову Ps, ср. русск. *X разодрал на Y-е одежду*. Возможен и взаимно-возвратный вариант такой г-Str, ср. польск. *Porozdzierały na sobie odzienie*. Заметим попутно, что в русском, в отличие от западнославянских, взаимно-возвратные действия обозначаются не с помощью возвратной клитики, а с помощью словосочетания *друг друга*, ср. *Они разодрали друг на друге одежду*.

В заключение обзора г-Str с R_{acc} следует отметить, что для не-одушевленного Ps дативно-посессивные г-Str невозможны, поскольку действие, направленное на объект обладания, не может затронуть неодушевленный Ps, ср.: *сломать кому-либо ногу / сломать ножку стола; обрезать кому-либо волосы / обрезать конец проволоки*; русские конструкции с у-локализатором, также возможные для неодушевленных Ps, выражают действие, происходящее в локусе Ps, но не затрагивающее Ps, ср. *обрезать конец у проволоки, отпилить ножку у стола*, но даже и такие пространственные структуры, отражающие отношения посессивности в их динамике, редки и обычно уступают место структурам, отражающим отношения между неодушевленным Ps и его объектом обладания в их статике, ср. *обрезать конец проволоки, отпилить ножку стола*. Конструкции, обозначающие снятие верхнего покрова с Ps, аналогичны таким же конструкциям для одушевленного Ps и также не выражают затронутости Ps действием, ср. русск. *Снять с ребенка пальто / снять кожуцу с апельсина*.

Итак, г-Str с R_{acc} могут выражать действие, совершаемое самим Ps, а также действие, совершаемое внешним по отношению к Ps агентом или объектом обладания. Синтаксически структуры с Ps-агентом могут быть трех типов: г-Str типа А (без возвратной клитики и притяжательного местоимения: *поднять руку, вымыть*

руки), г-Str типа В (содержащие возвратную клитику, указывающую на то, что совершаемое Ps действие, направленное на объект обладания R, затрагивает Ps: *накрасить себе брови и ресницы*) и структуры типа С (с притяжательным местоимением при имени R, указывающем, что действие направлено на объект обладания, принадлежащий самому агенту: *увидеть в зеркале свое лицо*).

Выбор между структурами А, В и С осуществляется в зависимости от типа действия, возможности осуществления его только самим посессором или другим агентом по отношению к нему; модель А выбирается при устойчивой согласованности по рефлексивности между именами Ps и R, в первую очередь для обозначения элементарного (простого телесного) действия, которое может быть осуществлено только самим Ps: *поднять руку, открыть глаза*; при комплексном действии модель А предпочтительна в случае, если это комплексное действие достаточно рутинно, т. е. является привычным для Ps: *вымыть руки, расчесать волосы*; однако такие синтаксические структуры обладают неустойчивой согласованностью по рефлексивности, поскольку глагол обозначает действие, которое в принципе может быть осуществлено не только самим Ps, но и другим лицом по отношению к нему: *вымыть руки ребенку, расчесать волосы клиенту* и т. п. Из рассматриваемых языков чешский в большей степени, чем остальные языки, старается избегать структур, неустойчивых по рефлексивности; ср. *umyt si ruce, namydlit si oblicej*, т. е. в чешском языке большее распространение имеют г-Str типа В. Модель типа С выбирается в том случае, когда выражаемое глаголом действие не затрагивает часть тела, т. е. не производит в нем никаких изменений, что, соответственно, не может оказать обратного воздействия на Ps, ср. *Она увидела в зеркале свое лицо*. Обязательное в этом случае притяжательное местоимение как бы восстанавливает утраченные в динамике посессивные связи.

Выбор между моделями В и С, т. е. между моделями затрагивающего и не затрагивающего действия, происходит и при оформлении г-Str, обозначающих действие, совершаемое другим агентом по отношению к Ps и направленное на его R, ср.: *Он расчесывает ей волосы* (модель В) / *Он видит ее волосы* (модель С).

Конструкции с именами неодушевленных посессоров отличаются, во-первых, тем, что здесь невозможны конструкции с Ps-агентом, и, во-вторых, тем, что для обозначения действия, направленного на объект обладания может использоваться только модель С

(модель не затрагивающего действия), ср. *покрасить волосы девушке / покрасить крышу дома (*дому)*. Таким образом, на примере рассмотренных синтаксических структур с аккузативной позицией имени объекта обладания можно сделать вывод, что динамические посессивные семантико-синтаксические структуры (τ -Str) формируются под влиянием следующих факторов: семантики имени посессора (признак одушевленности/неодушевленности), семантики имени объекта обладания (степень неотчуждаемости объекта обладания по отношению к посессору данного класса) и семантики глагола, выражающего действие, направленное на объект обладания некоторого Ps, а именно, чем в большей степени семантика глагола связывает посессор с его объектом обладания, тем в меньшей степени возникает необходимость в статическом показателе посессивности (притяжательное местоимение, родительный принадлежности), а для структур с посессором-агентом – в динамическом показателе посессивности (возвратная клитика).

II. Семантико-синтаксические структуры с инструментальной позицией имени R

Инструментальные τ -Str характеризуются в первую очередь тем, что посессор может занимать в таких τ -Str только позицию агента, т. е. речь идет об τ -Str ($Ps_{nom} R_{instr}$). Вторая их особенность в том, что в качестве объекта обладания – инструмента в выражаемых этими τ -Str действиях выступают в первую очередь части тела, реже – предметы одежды. В инструментальных τ -Str с именами частей тела в наиболее явном виде предстает характер посессивных отношений между одушевленным Ps и его частью тела – принадлежность по функции. Действия, описываемые τ -Str ($Ps_{nom} R_{acc}$) и ($Ps_{nom} R_{instr}$), различаются по признаку однонаправленности/неоднонаправленности, ср.: *протянуть руку* 'переместить из точки А в точку В' – *махнуть рукой* 'переместить из точки А в точку В и обратно', а также различаются по цели действия: в первом случае целью является перемещение R (*поднять руку* 'сделать так, чтобы рука поднялась'), цель инструментального действия никак не связана с инструментом, который только служит достижению цели: 'рука' – чтобы, например, писать или ударить, 'глаза' – чтобы смотреть и т. п.; В инструментальных конструкциях основную семантическую нагрузку несет глагол, при этом имя части тела, обозна-

чающее орудие, в ряде случаев может быть опущено.

С этой точки зрения целесообразно выделить два типа действий, обозначаемых инструментальными конструкциями.

а) специфические действия, т. е. такие, которые могут быть осуществлены только с помощью данной части тела. Для некоторых частей тела таких специфических действий может быть несколько и в этом случае следует выделить среди специфических действий: а1) первичные действия, являющиеся основной функцией и "предназначением" данной части тела (в частности, органов речи, органов чувств и т. п.); при глаголах, обозначающих такие функции, опущение имени инструмента обязательно, ср. *нюхать *носом, говорить *языком, думать *головой* и т. п.; названия соответствующих частей тела входят в семантику таких глаголов в скрытом виде и материализуются только при наличии атрибута: *думает своей мудрой головой, смотрит удивленными глазами, говорит своим глупым языком* и т. п., а также при несовпадении агенса с посессором: *смотреть его глазами, думать чужой головой* и т. п.; а2) вторичные действия, т. е. не основные для данной части тела, но совершаемые только с помощью данной части тела; при таких глаголах опущение имени части тела факультативно, ср. русск. *моргнуть (глазами), кивнуть (головой), топнуть (ногой), махнуть (рукой)* и т. п.

б) неспецифические действия, т. е. такие, которые могут быть совершены и другим инструментом, в частности, другой частью тела; в конструкциях, обозначающих такие действия, опущение имени инструмента невозможно, ср. *подкинуть мяч ногой (рукой, головой, ракеткой), сверкать глазами (улыбкой, остроумием, бриллиантами)*; не для всех частей тела в языке имеются все три типа предикатов, что объясняется спецификой функционирования, в частности, степенью двигательной активности данной части тела. Поэтому целесообразно рассмотреть инструментальные конструкции для каждой части тела в отдельности.

Рука: Человеческая рука с момента появления человека является первым и главным орудием трудовой деятельности, поэтому первичным специфическим предикатом может считаться любой предикат, обозначающий действие, совершаемое человеком вручную (в частности, с использованием ручных инструментов). Если для остальных частей тела языковой менталитет, диктующий структуру инструментальной конструкции, носит, по-видимому, универсальный, вневременной характер, то инструмен-

тальные конструкции с именем руки структурируются под влиянием социальных и временных факторов, связанных с распределением машинного и ручного труда в данном обществе и в данную эпоху; это способствует постепенному переходу многих предикатов, обозначающих трудовую деятельность, из первичных во вторичные, ср.: 'стирать' (сейчас можно сказать *стирать руками*, т. е. не в стиральной машине), и т. п. Кроме глаголов, обозначающих трудовую деятельность, к первичным предикатам следует отнести такие, которые обозначают действия, не связанные с трудовой деятельностью, но являющиеся первичными, характерными для руки, например, 'держат', 'хватать', 'касаться', а также ряд других, для которых рука по-прежнему является уникальным инструментом; с предикатами, обозначающими такие действия, имя руки может быть названо только в сочетании с атрибутом: словц. *Mok rúmi rukami sa dotkol spánkov*; польск. *chwyciła drzącymi rękami garnuszek*. Среди вторичных специфических предикатов следует назвать такие как 'махать (рукой)', 'шарить', 'колупать' и т. п.: польск. *Kiwał nam przyjaźnie ręką*; чеш. *Dlouhá se prstem v půdě kolem nějakých sazeniček*. Неспецифические предикаты, употребляемые с именем руки очень разнообразны, например: 'показывать (рукой)', 'достать (рукой)', 'шевелнуть', 'двинуть' рукой, 'барабанить рукой (пальцами)' и т. п.: чеш. *Standa se nemůže dostat tou levičkou do rukávu*; *Hans ukázal rukou, podržte mi tu tyč*; словц. *Prstami bubnoval do taktu na okenici*.

Нога (ноги): Специфические предикаты с именем ноги (ног): 'ходить', 'шагать': словц. *Prekračovala dlhými nohami trosky*; следует заметить, что для специфического действия 'стоять' ноги воспринимаются не как инструмент, а как опора (ср. *стоять на ногах* – при невозможности **стоять ногами*). К неспецифическим предикатам можно отнести такие как 'шевелнуть', 'толкнуть', 'ударить' и т. д.

Плечо. Спина: Специфические предикаты отсутствуют. Среди неспецифических предикатов для плеча следует выделить фразеологически связанные: 'пожимать', 'передернуть' и т. д.: словц. *Žena mykla plec*; остальные предикаты достаточно разнообразны, например, 'шевелнуть', 'двинуть', 'подпереть', 'почувствовать', 'толкнуть' и т. д.: чеш. *Zvedáme svými zády tu zemskou kůru*. Кроме того, спина и лицо олицетворяют переднюю и заднюю стороны человеческого тела (или тела животного), с помощью которых тело может быть ориентировано в пространстве: словц. *Sedel*

chrbtom k vatre; Padol čelom obrateny k Nove; чеш. Holka stála zády k nám; Lehá tváří na holou podlahu (ср. также использование в этой же функции головы и ног – для ориентирования горизонтально расположенного тела в пространстве: русск. лежать головой / ногами к окну).

Голова: Первичный специфический предикат с именем головы – 'думать', который сочетается с соответствующим именем только при особых условиях (см. выше), например, слвц. *Skúsme rozmýšľat' jeho hlavou*. Вторичный специфический предикат – 'кивать', ср. слвц. *Carlini prikývol*. Следует заметить, что если первичный специфический предикат имеет идентичную семантическую структуру (т. е. включает в себя название соответствующей части тела) во всех славянских языках, ср. болг. *мисля *с глава*, польск. *myśleć *głowa*, то вторичные специфические предикаты не обладают такой универсальностью. Так, в русском глагол кивнуть / кивать включает в себя понятие головы и означает соответствующее движение, выражающее согласие; такому значению частично соответствуют чешский и словацкий приставочные глаголы *pfikýv-pout, prikývnut'*, сербские глаголы *màhati, klìmnuti*; эти глаголы могут быть употреблены как с соответствующим именем, так и без него: чеш. *pfikývnout (hlavou)*, сербск. *màhati / klìmnuti (glàvòm)*. Однако, например, польск. *kiwać / kiwnąć*, чеш. *kývat / kývnout*, слвц. *kývat' / kývnut'* не включают в свою семантику имя инструмента, ср. чеш. *Kývá kabeľkou v ruce; kývá pohama, kývl rukou*; польск. *kiwa nogami, kiwa laseczka*; из приведенных примеров видно, что глаголы, родственные в данных языках русскому кивать, не являются специфическими и означают только разнонаправленное перемещение в пространстве некоторой части тела или другого предмета внешнего мира; и само "кивание" головой не всегда соответствует в этих языках выражению согласия: чеш. *Osel kývá pfi chůzi hlavou*; слвц. *Inžinier len neurčito kýval hlavou*; значение согласия должно быть в этих языках подкреплено эксплицитно: польск. *Słuchać uwaznie i potakujaco gło wa kiwa!*; чеш. *Kývá na souhlas*. Из неспецифических глаголов с именем головы можно назвать такие как русск. махать, трясти, крутить головой, указывать головой и т. п., а также фразеологические сочетания типа русск. качать головой, ср. также слвц. *Potriasla hlavou a odchadzala*.

Глаза: Первичные специфические предикаты – 'смотреть', 'видеть', их употребление с R_{instr} возможно только при наличии атрибута или другого детерминатива: польск. *Spoglądał wokoło*

ocami jakby powlaczonymi mgłą; слвц. *Velitel'ka naň pozriela olivovúti očami*; русск. *Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*; последний пример интересен тем, что в выделенном сочетании наглядно представлено наложение трех пластов высказывания: сигнификативного, денотативного и коммуникативного [Николаева. 1986, 104]:
 сигнификативный пласт: *Старичок поглядывал на меня с любопытством*;
 денотативный пласт: *Старичок одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*;
 коммуникативный пласт: *Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*; в первом предложении семантика глагола *поглядывал* включает в себя инструмент, соответствующий сигнификату (концепту), в частности, в количественном отношении. То же и в третьем примере, где местоимение *свой*, являясь избыточным в своей основной функции (указание на наличие посессивных отношений), выполняет чисто коммуникативную функцию, отсылая сообщение о признаке к предшествующему тексту ("*... кривой старичок в офицерском мундире...*").

Зубы: Первичные специфические предикаты – 'грызть', 'кусать', 'жевать'; номинация инструмента может появиться при наличии атрибута или в экспрессивных высказываниях, а также в случае отступления описываемой ситуации от соответствующей СМС (например, при необычном объекте действия, как в слвц. *Posledné rozbušky si hryzla zubami, keď ich chcela pripevniť k šnúru*).

Инструментальные г-Str с именами частей тела также обладают согласованностью по рефлексивности, в отличие от конструкций с именами рукотворных инструментов, ср. *писать рукой (своей) / писать авторучкой (своей, чужой, какой-то)*; несогласованные по рефлексивности инструментальные конструкции всегда метафоричны, например, слвц. *Skúsme rozmýšlat' jeho hlavou* 'попробуем поставить себя на его место', русск. *чужими руками жар загребать*, польск. *wyciągać kasztany z ognia cudzymi rękami* 'использовать результаты чужих усилий'.

III. Семантико-синтаксические структуры с адвербиальной позицией имени R

Адвербиальные г-Str ($Ps_{\text{nom}} R_{\text{adv}}$) содержат имя R в творительном падеже с предлогом 'с' и служат для указания на некоторый

(чаще временный) признак R в момент совершения посессором действия. Обычно этот временный признак представляет собой результат движения и/или некоторого процесса, происходящего в R и являющегося отражением душевного (реже – физического) состояния Ps, ср. русск. *Он стоял с вытянутыми руками* (признак R – результат прямого телесного действия) / *Он стоял с опущенной головой* (признак R – результат прямого телесного действия как следствия эмоционального состояния Ps) / *Он стоял с пересохшим горлом* (признак R – результат процесса, произошедшего в R под действием эмоционального или физического состояния Ps). В таких г-Stг возможны четыре типа предикатов:

1) Глаголы речи (при этом обычно сообщается о признаке лица или глаз): слвц. *Bôl to zbabelec, – povedala s červenou tvárou.*

2) Глаголы движения (полнозначные): польск. *Wracam do domu z gołą głową;* слвц. *Chví'u stál so sklonenou hlavou, premýšľal.*

3) Глагол движения (служебный): 'ходить'; этот глагол в адвербиальных г-Stг часто играет роль связки, и тогда вся конструкция используется лишь для сообщения о признаке R, характеризующем эмоциональное состояние Ps; в роли характеризуемой части тела выступает обычно голова, положение которой является отражением (а также символом) эмоционального состояния Ps, ср. русск. *Ходит с поднятой головой / Ходит с опущенной головой;* ср. также чеш. *Vzali mu tam nějak típec, chodí s hlavou svěšenou.*

Сопоставление западнославянских и русских адвербиальных г-Stг позволяет сделать вывод о том, что русский язык обнаруживает тенденцию к "свертыванию" по мере возможности конструкции "с + твор." в деепричастия и прилагательные (в конструкциях типа 1), 2)), ср.: слвц. *povedala s červenou tvárou* / русск. *сказала, покраснев;* слвц. *oznámil s pobledlou tvárou* / русск. *сообщил, побледнев;* слвц. *stál so sklonenou hlavou* / русск. *стоял, склонив голову;* польск. *wracam z gołą, głową* / русск. *возвращаюсь бритый наголо.* Такого свертывания не происходит при служебном глаголе, поскольку деепричастие может сопутствовать только полнозначному глаголу, выражая дополнительное действие, ср.:

Словацкий язык

Ide so sklonenou hlavou

Chodí so sklonenou hlavou

Русский язык

Идет, опустив голову

Ходит с опущенной головой

Лексемы типа *покраснеть, побледнеть, бритый* и т. п. представляют интерес в том аспекте, что они относятся к классу слов,

включающих в свою семантику и соответствующую часть тела (ср. прилагательные типа *хромой, косой, слепой, глухой, лохматый, лысый, голый, босой; гнедой, каурый*, существительные типа *блондин, брюнет, шатен*; глаголы типа *хромать, косить, сидеть*, а также глаголы типа *смотреть, слышать, думать* и т. п., рассмотренные в предыдущей главе).

4) Глагол 'иметь' (соответствующий русской конструкции с у-локализатором) в сочетании с конструкцией "с + твор." обозначает некоторое состояние R, имеющее отношение также и к Ps, например, русск. *У него плохо с глазами (сердцем)*; чеш. "... *jak to máš s tou rukou?*"

Общим свойством r-Str ($Ps_{nom} R_{adv}$), ($Ps_{nom} R_{instr}$), а также r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$), обозначающих элементарное (простое телесное) действие, является то, что агенсом таких r-Str может быть только сам Ps, поскольку только сам Ps может выполнять указанные действия, так или иначе связанные с его частью тела.

r-Str ($Ps_{nom} R_{adv}$) может служить ядром комплексной r-Str ($Ps_{nom} R_{adv} R_{loc}$), представляющей собой комбинацию адвербиальной и локативной r-Str, ср. польск. *Leżeli w zamierającej trawie, z rękami pod głową, z podciągniętymi kolanami; Z założonymi na piersiach rękami stał w kącie jak skamieniały*; чеш. *Chodí s rukama v kapsách*. Такие r-Str отражают ситуацию, при которой Ps совершает некоторое действие, во время которого его часть тела R находится в локусе его части тела или предмета одежды R:

IV. Семантико-синтаксические структуры с номинативной позицией имени R

Номинативные r-Str подразделяются на три типа в зависимости от того, в какой степени действие или событие, происходящее с частью тела или другим объектом обладания, затрагивает Ps. С этой точки зрения можно выделить следующие типы предикатов:

а) Предикаты, обозначающие действия, не затрагивающие Ps и тем самым не образующие r-Str, например, глаголы бытия, ср. слов. *Velitel'ove oči ostali prisne*, а также глаголы, обозначающие действия, направленные "вовне", во внешний мир, например, польск. *Twarze tych dziewcząt zdradzały jakąś mieszaninę dziecińności i niegodziwości*; следует заметить, что затронутость-незатронутость по-разному расценивается менталитетом разных

языков, поэтому набор таких предикатов для каждого языка различен [ср. Вежбицка 1979].

б) предикаты, обозначающие действия, которые в пределах данного языкового менталитета могут расцениваться и как затрагивающие, и как не затрагивающие Ps, ср. чеш. *její oči zářily / oči jí zářily* (в первом случае действие рассматривается как направленное наружу – свет глаз в восприятии внешнего наблюдателя, во втором случае действие расценивается как связанное с внутренним состоянием Ps).

с) предикаты, обозначающие действия, которые не могут не затронуть Ps или не могут не воздействовать на него.

В зависимости от синтаксической позиции Ps можно выделить три семантико-синтаксических типа *r-Str* с R_{nom} : локативно-посессивные, дативно-посессивные и аккузативно-посессивные.

Локативно-посессивные *r-Str* (R_{nom} Ps_{loc}) (с у-локализатором) характерны в основном для русского языка; они обозначают действие, совершаемое R и происходящее в локусе (пространстве) Ps, ср. русск. *У него сияют глаза, колотится сердце, дрожат руки, болит нога* и т. п.

Дативно-посессивные *r-Str* (R_{nom} Ps_{dat}) характерны для всех трех рассматриваемых западнославянских языков; они обозначают действие, совершаемое R и затрагивающее Ps, и образуются с помощью предикатов следующих семантических групп:

1) Предикаты, выражающие некоторое событие, произошедшее с R под влиянием внешних причин и затрагивающее Ps (негативное для Ps), ср. чеш. *Rovný hnát se mi zlomil*; польск. *Miał rękę złamałą i kóść mu się źle zrosła*. Важно отметить, что такое языковое осмысление ситуации возможно только для внутренних органов и внутренних участков тела. Внешние части тела не могут выступать в роли агенса отрицательных событий, являющихся обычно следствием действия внешних по отношению к R агентов: самого Ps или агенса, внешнего по отношению к Ps, ср.: *złamał się mi ząb*, но: **noga mi się złamała* (ср.: *złamałem sobie nogę, X zranił nogę Y-owi*).

r-Str, выражающие событие, положительное по отношению к Ps (ср. чеш. *Zlomená kost mu dobře srostla*) еще более малочисленны и также ограничены названиями внутренних органов.

2) Предикаты, обозначающие изменения в R под влиянием внутреннего состояния Ps, ср., например, слов. *Nohy sa tu*

podlamovali od vzrušenia. Ruky sa mu chveli; чеш. *Standovi se nějak točí hlava*; *Standovi tluče srdce*; польск. *Oczy mu zamigotały surowością*.

3) Предикаты, обозначающие некоторое постоянное действие или состояние R, являющееся по сути признаком и отражающее некоторую черту характера Ps, ср., например, словц. *Živé oči tu behali po všetkých kútoch* (→ 'Ps любопытен'); *Oči, hlboko položené, tu svietili krotkou modrou farbou* (→ 'Ps добр'). Таким же способом может характеризоваться и внешность Ps: словц. *Vlnisté zlatisté vlasy sa mu leskli v slnečnom lúči*. Как видно из примеров, наличие атрибута при имени R не мешает построению г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{дат}}$) в западнославянских языках; существенно, что в русском языке построение соответствующих г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{loc}}$) невозможно при наличии атрибута при имени R, ср.:

Словацкий язык	Русский язык
<i>Vlasy sa mu leskli slnečnom lúči</i>	<i>Волосы у него (его волосы) сверкали на солнце</i>
<i>Vlnisté vlasy sa mu leskli v slnečnom lúči</i>	<i>Его волнистые волосы (*волнистые волосы у него) сверкали на солнце</i>

По справедливому замечанию А. Вежбицкой, г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{дат}}$) возможны только в том случае, когда признак R трактуется как процесс ("усиление признака"), ср. словц. *Je stále chudší a vlasy tu šediveju*; *oči tu ešte väčšmi zbystreli*; польск. *Głowa tu ciężała*; *Włosy znacznie tu się przerzedziły*; *Włosy jej odrosły* – при невозможности конструкций типа: **vlasy tu sú sčdivé*; **oči tu sú bystré*. В русской г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{loc}}$) не наблюдается таких ограничений: *Волосы у него поседели (поредели)* / *Волосы у него седые (редкие)*.

Возможно построение и взаимно-возвратных г-Str типа ($R^1 R^2$)_{ном} ($Ps^2 Ps^1$)_{дат}, описывающих взаимно-возвратные действия, совершаемые идентичными частями тела R^1 и R^2 , принадлежащими посессорам Ps^1 и Ps^2 , и затрагивающие обоих посессоров, ср. словц. *Oci sa im stretli*; существенно, что в русском языке невозможна соответствующая г-Str с у-локализатором, ср. русск. *Их глаза встретились* (*Глаза у них встретились).

г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{дат}}$) могут образовывать комплексные г-Str, например, в сочетании с г-Str (R_{acc}) (см. выше), а также в сочетании с г-Str (R_{loc}) (см. ниже, в обзоре локативных г-Str).

В отличие от г-Str с инструментальной и адвербиальной пози-

цией имени R, г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{dat}}$) широко употребляются не только с именами частей тела, но и с рядом семантических групп имен других абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемых объектов обладания, как, например, с именами предметов одежды, ср. чеш. *kalhoty tu kloužou dolů*; польск. *spadł mi kapelusz; przedko tu się draż skarpetki*; с именами родства, ср. польск. *ojciec tu zmarł*; с неотчуждаемыми абстрактными константами, ср. польск. *dusza tu siedzi w piętach*; при этом каждой семантической группе имен объектов обладания соответствует определенный набор семантических групп предикатов, например, в польском возможна фраза *syn im zmarł*, но невозможно сказать: **syn im uczy się w gimnazjum*, т. е. предикат должен обозначать действие или событие, в достаточно сильной степени затрагивающее Ps. Русская г-Str с у-локализатором, обозначающая действие, происходящее "в пространстве" Ps (т. е. такое, которое может не затрагивать Ps или может затрагивать его в любой степени) не предъявляет таких жестких требований к семантике предиката, так же как и к семантике объекта обладания, ср. *У нее дочь учится в гимназии, У нее соседи вчера на дачу уехали* и т. п.

Поскольку г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{dat}}$) всегда выражают затронутость посессора действием, то с именами неодушевленных посессоров такие г-Str не употребляются; при этом русские г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{loc}}$) могут употребляться и с именами неодушевленных посессоров, ср. *У Пети выпал зуб / У стола отвалилась ножка*.

Аккузативно-посессивные г-Str ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{acc}}$) отражают ситуацию, в которой агенсом является объект обладания, а посессор является объектом действия. В г-Str с именами частей тела предикат может обозначать различные отрицательные для Ps физические ощущения, расцениваемые менталитетом западнославянских языков как действия, "направленные" на Ps, ср. словц. *Ruku ho nesmierne boleli*; польск. *Lonie, od tego czasu zaczęła boleć głowa*; чеш. *Bolí mě noha*; кроме глагола 'болеть', в такие г-Str могут входить глаголы типа 'чесаться', 'свербеть', 'зудеть' и т. п., ср. например, чеш. *svědí mě oko; kůže ho svrbí, celé tělo ho svrbělo*; польск. *Palce i nogi dokuczliwie mnie swędziały*. Действия, описываемые структурами ($R_{\text{ном}} Ps_{\text{acc}}$), русский языковой менталитет трактует как действия и процессы, протекающие в пространстве Ps, ср. *у меня болит голова, зудит плечо* и т. п. Аккузативно-посессивные г-Str могут употребляться не только с именами частей тела, но они достаточно употребительны с именами абстракт-

ных констант, ср. польск. *boli go dusza*, а также во фразеологизмах возможно употребление таких г-Str и с именами других неотчуждаемых объектов обладания, ср. чеш. *palí ho kapsa* (в значении 'деньги у него долго не держатся').

Помимо русских г-Str с у-локализатором, в рассматриваемых языках существуют еще некоторые маргинальные структуры с локативной позицией имени Ps, ср. польск. *Nogi ugięły się pode mną; Zachwiaś się, kolana ugięły się pod nim*. Подобные конструкции находятся на периферии плана выражения категории посесивности, однако они представляют интерес в том отношении, что представляют Ps и R как семантически неотчуждаемые, но пространственно независимые друг от друга сущности (ср. приводимые ниже конструкции типа 'стоять на ногах' и т. п., а также некоторые другие конструкции, периферийные с точки зрения плана выражения, но существенные в плане пространственного осознания целого и его части, характерного, по-видимому, для менталитета древних социумов, для которых "относительно и само понятие границы тела" [Топоров, 1986, 159], что позволяло структурировать тело как пространство, противопоставляя часть – целому, ср. чеш. *vložit na sebe ruku*).

V. Семантико-синтаксические структуры с локативной позицией имени R

г-Str (R_{loc}) отличаются наибольшим разнообразием своих синтаксических и семантических свойств. Среди них следует различать в первую очередь конструкции элементарного действия, т. е. такого, которое может быть осуществлено только самим Ps, и комплексного, т. е. такого, которое может быть осуществлено как самим Ps, так и другим агенсом по отношению к нему.

I. г-Str ($Ps_{nom} R_{loc}$) элементарного действия.

При элементарном действии R может играть роль места действия, исходного и конечного пункта действия.

I.1. г-Str ($Ps_{nom} R_{loc}$), в которых R играет роль места действия, производимого Ps. В таких г-Str могут участвовать следующие предикаты:

1) 'Иметь': г-Str с глаголом 'иметь' различаются по характеру той субстанции, которая "помещается" в R или расположена вне его, ср. польск. *Masz oto w głowie porządek myśli*, где в части тела R помещается некоторая отчуждаемая нематериальная сущность/

польск. *Nad głowa, masz sklepienie z pokrzyżowanych pni, gałęzi, korzeni*, где вблизи части тела расположен некоторый внешний по отношению к Ps предмет; в конструкциях с именами некоторых частей тела глагол 'иметь' изофункционален глаголу 'держатъ', ср. чеш. *Ten chlapec má v rucičce dopis*.

2) 'Держать' ('нести'): слвц. *V ruke držel zvädnutú kyticu; польск. Srebrzyste dzbanu na głowach niosą trzy ciemne boginie*.

3) 'Чувствовать' ('ощущать'): слвц. *V nohe som zacítil palčívú bolesť*.

4) 'Измениться': чеш. *patovnat se v kříži*; польск. *zarumienił się na całej twarzy, mienił się na twarzy*; изменение может затронуть поверхность тела Ps вплоть до локуса R: польск. *zaczernienił się po uszy, obnażył się do pasa*; чеш. *zapálil se až po ušy*.

5) 'Опереться'. В качестве опоры могут служить следующие части тела:

а) ноги; в этом случае используются предикаты 'быть', а также 'двигаться', 'стоять', 'стать', 'встать', 'вскочить': польск. *Nazajutrz o dziewiątej rano miał już być na nogach*; слвц. *vtedy už stála zase na nohách*; такого рода глаголы относятся к разряду первичных специфических предикатов, поэтому обычно они употребляются с именем R только с атрибутом: польск. *Ktoś zadzwonił, wskoczyła na równe nogi*; чеш. *hned se potáčí na slabých nohou*; такие г-Str употребляются и с именами неодушевленных посессоров, ср. польск. *Na srebrnej nodze stała taca*; русск. *Едет коляска на красных колесах*;

б) колени; предикаты: 'стать', 'упасть' (на колени): слвц. *padol na kolená*; заметим, что во многих славянских языках существуют глаголы, включающие в свою семантику имя соответствующей части тела: польск. *klezczeć, kleknać*, чеш. *klekat* слвц. *kl'akat'*; такие глаголы могут употребляться с именем соответствующей части тела только при наличии какого-либо детерминатива (например, количественного): польск. *Pan Andrzej przykleknął na jedno kolano*; в качестве опоры в таких конструкциях могут быть использованы и другие части тела, ср. слвц. *Poručík sa oprel o lakte a sklonil tvár do dlaní; A parkety sú šmyklavé, každú chvíľu môže človek padnúť na nos*.

1.2. г-Str (Ps_{nom} R_{loc}), в которых R играет роль конечного пункта действия, производимого Ps; в таких г-Str используются предикаты: 'взять' (в руки): польск. *Wziął do ręki podłużną białą kartkę*, а также глаголы типа 'получить' (в переносном значении, когда на

самом деле исполнителем действия, негативного для Ps, является другое лицо): чеш. *dostal kulku do nohy; dostal po nose, přes hubu*; польск. *Nigdy jeszcze tak brzydko nie wziąłem po pysku*; Nie zczynaj ze mną, bo dostaniesz w skórę.

1.3. r-Str ($Ps_{nom} R_{loc}$), в которых R играет роль исходного пункта действия, производимого Ps. Такими r-Str описываются действия: 'выпустить (из рук)': чеш. *"Přet chalup nepustím z ruky"* – říká komisář; 'смотреть', 'говорить' (имя части тела обозначает источник и/или преграду): чеш. *Adam zahučel na púl huby Zdař bůh*; польск. *Jeszcze się raz przez ramię obejrzał na pasażerke*; слыш. *Pozrela spod mihalnic na Te Wonga; Cez zaslené oči videl, že sa mu podarilo pretrhnúť horiaci kábel*; чеш. *...na něho Adam podíval z těch zapadlých očí*. Кроме того, предикат таких r-Str может обозначать выход самого Ps из R, снятие верхнего покрова – у животных и, в переносном смысле, – у людей, ср. чеш. *Had se svlékl (z kůže)* 'змея вылезла (букв. 'разделась') из кожи'; польск. *Wipło ze skóry wychodził, aby gycerzom dogodzić*. Заметим, что такая "анимализация" в описании человеческих поступков всегда имеет целью подчеркнуть экстремальность ситуации и неестественность подобных действий для человека (ср. также выражения типа 'влиять хвостом', 'ползать на брюхе', 'вынюхивать', т. е. действовать подобно собаке, 'шипеть', 'извиваться', т. е. действовать подобно змее и т. п.); r-Str, обозначающие "выход" Ps из R, могут употребляться и с именами неодушевленных Ps, ср. польск. *Rzeka wystąpiła ze swych brzegów*.

II. Локативные r-Str комплексного действия.

Такие r-Str обозначают действие, которое может быть выполнено как самим Ps, так и другим агенсом по отношению к нему; поэтому они должны содержать или возвратную клитику (при Ps-агенсе) или имя Ps (при X-агенсе) в дативе или в аккумулятиве в зависимости от характера затронутости Ps действием, совершаемым в локусе его R. В связи с этим локативные r-Str комплексного действия следует разделить в первую очередь на дативно-посессивные и аккумулятивно-посессивные.

II.1. Локативные дативно-посессивные r-Str ($Ps_{dat} R_{loc}$), т. е. r-Str типа ($Ps_{nom} Pron_{dat}^{rel} R_{loc}$) или типа ($X_{nom} Ps_{dat} R_{loc}$), где $Pron_{dat}^{rel}$ – возвратное местоимение в дативе.

Поскольку r-Str с агенсом, внешним по отношению к Ps, отличаются большим разнообразием, то описание локативных дативно-посессивных r-Str целесообразно произвести именно на базе r-Str с

X-агентом. Действия внешнего агента, затрагивающие Ps в локусе R, могут быть двух типов: α) 'X совершает некоторое действие в локусе части тела R посессора Ps' и β) 'X воздействует на другой предмет внешнего мира Y в локусе части тела R посессора Ps', т. е. во втором случае речь идет о более сложной г-Str ($X_{\text{ном}} Ps_{\text{дат}} R_{\text{loc}} Y_{\text{acc}}$).

II.1.1. г-Str ($Ps_{\text{дат}} R_{\text{loc}}$) в которых R играет роль места действия. В формировании таких г-Str могут участвовать глаголы следующих семантических групп:

1) 'Находиться', 'происходить' в локусе R: словц. *Hrá sa na niekoho iného a smejú sa mu za chrbtom / Za chrbtom mu stál predseda akademie*. Приведенные примеры показывают, что в локативных дативно-посессивных структурах степень затронутости Ps действием может быть различной в зависимости от того, относится ли Dat_{poss} в первую очередь к локусу части тела R (2-й пример) или ко всему событию в целом (1-й пример); в первом примере ситуация должна, очевидно, в сильной степени затрагивать Ps ('над ним смеются'), во втором случае степень затронутости Ps не столь очевидна, во всяком случае из данного изолированного высказывания (т. е. то, что за спиной Ps стоял президент академии, могло в принципе вообще не затрагивать Ps или затрагивать в очень слабой степени; сильная затронутость Ps этим событием могла бы выясниться только из широкого контекста); ср. также чеш. *Nad hlavou mu visí Damoklův meč* (непосредственная затронутость Ps событием) / словц. *Nad hlavou mu trbietali hviezdy* (событие может косвенно затронуть Ps). Все приведенные выше примеры относились к типу α ('X совершает действие в локусе части тела R посессора Ps'). Примеры конструкций типа β ('X воздействует на предмет внешнего мира Y в локусе части тела R посессора Ps'): польск. *Drzwi salonu zamknięto mi przed nosem; Otworzymy tu przed nosem sklep konkurencyjny*.

2) 'Поместить(ся)' в локусе R. Здесь также возможны оба типа моделей, ср. польск. *Pozwól mi usiąść ci na grzbiecie* (модель α) / *Fryzjer zawiązał Wokulskiemu ręcznik na szyi* (модель β).

3) 'Совершить' нечто в локусе части тела R посессора Ps, затронув тем самым и Ps, и его часть тела: польск. *Zawróciłeś jej zupełnie w głowie* (модель α) / *Pierwszy bym palkę strzasnął na twojej głowie (ci na głowie), gdybynie dziełek pacierze* (модель β).

4) Безличное действие (событие), происходящее внутри части тела R и физически ощущаемое Ps: польск. *Okrutnie mi w głowie szumiąco; Zawilowskiemu zaćmiło w oczach*; чеш. *Trnka vstal, napravil*

si kříž, v němž tu pětkrát ruplo (ср. ниже безличные локативные аккумулятивно-посессивные г-Str, описывающие физическое состояние Ps).

II.1.2. г-Str (Ps_{dat} R_{loc}), в которых R играет роль конечного пункта действия. В формировании таких г-Str могут участвовать следующие группы предикатов:

1) 'Приблизиться', 'переместиться' в локус R (модель α): польск. *Zosi te Brzezinki na mózg się rzuciły*; чеш. *Tahle sychravina leze člověku až do kostí*; *Do očí jí uhodily kostkované šaty*. Такие конструкции описывают обычно проникновение внутрь R некоторой материальной или абстрактной субстанции, совершающееся независимо от Ps, ср. также польск. *Matematyka szczególnie łatwo wchodziła jej do głowy*. Глубинным субъектом таких конструкций является сам человек, который воспринимает окружающий мир, чувствует сырость, увлекается математикой и т. п. Конструкции с глубинным субъектом – внешним агентом – редки и обозначают обычно ритуальные действия, ср. польск. *Padł do nog matce, prosil: "błogostaw mi w drogę!"*; ср. также русск. *подойти к руке* (действие расценивается как "не затрагивающее" Ps: *Анна Андреевна! (подходит к ручке Анны Андреевны). Марья Антоновна! (подходит к ее ручке).*

2) 'Переместить' нечто в локус R (модель β): польск. *Pod głowę położyli mu wołok*; *Sługa sądowy klucz Kamalii do rąk oddał*; *Papierosa co prawda nie wetknął mu w usta, ale wcisnął w dłoń*. Такого рода действия могут быть совершены не только внешним по отношению к Ps агентом, но и самим Ps по отношению к себе: чеш. *Přehodil si přes rameno kabelu s nářadím*; слвц. *Vložil ju <fotografiu> nad srdcom do leteckej blúzy*; польск. *Gdy nibś herbatę do ust, przysto cienkie uszko*.

3) 'Посмотреть': (а) **в глаза, в лицо**: слвц. *Pozeral sa tu dlho do očí*; польск. *Ale ja rozmawiając nigdy nie patrzę koleżankom i kolegom w twarz*. Такие действия могут быть выражены также конструкциями незатрагивающего действия: польск. *Jeszcze raz spojrzętem w jego oczy*; слвц. *Pozriel sa do jej očí* (поскольку взгляд не всегда мыслится затрагивающим Ps); особенно часты такие конструкции при наличии атрибута: слвц. *Skupinka jeho podriadených skúmavo sa dívala do tváre budúceho veliteľa*; (б) **на какую-либо другую часть тела**: если взгляд в лицо, и особенно в глаза (обладающий как бы "проникающей" способностью) часто предполагает ответное дейст-

вие со стороны Ps, и уж во всяком случае не остается им не замеченным (поэтому в большинстве случаев такие действия мыслятся как затрагивающие Ps), то взгляд на любую другую часть тела чаще мыслится как не затрагивающий Ps – ср. в этой связи различие в функции предлогов: 'в' – внутрь, в глубину, 'на' – на поверхность: польск. *Spojrzał na jej ręce* (но возможно и *Spojrzał jej na ręce*); словц. *Kresák hovoril málo, len sa díval na Baldvinovu ruku* [ср. в этой связи семантику глаголов, обозначающих действия типа 'смотреть' и 'видеть', первое из которых может мыслиться и как затрагивающее, и как не затрагивающее Ps, а второе – только как не затрагивающее Ps: *patrzył ci na nogi* / **widział ci nogi*].

4) 'Говорить' (на ухо кому-либо): словц. *Pod'me do sály, už tancujú, – rožperkala tu do ucha*; здесь конструкция незатрагивающего действия просто невозможна, ср. **rožperkala do jeho ucha*.

г-Str, в которых R играет роль конечного пункта действия, легко могут преобразовываться во взаимные дативно-посессивные г-Str, выражающих взаимные действия двух посессоров, и в данном случае взаимность в русском языке будет выражена не возвратным местоимением, а сочетанием *друг другу*, ср.: *Парни посмотрели друг другу в глаза; Они долго смотрели друг на друга, а потом бросились друг другу в объятия*. Интересен приводимый ниже пример из польского языка, в котором требование очной ставки свидетелей трактуется языком как каузирование определенного взаимного действия двух посессоров по отношению друг к другу: польск. *Jeżeli między zeznaniami świadków zajdą sprzeczności, można zarządzić stawienie ich sobie do oczu* / русск. *Если между показаниями свидетелей обнаружатся противоречия, можно организовать очную ставку*.

II.1.3. г-Str (Ps_{dat} R_{loc}), в которых R играет роль исходного пункта действия: в такие г-Str могут входить глаголы следующих семантических групп:

1) 'удалить' нечто "изнутри" R: польск. *Wyrywają tu z rąk książkę; Dobrze, że chociaż i tyle mi się udało wydrzeć ci z gardła* (модель β); такого рода действие может выполнять и сам посессор по отношению к себе, ср. русск. *Х вынул занозу себе (у себя) из пальца*;

2) 'удалиться' изнутри R: чеш. *Vnuk se jí pořád vytrhoval z ruku* (модель α);

3) 'удалить' нечто с поверхности R: словц. *Z tváre tu zotrieli stopy umelej krvi* (модель β);

4) 'удалить(ся)' из внешнего пространства вблизи R: польск. *Sprzątali mu sprzed nosa śniadanie* (модель β); *Ziemia usuwa się mi spod nóg*; *Przeszło mi to obok nosa* (модель α).

Локативные дативно-посессивные г-Str образуют в комбинации с г-Str других типов разнообразные комплексные г-Str. Некоторые из них были рассмотрены выше в разделах, посвященных другим типам г-Str, которые в этих комплексных г-Str являлись ядерными. Ниже мы рассмотрим комплексные г-Str, образованные на базе локативных г-Str.

1) Комплексная г-Str с Ps-агентом: комбинация инструментальной и локативной г-Str ($Ps_{nom} R'_{instr}$); г-Str служат для выражения действия, совершаемого с помощью его части тела R' в локусе части тела R, ср. словц. *Kapitan si zase prešiel suchou dlaňou po čele*; заметим, что в рассматриваемых языках такого рода действие чаще выражается локативной аккузативно-посессивной г-Str (см. ниже).

2) Комплексные г-Str с R-агентом: комбинация номинативной и локативной г-Str ($R'_{nom} R_{loc} Ps_{dat}$); г-Str такого типа описывают событие, происходящее в локусе части тела R, агентом которого является часть тела или другой объект обладания R'. Как и все локативные г-Str, эти комплексные г-Str различаются направлением действия: действие может быть направлено в сторону R, от R или совершаться в локусе R.

2.1) г-Str, в которых R играет роль места действия. Такие г-Str могут быть двух типов.

1-й тип структур может быть назван бытийным и отличается от всех остальных типов комплексных г-Str, рассматриваемых в этом разделе, тем, что чисто бытийные конструкции не могут сочетаться с дательным посессивным, а также тем, что они характерны, в основном, для русского и словацкого языков. Указание на посессора в самой г-Str отсутствует; принадлежность объектов обладания соответствующему Ps определяется из предтекста, ср.: словц. *Vlasy mu (Ps) šedivejú. Okolo očí <su> tmavé jaty a tak cudne sa pozerá, tak smutne* / русск. Волосы у него (Ps) седеют. Вокруг глаз – темные впадины, и так странно он смотрит, так грустно; словц. *Radista (Ps) má čisté a pestované ruky a pod krvou na tváti ne sú žiadne rany* / русск. У радиста (Ps) чистые и ухоженные руки, а под кровью на лице нет никаких ран; такие конструкции выражают наличие некоторых особенностей внешнего покрова части тела: морщины, ямочки и т. п., присутствие неотчуждаемой

материальной субстанции на поверхности: кровь, пот, слезы и т. п., а также – наличие/отсутствие на/внутри R абстрактной субстанции (чаще отчуждаемой, т. е. не обязательной для СМС "человек"), ср. словц. *Pozriel sa do jej veľkých očí, nebolo v nich ani omrvinky ľutosti* / русск. Он посмотрел в ее глаза, в них не было ни крупинки жалости; *Na jeho plecach bola vážna zodpovednosť* / русск. На его плечах была (на нем лежала) большая ответственность. Наличие/отсутствие вышеупомянутых типов R в локусе R могут выражаться и некоторыми другими глаголами, которые, будучи полнозначными по своему лексическому значению, приобретают в подобных контекстах фразеологически связанное значение бытийности; однако существенно, что с этими глаголами уже становится возможным употребление имени Ps в дательном посессивном, ср. словц. *Na tvári sa mu zračil akýsi smutok: Ale úsmev mu hral okolo úst a na tvári sa zračil akýsi neopísateľný výraz nesmiernej ľudskej hrdosti*. Следует отметить также, что вышеприведенные r-Str, отражающие идею обладания, не допускают абсолютно неотчуждаемых R.

2-й тип r-Str обозначает ситуацию, при которой материальная субстанция R, появляющаяся в локусе части тела R, характеризует Ps по некоторому признаку (чаще – душевное состояние Ps): чеш. *Na čele mu vystal pot; V oku se jí zaleskla slza radosti*; словц. *V očiach sa im leskli slzy; Kresák, mladý kapitán, ktorému sotva uschlo mlieko na brade...*

3-й тип r-Str обозначает ситуацию, при которой часть тела R, принадлежащая Ps, выделяется на фоне его части тела R, что затрагивает Ps, характеризуя его внешность: чеш. *Čára se pomalu otočila a zase jí zůstaly ve tváři jen ty oči, ohromné a vyděšené*; словц. *V ústach sa mu zaleskli perly zubov, keď sa usmial*; польск. *Odrastające nierówno włosy sterczały jej nad czołem nastroszonymi kosmykami; Nad czołem jasniała mu spora tyśinka*.

4-й тип r-Str описывает некоторое отрицательное событие, происходящее с частью тела R в локусе части тела R, составляющей часть R, что отрицательно затрагивает Ps: польск. *Przed koncertem zaczął mu obierać palec pod paznokciem*; чеш. *Nohy se mu lámaly v kolenou*.

5-й тип r-Str описывает ситуацию, при которой некоторая неотчуждаемая материальная субстанция или абстрактная сущность

R' "перемещается" относительно части тела R, что характеризует душевное и/или физическое состояние Ps: польск. *Przetknęto jej przez głowę, szybkie wspomnienie*; словц. *Od štipl'avého dymu mu tiekli po lícach slzy*. В некоторых языках, например, в чешском и словацком, возможна в этом случае также и инструментальная позиция (такая синтаксическая позиция вообще характерна в этих языках для имени предмета, относительно которого движется другой предмет, ср. строчку из известной чешской песенки: *Kočka leze dírou, pes oknem*): чеш. *Hlavou mu projela myšlenka*; словц. *Horúce slzy mu tiekli dolulícami*.

2.2) r-Str, в которых R играет роль исходного пункта действия; при этом R' "удаляется" (в прямом или переносном смысле) с поверхности или изнутри R; в этом случае R' может представлять собой: а) абсолютно или относительно неотчуждаемую часть тела Ps: польск. *Chorował na tyfus i dużo mu włosów wyszło z głowy*; чеш. *Ruka se mu vymkla z zápěstí; Lekla se a z celého drobného obličej je jí zbyly jenom oči*; б) предмет одежды: чеш. *Šátek jí spadl s hlavy*; в) физиологическую субстанцию: словц. *Z očí tvrdého chlapa sa liali slzy*; д) чувства; душевные качества: чеш. *dobrotu jí z očí svítila*; словц. *Z očí jej sáral nesmierny hnev*.

2.3) r-Str, в которых R играет роль конечного пункта действия; при этом описывается ситуация, при которой R' приближается к R или перемещается в локус R. Семантика имени R аналогична п. 2.2, ср. польск. *Zacisnął pięści tak mocno, że paznokcie wpiły mu się w ciało*; чеш. *A nahlé smutný úsměv se mu zavěsil na ústa*; словц. *Dievčaťu sa vrátil lesk do očí*.

Что касается комплексных r-Str, включающих имена частей тела разных посессоров, то здесь следует назвать комплексную r-Str, представляющую собой комбинацию инструментальной и локативной r-Str. Такие r-Str описывают ситуацию, при которой один из посессоров Ps с помощью своей активной части тела R' совершает действие в локусе части тела R₂ посессора Ps₁, что отрицательно затрагивает Ps [r-Str (Ps₁^{nom} R₂^{insrt} Ps₁^{dat} R₁^{loc})]: чеш. *Jednoho kopnout pod břicho, druhému pěstí do brady a je to*.

Локативные r-Str возможны также и с именами других объектов обладания, способных играть роль локуса – с именами предметов одежды, именами локативного значения, именами абстрактных констант и т. п.: польск. *Wyciągnął z torby jedzenie (Ps-агенс); Słowa płyną mu z głębi duszy; W późnosze poleciało jej oczko (R-агенс); Wyleciał mu z kieszeni jakiś papier; Z torebki*

wysypują mi się migdale; Niech nikt nad grobem mi nie płać (X-агенс). Очевидно, что г-Str с R'-агенсом следует считать комплексными г-Str ($R'_{\text{ном}} \text{Ps}_{\text{дат}} R_{\text{loc}}$). Наибольшее распространение имеют такие г-Str с именами предметов одежды, ср. также чеш. *Vytrhl mu na koleně látku z kalhot*; польск. *Furtzane czapy nakrywały im czoła po brwi*.

Само собой разумеется, что локативные дативно-посессивные г-Str не могут употребляться с именами неодушевленных посессоров, поскольку действие, совершаемое в локусе объекта обладания неодушевленного посессора, не может его затрагивать.

II.2. Локативные аккумулятивно-посессивные г-Str типа ($\text{Ps}_{\text{дат}} R_{\text{loc}}$), т. е. г-Str ($\text{Ps}_{\text{ном}} \text{Pron}^{\text{refl}}_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) или типа ($X_{\text{ном}} \text{Ps}_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$), где $\text{Pron}^{\text{refl}}_{\text{acc}}$ – возвратное местоимение в аккумулятиве.

Так же, как и при обзоре локативных дативно-посессивных г-Str, обзор аккумулятивно-посессивных г-Str будет осуществлен на базе г-Str с X-агенсом.

Локативные аккумулятивно-посессивные г-Str выражают событие, происходящее в локусе части тела R посессора Ps и осознаваемое как действие, "направленное" на Ps. Поэтому такие г-Str не могут различаться в зависимости от направления действия; они различаются только семантикой предиката.

II.2.1. Безличные аккумулятивно-посессивные локативные г-Str ($\text{Ps}_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) отражают острое физическое страдание Ps, испытываемое им в локусе части тела R и трактуемое языковым менталитетом как действие, "направленное" на Ps (ср. близкие по семантике номинативные аккумулятивно-посессивные конструкции типа польск. *Boli go głowa*); чеш. *Už ho bolí v kříži*; польск. *Aj, aj! Jak mnie w dołku boli!*; *Zydronowi pociemniało w oczach, zapiekło go wielkim bólem w szczękach i policzku*. Эти г-Str, как и номинативные г-Str, выражающие физическую боль, соответствуют русским г-Str с у-локализатором, ср. русск. *Ай, ай! Как у меня болит под ложечкой!* однако такая г-Str возможна в основном в тех случаях, когда имя части тела R существует только в своей локативной форме: под ложечкой, подмышками и т. п.; в противном случае используется либо номинативная г-Str с у-локализатором: *у меня болит спина*, либо глагол заменяется на соответствующее отглагольное существительное: *У меня боль в спине*, конструкция же типа **У меня болит в спине* в русском вряд ли возможна.

II.2.2. Личные локативные аккумулятивно-посессивные г-Str обозначают действие, направленное на Ps в локусе его части тела R и

совершаемое либо самим Ps, либо внешним агентом по отношению к нему.

1) Ласкательные действия.

Ласкательные действия, как уже упоминалось (см. выше), могут выражаться аккузативными дативно-посессивными г-Str, характерными в основном для чешского и словацкого языков: чеш. *pohládl (zlíbal) dítěti hlavečku*; слвц. *hladkal mi tváre*; однако во всех четырех рассматриваемых языках наиболее распространенной г-Str, выражающей ласкательные действия, является г-Str ($X_{\text{ном}} \text{Ps}_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) а также (при Ps-агенсе) – г-Str ($\text{Ps}_{\text{ном}} \text{Pron}_{\text{acc}}^{\text{refl}} R_{\text{loc}}$): польск. *Gładził głaskatłgo po głowie*; *Pogłaskał konia po szyi i piersiach* (X-агенс); *Pogładził się po włosach*; чеш. *Pohládl ho po tváři*; слвц. *Pohládl ho po hlave*; *Pohládkal ju po vlasoch*: Одним из часто употребляемых глаголов тактильного возвратного действия является глагол 'чесать': польск. *Poskrobali się znowu w głowę, spojrzeli na siebie i odchrząknęli*; чеш. *Poškubával se za vous*; *Poškrábal se za uchem*; слвц. *Poškrábal sa za uchom*. Глагол 'целовать' также широко употребляется в аккузативно-посессивных г-Str: польск. *Całował w rękę bartanki*; *Pocałował mnie w usta*; *Nie tylko mnie pocałował w twarz, ale kilka razy w rękę*; целование руки оформляется аккузативной г-Str только в польском языке, в котором, как говорилось выше, с глаголом 'целовать' употребляется только аккузативно-посессивная г-Str или структура незатрагивающего действия: *całował jej twarz*; что касается чешского и словацкого языков, то здесь аккузативно-посессивные г-Str употребляются не со всеми именами частей тела: чеш. *Políbil ženu na rty*; *Políbil dítě na čelo*; слвц. *Bozkal ho na čelo*; *Pobozkal ju na líce*; *Pobozkával ju na ústa*; целование руки во всех рассматриваемых языках, кроме польского, выражается дативно-посессивной г-Str: русск. *поцеловал ей руку* (но: *поцеловал ей голову) чеш. *Zlíbal jí tváre, tuce*; *Pobozkal dědovi tuku*; слвц. *Pobozkal jej tuku*; и, кроме того, в русском (как и в польском) употребляется структура незатрагивающего действия: *Поцеловал ее руку*.

2) Отрицательное физическое воздействие на Ps в локусе R. В эту семантическую группу входят глаголы следующих типов: 'ударить': слвц. *Potom ho umlčal jediným hacom do brady*; чеш. *Já ho tady kopnul do té kušny!*; 'похлопывать': слвц. *Inžinier Petrovič, – potl'arkal po pleci zroneného človeka velitel' rádioastronómie*; польск. *Rybak klepie turystę uspokajająco po ramieniu*; 'уколоть': чеш. *ut'al mne v prst*; русск. *В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча*; 'укусить': чеш.

Každý hledá jen příležitost kousnout člověka do nohy; 'ранить': польск. zranit go w ramię, skaleczył go w policzek; 'дергать': польск. Przy każdej sposobności tarnosił go za uszy; чеш. vytahal za uši nějakého výrostka. Такого рода действия могут быть осуществлены и самим Ps по отношению к себе и в этом случае они, как правило, не оказывают на Ps отрицательного воздействия, ср. словц. – *Ale ja, – buchol sa hrdo do prs, – Ja nepoznám nič;* русск. ударить себя по лбу, ударить себя в грудь. По сравнению с дативно-посессивными рефлексивными конструкциями, выражающими тактильное рефлексивное действие (см. выше), совершаемое обычно бессознательно и имеющее своим объектом часть тела R, аккузативно-посессивные рефлексивные конструкции, выражающие действия, совершаемые в локусе части тела R, имеют целью воздействие Ps на самого себя через свою часть тела. Глаголы типа 'ударить' не употребляются в дативно-посессивных конструкциях, поскольку прямым объектом такого действия может быть только одушевленный предмет, ср. ударить человека / *ударить столю, а в дативно-посессивных конструкциях объектом действия является часть тела, т. е. объект неодушевленный, ср. *ударить себе/кому-либо ногу. В то же время удар, направленный на себя, не совершается с намерением причинить себе вред, а является либо реакцией на нечто происходящее во внешнем мире (ср.: ударить себя по колену – например, услышав радостное или, наоборот, неприятное известие), либо символическим движением, например, ударить себя по лбу – символ "наказания себя" за забывчивость (удар по "провинившейся" части тела), ударить себя в грудь – символ указания на себя (на сердцевину, средоточие себя) и т. п. Для глаголов 'чесать' и 'гладить' возможны оба типа конструкций, причем для глаголов типа 'гладить' предпочтительны аккузативные конструкции, если действие осознанно и имеет своим объектом самого человека (ср. погладить себя по животу, погладить кого-либо по голове), и дативные конструкции, если действие безотчетно и имеет своим объектом часть тела (ср. в задумчивости поглаживать (себе) бороду). Для глаголов типа 'чесать' предпочтительны дативно-посессивные конструкции, поскольку объектом такого действия является обычно зудящая часть тела, а не ее обладатель, ср. почесать себе голову. Особенно решительно не принимает в этом случае аккузативных конструкций русский язык, и даже в сочетании с локативом (который неизбежен, если речь идет не о самой части тела, а действительно о ее локусе – внутреннем или внеш-

нем) употребляется или подразумевается датив возвратного местоимения, ср. *почесать себе / кому-либо за ухом*; аккумулятив предпочтителен, если действие совершается по отношению к животному, поскольку оно имеет целью воздействие на посессора: *почесать собаку (кошку) за ухом*.

3) Действия типа 'схватить', 'взять' и т. п.: польск. *Chwycili mnie za ręce, za nogi i dalejże podrzucić w górę; Chodok chwycił Lonię za łokieć; Biore tę dziewczynę za ręce; Ktoś mocno chwycił mnie za poły surduta*; чеш. *Vzal ho za límec; Vzal ho kolem krku, kolem pasu; Vzal ji za rukou; Podržel se syna za ruku; Chytil ji za ruku, za vlasy, kolem krku*; словц. *Profesor ju chytil za ruku; Vzali sa za ruky*.

4) Действия типа 'вести', 'тянуть': словц. *Viedli ho za ruku*.

5) Действия типа 'извлечь'. Такого рода действия (изъятие Ps из R) могут быть выражены в рассматриваемых языках и другими г-Str, ср. выше г-Str ($X_{\text{ном}} Ps_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$) типа польск. *złupili wołowi skórę* и г-Str ($X_{\text{ном}} Ps_{\text{loc}} R_{\text{acc}}$) типа польск. *zdzierali skórę z barana* / русск. *содрали шкуру с барана*. г-Str ($X_{\text{ном}} Ps_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) употребляются для обозначения такого рода действий только в западнославянских языках: польск. *Krzyczą ze strachu tak, jakby ją kto żywcem ze skóry obdzierał*; чеш. *odřít někoho z kůže*; такие конструкции употребляются в этих языках и с именами других объектов обладания, которые могут восприниматься как оболочка Ps, например, с именами предметов одежды, ср. польск. *Rozebraliśmy go przemocą z kraciastego płaszcza*; чеш. *Svlékni dítě z kabátku*, а также с именами неодушевленных посессоров, ср. польск. *obdrzeć drzewo z kory*; чеш. *svléknout kmen z kůry* и т. п.

6) Действия типа 'поставить'/'свалить' (Ps с R-опоры): чеш. *Postavil ho na nohu*; польск. *Chłopcem zakreśliło na miejscu i zvaliło go z półg.*

Структуры ($Ps_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) описывают действие, совершаемое в локусе части тела R посессора Ps и направленное на Ps. Семантика этих структур отражает наивысшую степень затронутости Ps – прямое воздействие на него. С этим связано употребление в этих структурах глагола 'ударить'. Такие действия могут иметь взаимно-возвратный характер и выражаться в языке взаимно-возвратными г-Str: словц. *Tl'apkali sa dôverne po pl'eci, tl'apkali sa po kolenách, buchali sa do chrbta; Utekali za ňou, držali sa za ruky, mávali*.

Локативные аккумулятивно-посессивные r -Str в комбинации с другими r -Str могут образовывать комплексные r -Str, например, инструментально-локативные, ср. польск. *Poskrobał się ręką po głowie i poszedł, aby wydać polecenia*, а также номинативно-локативные ($R'_{\text{ном}} R_{\text{loc}}$) типа польск. *Pod powiekami zapiekły go tłu*.

Структуры типа ($Ps_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) описывают действие, в наибольшей степени затрагивающее Ps, поскольку обозначают прямое воздействие на него в локусе его части тела. И при этом такие r -Str, в отличие от дативно-посессивных, могут быть употреблены и с именами неодушевленных посессоров, ср. приводимые выше примеры типа польск. *obedrzeć drzewo z kory*, чеш. *svléknout kmen z kůry*, а также русск. *поднять стул за ножку* и т. п. Возможны r -Str и с другими позициями имени Ps, кроме дативной, например, конструкции пространственного ориентирования Ps, ср. польск. *Portret odwrócony jest twarzą do ściany*, а также конструкции с пространственными константами абстрактного посессора, ср. *To zaskakuje mnie w tej sprawie już na początku*. При этом дативно-посессивные конструкции для имен предметного и абстрактного посессора невозможны, поскольку действие, направленное на объект обладания неодушевленного посессора, не может затронуть его обладателя, ср. русск. *сломать кому-либо ногу / сломать ножку стола; обрезать кому-либо волосы / обрезать конец проволоки*. Русские конструкции с у-локализатором, также возможные для неодушевленных Ps, выражают действие, совершаемое в локусе Ps, но не затрагивающее Ps: *обрезать конец у проволоки, отпилить ножку у стола*; однако даже и такие r -Str, отражающие отношения посессивности неодушевленного посессора в их динамике, редки и обычно уступают место структурам, где отношения между неодушевленным объектом обладания и его посессором представлены в их статике, ср. *конец проволоки – обрезать конец проволоки, ножка стола – отпилить ножку стола*.

Только статически могут быть представлены отношения посессивности и для "собственно отчуждаемых" объектов обладания одушевленных посессоров, поскольку такие отношения не имеют аналога в картине мира, т. е. не входят в СМС одушевленного посессора, ср. польск. *Linia słońca skoczyła tu pod koła* (т. е. под колеса машины, которой Ps управлял – принадлежность по активной функции Ps, соответствующая отношению окказиональной неотчуждаемости), но: **Linia słońca skoczyła tu pod koła* ('автобуса, в котором он ехал') – принадлежность по пассивной функции Ps,

которая может трактоваться менталитетом исключительно как отношение отчуждаемой принадлежности и может быть выражена только статическим показателем (ср. *mój autobus* 'автобус, на котором я обычно езжу или еду в настоящий момент').

Итак, в главе были рассмотрены различные динамические семантико-синтаксические структуры, выражающие отношение посессивности между посессором и объектом обладания семантико-синтаксическими средствами. В динамических ситуациях, возникающих под воздействием сил, внешних и внутренних по отношению к посессору, в посессоре и в объекте обладания возникают взаимосвязанные между собой процессы. Как было показано, такие процессы могут быть выражены различными семантико-синтаксическими структурами [г-Str (Ps V R)], общим свойством которых является то, что, отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и в R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений, т. е. отношения внутри СМС. При этом в большинстве случаев отпадает необходимость в статическом показателе посессивности [в артиклевых языках статический показатель посессивности в этом случае заменяется на артикль, обычно определенный (см. выше)].

Наибольшим разнообразием отличаются г-Str, описывающие динамику отношений посессивности в ядре категории, включающей отношения между лицом и ближайшими к нему объектами обладания (в первую очередь – частями тела). Помимо семантики Ps и R, важным условием построения г-Str (Ps V R) является семантика предиката V, обозначающая действие, вызывающее общие для Ps и R процессы и тем самым "подкрепляющая" связь между Ps и R, ср.: *Он вымыл лицо* (подразумевается 'свое'-г-Str) / *Он увидел в зеркале свое лицо* (предикат V не подкрепляет связь между Ps и R, а, наоборот, "разъединяет" посессор и объект обладания, чем объясняется необходимость в данном случае статического показателя посессивности).

Таким образом, г-Str (Ps V R) может быть определена как семантико-синтаксическое единство, включающее имена посессора и его объекта обладания и на глубинном уровне включающее отношение посессивности между ними; иными словами, г-Str образуется в результате наложения друг на друга нескольких стереотипных ментальных структур (СМС):

– СМС посессора {СМС (Ps)}, включающей концепты посессора и его объектов обладания, а также степени парадигматической

связанности (ПС) между посессором и каждым объектом обладания (абсолютную, относительную и окказиональную неотчуждаемость); разумеется, для конкретной г-Stg релевантен фрагмент СМС, содержащий отношение упомянутого R к упомянутому Ps;

- СМС обозначенного в г-Stg действия СМС (Ac) ;
- СМС описанной в данной г-Stg ситуации СМС (Sit) .

Чем выше степень соответствия описываемой реальной ситуации стереотипу, тем выше вероятность того, что именно г-Stg станет в данном случае единственно возможным средством выражения отношения посессивности между данным посессором и объектом обладания.

СТЕРЕОТИПНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И СТРУКТУРА СВЯЗНОГО ТЕКСТА

Выше было дано подробное описание $г\text{-Str}$, т. е. семантико-синтаксических структур, в которых отношение посессивности между Ps и R не требует эксплицитного выражения. При этом в большинстве случаев в таких $г\text{-Str}$ имплицитруется потенциальная определенность, ситуативная однозначность имен объектов обладания (при условии количественного соответствия референта с экстенсионалом). Было показано, что результаты формального расщепления значения посессивности на 'определенность (resp. неопределенность) + отношение' определяется в первую очередь степенью ПС между соответствующими концептами Ps и R в соответствующей СМС, т. е. степенью неотчуждаемости данного R по отношению к Ps , и условиями контекста, подкрепляющего или разрушающего парадигматические связи. Это связано с тем обстоятельством, что в пределах высказывания, содержащего имена Ps и R , происходит наложение друг на друга СМС (Ps^c), СМС (Ac^c) и СМС (Sit^c), чем и определяется конечный результат, формально выраженный референцией имени R , ср.: *Он поднял руку, вытер лицо* (СМС элементарного и рутинного действия включают соответствующее R^c , что исключает необходимость эксплицитного выражения посессивности) / *Он увидел в зеркале свое лицо* (СМС действия не включает Ps^c и R^c как соответствующие актанта действия, семантика действия предполагает субъект и объект как самостоятельные сущности, что обуславливает необходимость в $R_{\text{оп,poss}}$, восстанавливающим утраченные в динамике посессивные связи). При этом посессивные связи, достаточно свободные, необязательные в рамках соответствующей СМС, могут восприниматься как отношения неотчуждаемости (оккациональная неотчуждаемость) в динамической ситуации, например, в $г\text{-Str}$ с Dat_{poss} , ср. *Мне порвали кофту, мне починили транзистор*.

Если в рамках отдельного высказывания референция имени объекта обладания заключается в соотношении его с соответствующим посессором, что может в случае определенного взаимодействия СМС (Ps^c), СМС (Ac^c) и СМС (Sit^c) не требовать эксплицитно-

го выражения посессивности, то в рамках более широкого контекста возникает необходимость соотнесения номинации объекта обладания с двумя объектами внеязыковой действительности, один из которых – объект обладания R, а другой – обладатель, посессор Ps: *Задумал один житель села Ф., некто товарищ Лебедев, окрестить своего младенца. <...> Вернее, его жена, эта малодушная мать, и ее недалёковидные родители подбили его это сделать. И не так даже жена, как ее родители дали тон всему делу. <...> Тут родственники начали одергивать Лебедева: <...> Не задергивай попа, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрокинет (МЗ 124, 126) / Umyslil si jeden obyvatel vesnice F., nějaký soudruh Lebeděv, že dá pokřtít své novorozeně. <...> Přesněji – jeho žena, ta malodušná matka, a její krátkozrací rodiče ho přiměli, aby to udělal. Ba ani ta žena, ale její rodiče spískali celou věc. <...> Tu příbuzní začali napomínat Lebeděva: <...> prý nezdržuj popa, nebo nám ke všemu ještě upustí holčičku na podlahu (МЗ 13, 15).* В приведенном отрывке адресат выделяет следующие "посессивные пары": *товарищ Лебедев (Ps₁) – младенец (R₁), жена (R₂); жена (Ps₂) – родители (R₃); товарищ Лебедев, его жена (Ps₃) – родственники (R₄); мы (Лебедев, его жена, их родственники) (Ps₄)-девочка (R₅).*

Таким образом, в тексте имя R соотносится с двумя пространствами: посессивным пространством данного конкретного Ps, которое, помимо СМС (Ps^c), включает дополнительные сведения о конкретном Ps и денотативным пространством данного R, который может быть известен из контекста или ситуации. Для референции имени объекта обладания релевантна и семантико-синтаксическая структура высказывания, включающего данное R. Исследование показало, что из рассмотренных нами языков русский язык обнаруживает тенденцию к преимущественному выражению первого типа связей (соотнесение номинации R с посессивным пространством Ps), а западнославянские языки склонны к преимущественному выражению контекстных связей, ср. русский и польский тексты: *Z różnych przyczyn, spojrzeń krzyżujących się zniępacka wumiarkował Karol, że i on ma powody być dumny z tego surowego, milczącego ojca (JB 53)/Недомолвки, внезапные переглядывания надоумили Кароля, что он может даже гордиться своим суровым, молчаливым отцом.*

Итак, в тексте возможны следующие типы референции имени R:

1) притяжательное местоимение (выражение посессивных связей);

- 2) указательное местоимение (выражение текстовых связей);
- 3) притяжательное местоимение + указательное местоимение (одновременное выражение посессивных и текстовых связей);
- 4) нулевой детерминант (индивидуализация имени R в тексте – подобно индивидуализации в г-Str).

Итак, в тексте референция имени R строится в зависимости от семантико-синтаксических свойств предложения, включающего имя объекта обладания, а также в результате наложения двух типов текстовых отношений:

1. Отношение данной номинации R к предшествующему тексту: 1а) первая номинация; 1б) номинация R кореферентна предшествующей номинации (или предшествующему высказыванию, или предшествующему отрезку текста); 1в) номинация R "вытекает" из предшествующего высказывания (или предшествующего отрезка текста); 1г) R известен из предшествующего текста (т. е. упомянут в тексте ранее).

2. Позиция номинации R по отношению к номинации Ps: 2а) имена Ps и R упомянуты в одном предложении; 2б) предложение, содержащее номинацию R, не содержит номинации Ps; 2б1) анафора с предшествующим упоминанием имени Ps; 2б2) Ps является одним из коммуникантов; 2в) Ps не назван.

Анализ возможных комбинаций вышеперечисленных типов текстовых отношений позволил установить 9 типов контекстов.

I тип. (1а–2а). Первая номинация R; имена Ps и R упомянуты в одном предложении.

Такой тип контекста может рассматриваться как изолированное предложение, в котором референция имени R не связана с остальным текстом. Синтаксические свойства предложения определяют выбор между тремя возможными типами референции имени R:

А) Референция в пределах именованного словосочетания с именем Ps (родительный принадлежности): польск. *Punktem kulminacyjnym uroczystości jest nałożenie przez narzeczonego na palec serdeczny lewej ręki narzeczonej pierścionka (P).*

Б) Референция с помощью $R_{\text{top}_{\text{poss}}}$, кореферентного Ps, упомянутому в том же предложении. В зависимости от синтаксической позиции имени Ps (субъект/несубъект) употребляется либо притяжательное, либо притяжательно-возвратное местоимение: польск. *Štrýjek pokazat' publicznosti swój obandažovaný palec (P)* / чеш. *Jednou mu nalila jeho maminka bramborovou polévku (JL 19).*

В) Референция в пределах семантико-синтаксической структуры предложения, в которой имена Ps и R согласованы по рефлексивности (r-Str), что исключает необходимость Pron_{poss} при имени R: чеш. *Po chvíli ženština vztyčila hlavu a odhrnula rukou pramen vlasů nazad* (JAГ 13); польск. *Spadł mi kapelus, jakieś kolce darty mi koszulę, szorstkie gałęzie cięły po policzkach* (Sł. p. 6, 1019).

Несмотря на отсутствие предупоминания имени R, указание на обладателя перечисленными выше способами связано в большинстве случаев с определенной референцией имени R, т. е. с индивидуализацией* имени R.

Имена неотчуждаемых объектов, т. е. таких, концепты которых связаны в СМС с соответствующими Ps^c, характеризуются наибольшим разнообразием r-Str. Типы таких структур рассматривались выше в гл. II. Здесь мы остановимся лишь на тех языковых ситуациях, которые требуют обязательного употребления притяжательного местоимения при неотчуждаемом имени R:

1. При отсутствии согласованности по рефлексивности между именами Ps и R (т. е. когда нет условий для образования r-Str), ср. чеш. *Standa se chce podívat na svou levičku* (KČ 134) (ср. в r-Str: *Standa píše levičkou*); польск. *Nata odeszła w kierunku swojego łóżka* (KŻ 33) [ср. в r-Str: *Chce do domu, do łóżka, chce spać, chce nie myśleć* (KŻ 33)].

2. В r-Str, если в пределах одного предложения $R \in Ps_1$ противопоставлен $R \in Ps_2$: *Otton zdjęta z głowy swojej koronę, na głowę Bolesława włożył* (Sł. p. 2, 1166) (Ср.: *Otton zdjął z głowy koronę*).

3. В некоторых согласованных по рефлексивности предложных структурах, требующих "подкрепления" связи между Ps и R: *Poczuł na swym ramieniu, że potrząsnęła głowa, (P); Rzeka wystąpiła ze swych brzegów* (Sł. p. 2, 1166).

4. В r-Str при наличии атрибута – если он обозначает некоторый признак R, вытекающий из контекста или известный коммуникантам (при том, что сам объект упоминается впервые): польск. *Wierny ludu katolicki! Wyciągnij swoją zpracowaną dłoń po ten oto krzyżyk!* (P) [ср.: *Kobiety w białych czepkach wyciągały ręce po opróżnione kufle i butelki* (Sł. p. 9, 1432)] Следует заметить, что само по себе наличие атрибута при имени неотчуждаемого R может не разрушить r-Str и не требовать Pron_{poss}, если имя и атрибут употреблены

* Возможности неопределенной референции имени R рассматривались нами в статье: Головачева А. В. К вопросу о соотношении...

впервые: чеш. ... *za nim stojí někdo dlouhý a upírá zapadlé oči někam mimo lidi* (КČ 36) ... *позади него стоит кто-то длинный и смотрит свалившимися глазами поверх голов* (311).

Употребление местоимения *svoj* в русском примере означало бы предупомянутость R и его признака ($M \subseteq R$) (ср.: *смотрит своими свалившимися глазами*) и соответствовало бы указательному местоимению в чешском: ... *upírá ty zapadlé oči...* (см. ниже п. IX).

К собственно отчуждаемым R относятся объекты, не входящие в СМС какого-либо посессора. Такие имена R не могут входить в *r-Str*, а их употребление с $\text{Pron}_{\text{poss}}$ при первом употреблении невозможно, поскольку характер отношения между Ps и R в этом случае может быть выяснен только из предшествующего текста (см. п. IX).

Промежуточное положение между собственно неотчуждаемыми (т. е. абсолютно и относительно неотчуждаемыми) и отчуждаемыми R занимают окказионально неотчуждаемые R, концепты которых расположены на периферии соответствующих СМС, и связь которых с соответствующими Ps не носит столь обязательного характера (предметы собственности, орудия, результаты деятельности, некоторые абстрактные понятия, связанные с лицом); в большинстве случаев референция таких R осуществляется с помощью $\text{Pron}_{\text{poss}}$: польск. *Wyprostował się więc Karol nad swoją tokarką* (JB 82); *Jak wróce, na moich półkach bibliotecznych zastanę nowy swój tomik* (ТВ 60). Однако такие имена способны входить в дательно-посессивные *r-Str*, выражающие затронутость посессора тем, что происходит с его R, и в этом случае возникает значение окказиональной неотчуждаемости: польск. *Igła mi się w maszynie złamała* (St. p. 10, 1143); чеш. *Bála se, aby jí něco svatbu nepokazilo* (VN 82). Для раскрытия содержания отношения таких R к посессору требуется обращение к контексту: свадьба в данном случае рассматривается как событие, в котором упоминаемое лицо должно выступить в роли невесты, предполагается, что библиотечные полки – собственность Ps, машина (швейная) – собственность и/или орудие деятельности, а томик (вероятнее всего, книга стихов) – результат деятельности лица, упоминаемого в предложении.

II тип. (1a–261). Первая номинация R. Анафора типа $S_1Ps \rightarrow S_2R$.

В этом типе контекста основным детерминантом при имени R служит $\text{Pron}_{\text{poss}}$, кореферентное предупомянутому Ps: польск. *Kiedy tak zaczęła rozmyślać, zapomniata całkiem o sobie, o tym, że jej buty przeciekają po każdym deszczu, aż piszczą w nich woda* (JB 25); чеш. *Měsíc je skoro v úplňku, a stříbrná jeho zář dodává pustému tomuto*

zakoutí ráz snivé zádumčivosti. Нулевой показатель возможен только для отношений неотчуждаемости, как правило, в таких контекстах, в которых содержится сообщение о признаках нескольких перечисляемых $R \subseteq Ps$: польск. *Był jeszcze chudszy, głowę, czoło, nos pokrywały strupy i sińce* (P); чеш. *Jizba jest nizoučká, stěny vlhky a špinavy, trp a kouty plísni pokryty* (JAГ 12).

III тип. (1а–262). Первая номинация R. Ps является одним из коммуникантов.

Как и в предыдущем типе контекста, основным детерминантом при имени R является $Prop_{poss}$: польск. *On mi nie powiedział, co się stanie z moją duszą* (P); – *Boże, Boże ... Wymierz nasze cierpienia, zważ ten ciężar, co go dźwigamy* (TK(s) 147). Опущение $Prop_{poss}$ возможно для имен неотчуждаемой принадлежности, в первую очередь для имен родства, которые в таком типе контекста могут функционировать как имена собственные: польск. *Narzezona ma kilkoro rodzeństwa* (P); чеш. *Pět let mám k večeri krupičnou kaši, kterou děti nedojedly* (JS 108). $Prop_{poss}$ не опускается в случае снижения актуализации имени, в частности, в экзистенциальных высказываниях оно употребляется даже при повторном назывании, ср.: чеш. *V té jediné světnici se vařilo, spalo, a provádělo obuvnické řemeslo. Spalo v ní šest členů naší rodiny. A často ještě pocestný, nad kterým se otec ustrnul, když v celé vsi nemohl sehnat nocleh* (JI 7) / *Jak jsem už řekl, byl můj otec obuvník* (JL8).

IV тип. (1а–2в). Первое упоминание R. Ps не назван.

В этом случае даже имена неотчуждаемой принадлежности имеют неопределенную референцию (имплицитную или эксплицитную): польск. *W kącie pokoju ... podniosła się z łóżka jakaś twarz z długą brodą* (111) / *In einem Winkel des Zimmers ... erhob sich im Bett ein Gesicht mit langem Bart* (FK 122) / *В дальнем углу ... с подушек поднялась голова с длинной бородой* (170).

V тип. (1б–2а). Номинация R кореферентна предшествующей номинации (или предшествующему высказыванию, или предшествующему отрезку текста). Ps и R упомянуты в одном предложении.

В контекстах этого типа, т. е. в контекстах с предупоминанием R обычно имеет место также и предупоминание Ps (т. е. такие контексты содержат две анафоры: $S_1R \rightarrow S_2R$ и $S_1Ps \rightarrow S_2R$). Поскольку имя R соотносится с двумя antecedентами, с именем Ps, упомянутым в данном предложении, и с именем R, упомянутым в предшествующем предложении, то здесь возможен выбор между индиви-

дуализацией и идентификацией R в повторе. В этом смысле имеет место существенное различие между русским и западнославянскими языками, ср.: польск. – *Kto tam wie, co cię jeszcze w życiu czeka?.. Co miał spotkać Karola w tym dalszym życiu, ojciec się nie dowiedział* (JB 23) / русск. Кто знает, что тебя еще ждет в жизни?.. О том, что ожидает Кароля в его дальнейшей жизни, отец не узнал; польск. *Teraz przeniosta się do Paryża i zarabia miliony. Panu Adamowi to przeszło obok nosa, chociaż myślę sobie, że może by ją też rzucił z tymi milionami?* (JSS 40) / русск. Теперь она перебралась в Париж и зарабатывает миллионы. Пан Адам это проглядел, хотя мне сдается, что он бросил бы ее с ее миллионами?

Если семантика имени требует обязательной индивидуализации в повторе, то в западнославянских языках указательное местоимение употребляется в сочетании с притяжательным, ср. различную детерминацию в польском тексте имен *miłość* и *znajomość* (различающихся по признаку единственность/неединственность в данном контексте): *A Kałmen i Helcia?.. Dlaczego mieli się kryć ze swoją miłością? Cóż ich obchodzić mogło to, co o nich mówiły kumoszki na Sieleckiej?.. Początkowo ukrywali tę swoją miłość, a pokazali się razem znacznie później, aniżeli zawarli znajomość, i to było w porządku, że tę znajomość ukrywali, taki był nakaz konspiracji* (SW 68) / русск. А Калмен и Хельча?.. Почему им нужно было скрывать свою любовь? Какое им было дело до того, что о них говорили кумушки на Селецкой?.. Вначале они скрывали свою любовь, а вместе они показали гораздо позже, чем завязали знакомство, и правильно делали, что скрывали свое знакомство, таковы были правила конспирации. В русском языке в данном типе контекста указательное местоимение употребляется только при условии сильной идентификации²³, например, при расширении объема понятия в повторе, ср.: польск. *Przecież ani motyl, ani ćma... nie mogły zapamiętać rozmów, które prowadziły w poprzednim swoim życiu jako gąsieniczki, jakże wobec tego mogłyby prowadzić te rozmowy nadal?* (AS 15); Ведь ни мотылек, ни ночная бабочка не могли запомнить разговоров, которые они вели в своей прежней жизни, когда были гусеницами, так как же они могли бы вести эти разговоры по-прежнему?

VI тип. (16–26в). Анафора S₁R → S₂R. Ps известен из предшествующего высказывания или является коммуникантом.

²³ Головачева А. В. Идентификация...

Имена неотчуждаемой принадлежности требуют тех же детерминантов, что и в предыдущем типе контекста: чеш. *Nemohl jsem se ubránit, abych si v té chvíli neřekl, jak krásné jsou právě zezadu její nohy. Ale ani ty nohy nemohly zastavit běh mých myšlenek* (MK 50) / русск. *Я не мог удержаться, чтобы не сказать себе в эту минуту, как красивы именно сзади ее ноги. Но даже ее ноги не могли остановить ход моих мыслей.* Таким образом, для референции имени неотчуждаемого R при условии его предупомынутости в западнославянских языках обычно достаточно идентификации данной номинации с предшествующей. В экзистенциальных высказываниях, представляющих собой, как правило, нарушение хода повествования и требующих поэтому наиболее исчерпывающей детерминации субъекта высказывания, R_{nondeix} употребляется в этих языках в сочетании с R_{nonposs} , т. е. здесь находят свое эксплицитное выражение как текстовые, так и посессивные связи: польск. *Dawno nie patrzyłem jej z uwagą w oczy. Kiedyś te jej oczy były posłuszne, zakochane i wierne i często mnie to irytowało* (JSS 33) / русск. *Я давно не смотрел внимательно ей в глаза. Когда-то ее глаза были послушные, влюбленные и преданные, и меня это часто раздражало.*

Остальные имена требуют в таких контекстах обязательного выражения посессивных связей, ср. с предыдущим типом контекстов: польск. *rzucić ją z tymi milionami / nie są tu potrzebne te jej miliony, rzucić mnie z tymi milionami / nie są tu potrzebne te moje miliony.* Если имя R содержит релятивную сему и при этом обозначает один из совокупности однородных объектов, принадлежащих Ps, то имеет место количественное несовпадение референта с экстенционалом, что является условием сильной идентификации, которая в данном типе контекста (т. е. при условии отсутствия имени Ps в предложении) выражается в рассматриваемых языках сочетанием притяжательного и указательного местоимений: чеш. *Martín umí, co neumím já. Zastavit kteroukoli ženu na kterékoli ulici. Musím říci, že jsem z této jeho schopnosti značně těžil* (MK 5) / русск. *Мартин умеет то, чего не умею я. Остановить любую женщину на любой улице. Должен сказать, что я извлекал немалую пользу из этой его способности;* польск. *Kama zaciągnęła się do Wojskowej Służby kobiet i kwaterowała o kilkadziesiąt kilometrów od nas. Ta jej niezależność, a przez to niemożliwość zatrzymania jej przy sobie jak kiedyś doprowadziła mnie do wewnętrznych szatńi* (JSS 48) / русск. *Кама поступила тогда работать в Военную службу женщин и жила в нескольких десятках километров от нас. Эта ее независимость,*

а, значит, невозможность удержать ее около себя, как раньше, приводила меня в состояние скрытой ярости. Неединственность R для данного Ps в первом примере связана с соответствующей СМС, а во втором объясняется контекстом (имеется в виду не независимость Камы вообще, а ее независимый поступок – решение поселиться и работать вдали от близких ей людей).

VII тип. (16–2в). Анафора $S_1R \rightarrow S_2R$. Ps не назван.

Контексты этого типа характеризуются тем, что при имени R во всех трех языках возможно только $\text{Prop}_{\text{deix}}$, идентифицирующее повтор с его антецедентом: *Rozváděl jsem v duchu tuhle obranu své svobody, ale brzy jsem slyšel (rovněž v duchu) jiný hlas, který mluvil o tom, že na Prvního máje má svítit celá nemocnice radostnými barvami, aby pacienti... pocítili aspoň zprostředkovaně... kus prvomájového nadšení. Považuji snad – ptal se mne významně ten hlas – svůj osobní požitek za důležitější než požitek sta nemocných?* (МК 41) / русск. Я развивал в душе эту идею защиты своей свободы, но тут же слышал (тоже в душе) **другой голос**, который говорил о том, что Первого мая вся больница должна светиться радостными красками, чтобы больные ... хотя бы отчасти почувствовали первомайский энтузиазм. Неужели я считаю, настойчиво спрашивал меня **этот голос**, что мои интересы важнее интересов ста больных?; польск. *W okienku ukazało się dwoje wielkich czarnych oczu ... Wuj i K. wzajemnie potwierdzili sobie, że widzieli tych dwoje oczu...* (110) / *Im Guckfenster der Tür erschienen zweif grosse, schwarze Augen... Der Onkel und K. bestätigen einander gegenseitig, die zwei Augen gesehen zu haben* (FK 122) / русск. В дверном окошечке **два больших темных** глаза взглянули на посетителей... Дядя и К. дали друг другу понять, что оба видели **эти глаза** (169).

VIII тип. (1в–2аб). Номинация R имплицитно предшествующим высказыванием (или предшествующим отрезком текста). Ps может быть упомянут в пределах одного предложения, известен из анафорической связи или может являться одним из коммуникантов.

В таких контекстах имя R не может иметь идентифицирующего детерминанта, так как не имеет кореферентного себе выражения в предшествующем тексте. Индивидуализация R в таких контекстах выражается различными детерминантами в зависимости от особенностей данного языка и от семантики имени, изофункциональными определенному артиклю западноевропейских языков. Имена неотчуждаемых R в русском языке имеют нулевой де-

терминант, в западнославянских возможно указательное местоимение: чеш. *Ani oholený nejsem, mrzí se Standa a ohmatává si pod posem a na bradě těch pár štětinek* (KČ 144) / русск. **"И небрит я"**, досаждает Станда, ощупывая у себя под носом и на подбородке несколько волосков (425) (из текста известно, что Станда очень мопод); чеш. *Vozač Půlpán se kradmo porovnává s druhými, když se všichni po šichte myjí pod sprchami. Pravda, nemá ještě tak naběhlé žíly a uzlovité klouby jako ti ostatní; ale nemyslete si, lidičky, že vy jste nějací krásavci, co se toho těla týče* (KČ 10) / *Когда после смены все моются в душевой, откатчик Пулпан украдкой сравнивает себя с другими. Правда, у него нет пока вздутых вен и узловатых суставов, как у остальных; но не воображайте, люди добрые, что вы такие уже красавцы, если говорить о телосложении* (282).

Имена-предикаты, обозначающие действие или состояние, в русском языке сопровождаются либо нулевым детерминантом, либо притяжательным местоимением, соответствующим указательному местоимению западнославянских языков: польск. *Zaczęło się, w dalekim mieście rosyjskim życie wśród obcych. Przy warsztacie, w Kazaniu, Karol znalazł jednak przyjaciół. Zrazu przysłuchiwał się, тут разговором nieufnie* (JB 27) / русск. **И началась в далеком русском городе жизнь среди чужих. Но в мастерской, в Казани, Кароль встретил друзей... Поначалу он недоверчиво прислушивался к (их) разговорам;** чеш. **"... To přece vidíte, ne?.. že budeme mít dítě" ... Já vím, vy si myslíte, že jsem hloupá. To dělá ten stav..."** (149) / русск. **Вы ведь видите, правда?.. У нас будет ребенок... – Я понимаю, вы считаете меня глупой. Всему виной мое положение** (431).

Предметные и абстрактные имена, не имеющие релятивных сем, сопровождаются притяжательным местоимением (в западнославянских языках – в сочетании с указательным), указывающим на их связь с посессором: чеш. *Ona... hodně čte. To víš, já – taku jsem se na tu její knížku podíval...* (KČ 98) / русск. **"Она... много читает ... Понимаешь ли, я тоже иной раз заглядываю в ее книжки..."** (376); чеш. *Je to bída, bože, je to bída: pět let studovat na realce, a najednou konec; umře ti teta, která tě aspoň krmila tou šedivou cufilindou, a ty se jdi živit sam. Ted' si můžeš dát za čepici ty své logaritmy, deskriptivní geometrii a kde co* (KČ 7) / русск. **Какое несчастье, боже мой, какое несчастье: пять лет учиться в реальном – и вдруг конец: умирает тетья, которая тебя хоть и не больно сладко, а все-таки поила-кормила – и теперь сам думай о пропитании. Распрощись со своими логарифмами, с начертательной геометрией и прочим...** (279).

IX тип. (1г–2аб). R известен из предшествующего текста. Ps может быть упомянут в пределах того же предложения, известен из предшествующего текста или являться одним из коммуникантов.

Для имен неотчуждаемой принадлежности обусловленная контекстом известность R означает, что известен либо признак, либо событие, имевшее отношение к R (при этом известность неотчуждаемого $R \in Ps$ предопределяется также и соотносительностью с СМС). В русском языке при отсутствии атрибута используется нулевой детерминант, выполняющий здесь функцию определенного артикля. В западнославянских языках имена неотчуждаемой принадлежности сопровождаются указательным местоимением: чеш. *Někde to bolestně cuká, to snad je ta ruka* (КČ 168); русск. *Где-то далеко болезненно подергивает, наверное, руку* (422); чеш. *Standa nemůže dostat tou levičkou do rukávu* (КČ 168); русск. *Станда не может просунуть левую руку в рукав* (450) (т. е. левую руку, которую Станда покалечил в шахте). При наличии атрибута в русском языке возможно Pro_{poss} : польск. *Człowiek w prostej skórzanej kurtce patrzył tymi niebieskimi oczami na opasłego kucharza* (JB 53) / русск. *Человек в прямой кожаной куртке смотрел своими голубыми глазами на ошарашенного повара*; чеш. *Adam zrovna navrtává těma zapadlýma očima zaklíněné ssutky a roztržštěná dřeva...* (КČ 46) русск. *Адам прямо сверлит своими впалыми глазами заклиненные обломки и расщепленные бревна* (322). В высказывании, не содержащем имени Ps, например, при анафоре $S_1Ps \rightarrow S_2R$, в западнославянских языках возможно сочетание имени неотчуждаемой принадлежности одновременно с указательным и притяжательным местоимением, подкрепляющим связь R и Ps: чеш. *Jak se asi vede jí?.. Opět viděl ty její veliké temné oči, a ten bílý, křehký obličej* (KJB 10) / русск. – *Как она там?.. Он опять видел перед собой ее большие темные глаза... и бледное нежное лицо*. Таково же соотношение детерминантов и для окказионально неотчуждаемых имен, например, для актуализованных имен орудий: чеш. *Tady máš ten kahan, dědku* (КČ 52) / русск. *Получай свою лампу, дед* (329).

Отчуждаемые имена релятивной семантики, например, имена признаков, сопровождаются во всех рассматриваемых языках притяжательным местоимением: чеш. *Jeho oči zářily jako vždy svým žadostivým svitem* (МК 52) / русск. *Его глаза сияли как всегда своим пронзительным светом*. При отчуждаемых именах нерелятивной семантики также используется притяжательное местоимение,

кореферентное тому отношению между Ps и R, которое описано в предшествующем тексте, ср.: чеш. *U jednoho toho stolu se rozložil Standa se svými novinami...* (KČ 114) / русск. *За одним из них (столов) расположился Станда со своей газетой ...* (392) (т. е. с той газетой, которую Станда принес показать шахтерам); польск. *A jednak właśnie na migi a jeszcze częściej cakiem po warszawsku dogadał się <generał Walter> se swymi Chińczykami* (JB 34) / русск. *И все-таки именно жестами, а еще чаще просто по-варшавски договаривался <генерал Вальтер> со своими китайцами* (т. е. с китайскими солдатами и офицерами, служившими под его началом); польск. *Mój pociąg poszedł sobie... Oby wasze becзки piekto pochłoneńo, oby je ogień zeżarł* (JK 51) / русск. *Мой поезд ушел уже... Чтоб ваши бочки в пекло провалились, чтоб они в огне сгорели!* (т. е. поезд, на который я торопился и опоздал; бочки, которые охранялись двумя охранниками и мешали проходу). Ср. также: русск. ... в их квартире жила кошка под названием Бубенчик... Мама сказала: – Что за глупости. Почтальоны никогда не берут кошек. Вон твой Бубенчик сидит на шкафу. Павлик говорит: – Вот так номер. Смотрите, куда прыгнула моя дрессированная кошечка... Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа, как Павлик кушает (МЗ–251–254) / чеш. ... *žila v jejich bytě kočka jménem Rolnička... Maminka řekla: – To jsou hluposti! Listonoši nikdy neberou kočky. Podívej se, tvoje Rolnička tamhle sedí na skříní. Pavlíček povídá: – No, tohle je numero. Podívejte se, kam skočila moje cvičená kočička... Kočka Rolnička se dlouho dívala se své skříně, jak Pavlíček jí* (118–254).

Итак, в пределах изолированного предложения референция имени объекта обладания представляет собой индивидуализацию объекта обладания, которая может осуществляться тремя способами: родительным принадлежностью, притяжательным местоимением и семантико-синтаксической структурой (r-Str) с нулевым детерминантом при имени R. Выбор между $\text{Prop}_{\text{poss}}$ и \mathcal{F} зависит от следующих факторов:

- 1) от семантики имени R: чем ближе расположены в соответствующей СМС концепты Ps и R, тем больше вероятность появления нулевого детерминанта;
- 2) от семантико-синтаксических условий, от степени отражения ими отношений, зафиксированных в СМС, в частности, чем в большей степени семантико-синтаксическая структура отражает связь между предметом и действием в соответствующей СМС (Ac^c), тем выше вероятность нулевого детерминанта: крайнюю степень

такого "слияния" языкового выражения с картиной мира представляют с одной стороны, фразеологизмы, такие как *поднять глаза, протянуть руку*, а с другой стороны – глаголы, выражающие основную функцию некоторого объекта обладания и не сочетающиеся с именем этого объекта без атрибута: русск. **смотреть глазами, *говорить языком* (ср. *смотреть усталыми глазами, говорить заплетающимся языком*).

В пределах небольшого отрезка текста возможна идентификация данной номинации R с кореферентным ему элементом предшествующего текста. Эта возможность максимально используется в западнославянских языках и минимально – в русском, демонстрирующим большую связанность между элементами внутри предложения (и в сознании говорящих – между объектами внеязыковой действительности) и меньшую – между элементами более крупных единиц текста. В рамках небольшого отрезка текста возможна также индивидуализация объекта этим текстом, если объект обладания является одновременно элементом описанной в тексте ситуации, т. е. элементом соответствующей СМС (Sit). Эта функция выполняется в русском языке нулевым детерминантом или притяжательным местоимением, а в западнославянских языках – тем же указательным местоимением, выполняющим в данном случае не идентифицирующую, а чисто индивидуализирующую функцию, т. е. изофункциональным определенному артиклю западноевропейских языков.

При условии известности объекта обладания из широкого контекста в русском языке имеет место индивидуализация с помощью притяжательного местоимения или нулевого детерминанта в зависимости от некоторых синтаксических условий. В западнославянских языках имена неотчуждаемых объектов идентифицируются с прежней номинацией с помощью указательного местоимения. Остальные имена индивидуализируются с помощью притяжательного местоимения, кореферентного характеру отношений между посессором и объектом, описанному в предшествующем тексте.

СТЕРЕОТИПНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И СТРУКТУРА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Паремиологические тексты могут служить ценным источником изучения особенностей менталитета архаического человека и человеческого менталитета вообще, источником реконструкции архаичной картины мира. При этом картина мира (КМ) трактуется в настоящей работе как систематизированный фонд общих знаний носителей языка. Кроме того, в паремиологических текстах, восходящих к менталитету древних социумов, используется система концептов-символов, трактуемая как результат творческого, поэтического осмысления знаний о мире и именуемая в настоящей работе моделью мира (ММ); КМ и ММ – системы концептов-стереотипов, в которых предметам и действиям присваиваются стереотипные ("неотчуждаемые") свойства: $C^x \ni \sum P_{KM}^x \& P_{MM}^x$ ('концепт C^x содержит сумму свойств в системе КМ и сумму свойств в системе ММ'). Эти концептуальные свойства нерелевантны для обычного текста, ориентированного на индивидуальное; особенность прагматики паремиологического текста в том, что такие тексты всегда ориентированы на универсальное знание, на концептуальные свойства объектов.

Так, прагматической задачей загадки является идентификация загаданных концептов посредством их репрезентации в тексте загадки через сумму неотчуждаемых, концептуальных свойств:

$$C^x \leftarrow \sum P^x$$

Сумма свойств включает в себя признаки $M(C^x)$, функции $F(C^x)$, объекты обладания $R(C^x)$ и их неотчуждаемые, стереотипные свойства $P[R(C^x)]$, качественные $M[R(C^x)]$ и количественные $N[R(C^x)]$ признаки и функции $F[R(C^x)]$, иными словами, загадку можно сравнить с общим высказыванием, содержащим только рему, а тема подлежит отгадыванию через систему стереотипов (КМ и ММ). Таким образом, простейшая схеме загадки получает следующий вид:

$$C^x \leftarrow \Sigma P^x$$

$$C^n \ni \Sigma P^x$$

$$\underbrace{\hspace{15em}} \\ \text{Отгадка: } C^x = C^n$$

С^х отгадывается по совокупности свойств ΣP^x , при этом известно, что в системе КМ (ММ) совокупность свойств ΣP^x содержится в концепте С^п. Для отгадывания необходима, как правило, именно совокупность свойств, поскольку в системе стереотипов каждому свойству соответствует множество С^х и искомый С^х находится на пересечении этих множеств (т. е. свойства играют роль своего рода дистинктивных признаков (ДП), способствующих однозначной идентификации искомого С^х), ср. две русские загадки: *Шапочка алая, жилеточка нетканая, кафтанчик рябенький* = Курица [М 966] / *Шапочка серенькая, жилеточка нетканая, кафтанчик рябенький, а ходит босиком* = Ворона [М 1019].

Приведенная выше схема в значительной степени условна, поскольку суммой свойств ΣP^x может обладать не один концепт, а несколько, и в этом случае одной загадке могут соответствовать несколько СМС, ср.:

Загадка

Красна, в землю вросла }
 Красна, в землю вросла }
 Что слаще на свете? }
 Что всего слаще? }
 Что сильнее всех на свете? }
 Что сильнее всего? }

Отгадка

Морковь (2572)
 Свекла (2638)
 Вода (445)
 Сон (1600)
 Вода (447)
 Сон (1601)

Иными словами, в отгадке заложены элементы как логического, так и конвенционального. В настоящей работе предметом исследования является именно логический аспект отгадывания концепта по его свойствам (на материале русских и чешских загадок), поэтому при анализе отдельных типов загадок мы сделаем допущение, что сумма свойств ΣP^x соответствует только одному концепту в системе КМ (ММ).

Отгадка (загаданный концепт) С^х часто обозначается в тексте загадки другим наименованием, представляющим явный (кодо-

вый) денотат²⁴ D^k , имеющий с загаданным концептом общие свойства ΣP^x : *В лесу на поляне стоит кудрявый Ваня в зеленом сарафане; Богач не велик, а орешками наделит* = Орешник [М 1797]; чеш. *Přišel k nám bílý kůň, zalehl nám celý dvůr* = Снег [Cdš 58]. Введение кодового денотата облегчает отгадывание, поскольку само название D^k в тексте загадки исключает соответствующий концепт C^k из множества потенциальных C^x , обладающих свойствами ΣP^x , и в этом смысле он может быть определен как "антиденотат". Это свойство носит также конвенциональный характер (оно как бы входит в правила игры между загадывающим и отгадывающим), а в некоторых загадках оно находит эксплицитное выражение в самом тексте: *Сидит кошка: и хвост, как у кошки, и нос, как у кошки, и уши, как у кошки, а не кошка* = Кот [М 1180]. Приведенная загадка интересна тем, что в ней представлены все возможные способы введения кодового наименования: прямая номинация (кошка), сравнение (как у кошки) и негация (не кошка).

Таким образом, название кодового денотата служит дополнительным ключом к отгадыванию. В то же время введение кодового денотата затрудняет отгадывание, поскольку свойства P^x (свойства загаданного концепта) часто метафорически обозначаются через P^k (свойства кодового денотата D^k): *Бычок рогат, в руках зажат, еду хватает, а сам голодает* = Ухват [М 3456]; *Mosazné zvíře v kamenném chlívě, když si zařehce, slyšet je na čtyři míle* = Колокол [СГ 340]. В ряде случаев D^k может быть назван эксплицитно, однако он легко реконструируется на основании ряда свойств D^k , упоминающихся в тексте загадки и представляющих собой метафорическое обозначение свойств P^x : *Маленький, горбатенький в щель глядит, головой вертит* = Рукомойник [М 3499]; *Без рук, без ног Богу молится* = Лампада [М 5112]; *Nemá duše, nemá těla, a každý den k Bohu volá* = Колокол [СГ 340]; *Není křtěno ani se nemodlí, a přece spaseno bývá* = Трава [СГ 347]; *U kostela je to, do kostela to nechodí, a spasení to dojde* = Газон у костела [СГ 347]. Как видно из примеров, имплицитно содержащийся в тексте загадки D^k – человек, а загаданный концепт C^k является неодушевленным предметом; свойства P^k (соответствующие как подразумеваемому, так и эксплицитно выраженному D^k) могут входить в противоречия друг с

²⁴ Кёнгес-Маранда Э. Логика загадок // Паремииологический сборник. М., 1978; Волоцкая З. М. Некоторые замечания о структуре славянских загадок (на материале болгарских и польских загадок) // Сов. славяноведение. 1982, № 1.

другом [как, например, в приведенной чешской загадке: 'Нет души, нет тела, а каждый день взывает к Богу' последнее свойство 'взывает к Богу' соответствует представлению о человеке (восходит к СМС 'человек'), а первые два указывают на неодушевленный предмет (не соответствуют СМС 'человек'), что и является ключом к отгадке: какой неодушевленный предмет каждый день взывает к Богу?], однако такого рода противоречий между отдельными свойствами может и не быть, как, например, в вышеприведенной русской загадке: *Маленький, горбатенький в щель глядит, головой вертит*, где упомянутые свойства могут в принципе быть присущи конкретному человеку, однако это индивидуальные, а не концептуальные свойства, что является одним из ключей к отгадке; вторая подсказка заключается в семиотических свойствах загадки – названный или подразумеваемый денотат не может являться отгадкой, и отгадка сводится к решению вопроса – какой неодушевленный предмет обладает вышеперечисленными свойствами?

Итак, репрезентантами загаданного концепта в загадке служат его концептуальные свойства. Репрезентация концепта через концептуальные свойства характерна и для других паремий, а также для других типов фольклорных текстов – ср., например, сказки о животных, в которых "действуют" по сути не "денотаты", а "концепты" (Лиса, Заяц, Петух – а не лиса, заяц, петух), репрезентирующие в тексте сказки свои стереотипные свойства (хитрость, трусость, задиристость и т. п.), или народные песни, в которых эпитеты суть концептуальные (в системе ММ) свойства: *реченька широкая, девица красная, молодец удалой, месяц светлый* и т. п. В различных типах фольклорных текстов использование концептуальных свойств служит различным прагматическим задачам. Так, прагматической задачей загадки является идентификация загаданного концепта; поэтому в пресуппозиции загадки содержится, как правило, фрагмент КМ (т. е. системы знаний о мире), а не ММ, являющейся результатом поэтизации и мифологизации знаний о мире и содержащей вследствие этого свойства концептов, менее пригодные для их идентификации. Использование свойств в системе ММ возможно в загадке только на уровне кодового денотата (концепта) и его свойств, ср.: *Красна, да не девка, зелена, да не дубрава* = Морковь [М 2574]. В выделенном фрагменте текста свойство 'красный' на уровне D^x (в системе ММ) означает 'красивый' ('красивая девушка'), а на уровне C^x (и в системе КМ) – 'красный' ('красная морковь').

Описание семиотического механизма репрезентации C^x через его стереотипные свойства целесообразно, по-видимому, проводить для каждого класса свойств в отдельности; при этом в настоящей главе делается попытка сопоставления механизмов репрезентации концепта в загадке и в другом виде паремий – в заговоре.

В заговорах главным орудием магического воздействия являются повторы. Повтор может осуществляться эксплицитно (анафоры, тавтологии) – что можно схематически обозначить как $C \& C$ (повтор концепта) и имплицитно, т. е. посредством репрезентации упомянутого концепта через его концептуальные (в системах КМ или ММ) свойства $[C \& P (C)]$, например: ... *есть на святой Руси красна двѣица...*, *полетай ей въ ретивое сердце, въ сахарные уста, въ ясныя очи, въ черныя брови...* [ВЗ 6]. Следует заметить, что заговорный текст, как и любой другой паремиологический текст, является каноническим, и хотя он применяется в конкретной ситуации, однако не содержит указания на индивидуальные свойства реальных денотатов, например, адресатов любовных заговоров или заговоров от болезней. Названные концепты репрезентируются в заговоре через свои концептуальные свойства в системах КМ и ММ.

Можно указать следующие основные типы повторов, используемые в заговорах:

а) Анафорические повторы (такие повторы в тексте часто следуют один за другим, образуя "анафорические цепи" – художественный прием, широко используемый в фольклорных текстах различных типов): *Въ чистомъ полѣ есть сине море, на тымъ синемъ мори тихая заводь, на той заводи тихий плавает сѣрый гоголь, на томъ сѣромъ гоголѣ не держытця ни вода, ни роса* [МЭ, с. 54].

Анафорический повтор, при котором имя выполняет функцию сначала ремы (в antecedente), затем темы (в повторе, в котором ремой служит другое имя, играющее в следующем повторе роль темы и т. д.), придает тексту волшебное, колдовское звучание. Здесь играет роль, по-видимому, как повтор одного и того же имени ($C \& C$), так и многократный повтор самого приема анафоры – анафорическая цепь, семантико-синтаксическую схему которой можно представить в виде:

$$\underbrace{\dots C_1 \text{ (рема)} \& C_1 \text{ (тема)}}_{S_1} - \underbrace{C_2 \text{ (рема)} \& C_2 \text{ (тема)}}_{S_2} - \underbrace{C_3 \text{ (рема)} \& \dots}_{S_3}$$

$$\dots \& C_{n-1} (\text{тема}) - C_n (\text{рема}).$$

$$\underbrace{\hspace{10em}}_{S_n}$$

б) Редупликация (повторяемое слово – имя или глагол – занимают одну и ту же синтаксическую позицию, что имеет место, например, при обращении): *Золотникъ мой, золотникъ, дорогой золотникъ, отыщи, дорогой золотникъ, свое дорогое мѣсто и стань, дорогой золотникъ, на свое дорогое мѣсто...* [ВЗ 50].

Сюда же могут быть отнесены также случаи синонимического повтора, характерного как для имен, так и для глаголов и прилагательных:

Батюшко ты, царь огонь, будь ты кротокъ, будь ты милостивъ; как ты жарокъ и пылокъ, какъ ты жгешь и палишь в чистомъ полѣ травы и муравы, чашши и трушшобы, ... тако же и я молюся и корюся тебѣ-ка, батюшка, царь огонь, жги и спали съ раба Божія (имя рекъ) всяки скорби и болѣзни, уроки и призоры, страхи и переполохи ... [АЗ 85].

По сути роль повтора играет в заговоре и перечисление однородных объектов или объектов, семантически или семиотически связанных между собой; слова, различные по своей семантике, могут восприниматься как синонимы, как повтор одного и того же слова – в частности, благодаря их созвучию, рифме:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. От болезни лихорадочной, головной, сердечной, утренной костоломной, знобучей, трясушей, поносной, сыпучей, неприимной водянки помилуй раба Божьего... [ЛН 15]; *Ты, змѣя Ирина, ты, змѣя Катерина, ты змѣя полевая, ты, змѣя луговая, ты, змѣя болотная, ты змѣя подколодная, собирайтесь вокругъ и говорите удругъ* [ВЗ–176].

Использование повторов, перечислений, созвучий имеет целью тотальное воздействие на объект заклинания, это как бы путь от части к целому, воссоздание в тексте всей сферы воздействия – будь это человек, его тело, душа, поступки или болезни, силы природы или весь мир:

Вамъ идты на мхи, на темные луга, на густыя очерета, на сухи леса, куды люды не ходять [МЭ-56];

Шепотуха, ропотуха, полунощница, полуночная, полуутренна, полудѣнна, полувечѣрна, безпокойница, неугомойница над единственным рабом Божьим Александром (или Василисою), дейся над смолкой, над деготком, над лучком, над тамариком... [ЛН 32].

Универсальность заклѣтия должна проявляться не только в плане наибольшего пространственно-временного распространения магического воздействия, но и в плане наибольшей его детализации, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры, ср. также:

... въ ѣжѣ бы не заѣдала, въ питьѣ бы не запивала, въ гульбѣ бы не загуливала, во снѣ бы не засыпала, ни въ году, ни въ полугоду, ни во дни, ни въ ночи, ни въ часу, ни въ получасу, ни въ минуту, ни въ полуминуту [ВЗ 2].

Сфера воздействия заклѣтия расширяется за счет использования универсальных семиотических оппозиций, таких как верх-низ, день-ночь, мужской-женский и т. п.:

Въ чистомъ полѣ бежитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой на одномъ челнѣ не сидять [ВЗ 33];

... и стану отговариваться отъ колдуновъ, отъ колдуньи, отъ шептуна, отъ шептуньи, отъ старца, и старицы, отъ всякаго злаго чловѣка, отъ рабовъ и рабынь, отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ... [ВЗ 43];

Ключь моимъ словамъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ на рыбѣ на китѣ... [ВЗ 3];

... чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, на вѣтрѣ-холодѣ, на прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и на вѣка [ВЗ 6].

Особенность использования семиотических оппозиций в заговорных текстах состоит в том, что члены оппозиции не противопоставлены друг другу, а, дополняя друг друга, предстают как части единого целого; аналогичная трактовка семиотических оппозиций имеет место в загадках, где членам оппозиции свойственна одновременно полярная удаленность друг от друга и неразрывность, что подтверждается использованием терминов рода в качестве кодовых денотатов:

Две сестры: одна светлая, а другая темная = День и ночь [М 4974].

в) Третий тип повторов в заговоре – имплицитные повторы, рассмотренные ниже и заключающиеся в повторной репрезентации концепта посредством указания на его концептуальные свойства в системах КМ или ММ: С & Р (С).

Ниже приводится описание семиотического механизма репрезентации концепта (загаданного – в загадке, названного – в заговоре) – для каждого класса свойств в отдельности.

СЕМИОТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ЗАГАДОК И ЗАГОВОРОВ

Описание семиотических структур загадок и заговоров осуществляется в зависимости от типа СМС, являющейся их семиотической основой. Выше (главы I–II) были введены три типа стереотипно-ментальных структур (СМС): 1) СМС посессора (ядро – концепт посессора с концептами его объектов обладания, характеризующихся различной степенью неотчуждаемости (парадигматической связанности) с посессором);

2) СМС действия (ядро – концепт действия с концептами его “неотчуждаемых” актантов);

3) СМС ситуации (концепт-стереотип ситуации с ее обязательными элементами).

В настоящей главе нами будут рассмотрены семиотические структуры загадок и заговоров, восходящие к первым двум типам СМС. Многочисленные загадки, восходящие к СМС ситуации, типа: *Десять ног, десять рук, пять голов, четыре души* = Покойника несут [М 1664]; *Голубка куплю, стану горе горевать, голубка некуда девать* = Девица, выдаваемая замуж [М 1679]; *Долг плачу и в долг даю, за окошко кидаю* = Отца кормлю: сына кормлю, дочь кормлю [М 1704] – в работе не рассматриваются.

А. Семиотические структуры загадок и заговоров, восходящие к СМС предметного концепта (посессора)

I. Репрезентация предметного концепта через его свойства ($C^x \leftarrow \Sigma P^x$)

I.1 Репрезентация C^x через его признак ($C^x \leftarrow M^x$)

В тексте загадки репрезентация C^x может осуществляться по постоянному или временному признаку. Постоянный признак может выступать в качестве единственного репрезентирующего класса, если указывается не один признак, а несколько ($C^x \leftarrow$

M_{const}^x): *Тонок, долог, в траве не видать* = Волос [М 1466] или в том случае, когда в тексте загадки каждый признак характеризует один из нескольких взаимосвязанных C^x : *Dvanáct št'astných, třicet silných, padesát moudrých, sto nemoudrých* = Годы человеческой жизни [Сг 10]; *Tata vysoký, mama široká, syn divoký, dcera hluboká* = Воздух, Земля, Вода [Сг 10].

Однако, как правило, свойства определенного класса не выступают в загадке изолированно, хотя в большинстве случаев один из классов является доминирующим. Поэтому указание на постоянный признак (или признаки) M^x часто дополняется указанием на свойства другого класса: R^x или F^x (особенно для одушевленно-го C^x , для которого именно эти свойства являются определяющими): *Маленько, зелененько все поле покрыло* = Молодая трава [М 1895]; *Železné hříbě v kostěném chlívě po kožené louce travu štíbě* = Бритва [Сг 305]; *Hliněná zahrádka, dřevěná pastýřka honí v ní prasátka* = Горшок, мешалка, шкварки [Cdš 97].

Если в загадке употребляются преимущественно признаки, входящие в систему КМ, как наиболее пригодные для идентификации C^x , то в заговоре в равной степени используются обе системы стереотипов. Признаки, неотчуждаемые в системе КМ, употребляются с целью повторной репрезентации концепта, т. е. никакой дополнительной информации о нем они не сообщают, ср.: *Благословясь, лягу я, рабъ Божій..., помолясь, встану, перекрестясь, умоюсь водою, росою, утруся платкомъ тканымъ...* [В3 2]; *Приносили три заступа железныхъ...* [ЛН 1]; *На желтомъ песку есть бѣлая рыбица...* [В3 12]. Как видно из приведенных примеров, используемые здесь признаки – как раз те, которые могли бы служить для идентификации соответствующих концептов в загадке.

Признаки, неотчуждаемые в системе ММ, выполняют в заговоре двоякую функцию: повторной репрезентации и поэтизации образа: ... такъ бы я казался ей, рабъ Божіей, краснѣе краснаго солнышка, свѣтлѣе свѣтлаго мѣсяца [В3 3]; *Встану я ... и пойду изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ широкое раздолье, къ синему морю–окиану...* [В3 7]; *Подите вы, семь ветровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ въ ретивое сердце; просъките булатнымъ топоромъ ретивое ея сердце, посадите въ него тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, въ составы...* [В3 3]. Подобные признаки, как уже было отмечено, в загадке употребляются ограни-

ченно, т. е. никогда не употребляются для характеристики C^x (для его идентификации), а могут только выполнять роль признака, характеризующего кодовый денотат (концепт) $D^k(C^k)$: *Сидит красная девица в темной темнице, коса на улице* = Морковь [М 2564]. Такие признаки не являются неотчуждаемыми в системе КМ, т. к. они в обычной ситуации могут характеризовать отдельный денотат, а не концепт, ср. *черные очи, черные брови, белое лицо, красная девица* и т. п., однако в системе ММ они репрезентируют именно концепты и не соотносятся с конкретным денотатом – конкретным адресатом заговора.

Формальное сходство между загадкой и заговором обнаруживается в использовании тавтологических именных словосочетаний (существительное + атрибут) для обозначения соответствующего концепта. Однако с точки зрения семантико-словообразовательной структуры сочетаний имеются существенные различия, связанные с особенностями прагматики загадки и заговора. В загадке преследуется цель подчеркнуть признак, репрезентирующий загаданный концепт, поэтому в тавтологическом словосочетании направление словообразовательной мотивации идет от атрибута к существительному [от признака к предмету: $M \& (C \leftarrow M)$]: *Кругла кругляшка, ни кость, ни камень, никуда не канет* = Яйцо [М 922]; *Маленький мальчик по избе скачет* = Веник [М 3654]; *Маленький малыш по кучам играет* = Пожар [М 3488]; *Мал малышка по поднебесью пошел, против солнца стал, колпачишко снял* = Мак [М 2554]; *Белая беляна по полю гуляла, к нам пришла – по рукам пошла* = Соль [М 4269]; *Плеть плетена, кругом столба обведена* = Изгородь [М 2771].

Аналогичная семантико-синтаксическая структура – $M \& (C \leftarrow M)$ – встречается и в заговорах, если основную семантическую нагрузку в словосочетании несет признак, по которому противопоставляются разнородные или противоположные понятия (оппозиции 'верх–низ', 'старый–молодой', 'мужской–женский', 'белый–черный' и т. п., чем достигается расширение "пространства воздействия" заговора): ... *такъ бы на раба Божія ... глядѣли и смотрѣли старые старики, молодые мужики, старья старухи, молодья молодухи...* [ВЗ 9]; *Красная красавица, бѣлая бѣлавица, черная чернавица, не жги, не пали, моего бѣлаго тѣла, краснаго мяса!* [ВЗ 96]; *Все вы четыре евангелиста, подите к рабу Михайлу, сымайте, срывайте с раба Михайла лихую лихорадку, лихорадку–лихоманку, комуху–лапуху трясуху, ломуху, скорбуху, трясу–трясуху,*

трясу-ломучу, трясучу-скорбучу... [ЛН 11]. Однако в большинстве тавтологических словосочетаний в заговорах направление словообразовательной мотивации обратное, т. е. семантико-синтаксическая структура сочетания имеет вид: $C \& (M \leftarrow C)$, что указывает на то, что признак играет здесь вспомогательную роль, репрезентируя уже названный концепт, являясь его "повтором" и располагаясь всегда в постпозиции; таким образом, направление словообразовательной мотивации предопределяет семантико-синтаксическую структуру тавтологического словосочетания и, в частности, позицию атрибута, само же направление словообразовательной мотивации предопределяется, как мы видели, прагматическими задачами загадки и заговора: ... *выньте изъ меня ... тоску тоскучую и сухоту плакучую* [ВЗ 8]; ... *а подъ тѣми досками три тоски тоскучія, три рыды рыдучія* [ВЗ 14]; ... *и напушу на нее тоску тоскущую, кручину кручинскую* [ВЗ 25]. Как видно из примеров, модель $C \& (M \leftarrow C)$ применяется при перечислении имен-синонимов, снабженных образованными от них атрибутами; такое перечисление может быть изображено схемой: $[C \& (M \leftarrow C)] \& [C \& (M \leftarrow C)] \& \dots \& [C \& (M \leftarrow C)]$, показывающей, что благодаря сочетанию тавтологического и синонимического повторов одно и то же понятие-концепт повторяется в два раза чаще, чем это имело бы место при простом синонимическом повторе (тоска, кручина), что способствует достижению основной прагматической задачи заговора – магического воздействия на ситуацию.

Постоянный признак загаданного концепта M^x может отождествляться в загадке с соответствующими признаками кодовых концептов путем сравнения: *С голову велико, с перо легко* = Пузырь [М 1115]; *Бела, как снег, зелена, как лук, черна, как жук, роет, как бес, повертка в лес* = Сорока [М 1039]; *Roste, roste stromeček pichlavý jak bodláček, kulatý jak jablíčko, červený jako líčko* = Красная редька [Сг 324] или негации: *Кругла, да не дыня, зелена, да не дубрава, с хвостом, да не мышь* = Репа [М 2622]; *Вороно – не конь, черно – не медведь, крылато – не птица, шесть ног без копыт* = Таракан [М 819]; *Ворон, да не конь, счерна, да не медведь, рогат, да не бык, ноги есть, да без копыт, летит, так воет, сядет на землю – землю роет* = Жук [М 741]; *Zelená jsem – tráva nejsem, žlutá jsem – vosk nejsem, sladká jsem – med nejsem, ocas mám – pes nejsem* = Морковь [Сг 331]. Эти два типа в принципе могут легко трансформироваться друг в друга (*кругла, да не дыня* \longleftrightarrow *кругла, как дыня*), что неудивительно, поскольку (ср. выше) любое обозначение C^x

через D^k выполняет негативную функцию, каким бы способом D^k ни вводилось – сравнением, негацией или прямой номинацией, ср.: *Hliněná zahrádka, dřevěná pastýřka honí v ní prasátka* = Горшок, мешалка, шкварки [Ст 330]. Как видно из последнего примера, при прямой номинации дополнительным ключом q отгадке может служить невключенность признака M^x в СМС (C^k). Однако такая "подсказка" на самом деле необязательна, ср. *Долгой мужик в траве лежит* = Межа [М 1947], поскольку любая номинация C^x в тексте загадки обозначает "антиденотат", т. е. исключает C^k (в нашем случае – любое одушевленное лицо) из числа возможных C^x .

Указание на временный признак сопровождается в загадке указанием на пространственно-временные условия его проявления: *В избе пирогом, а на дворе калачом* = Собака [М 1176]; *Гола Матрена для всех страшна, лубком же покрыта для всех ходка* = Лед на реке [М 523]; *Зимой белый, летом серый* = Заяц [М 1282]; *Ráno je to zelené, v poledne bílé, navečer černé* = Дерево: листья, цветы и фрукты [Ст 324].

1.2 Репрезентация C^x через его функцию (характерное действие) ($C^x \leftarrow F^x$)

Так же, как и в случае репрезентации C^x через признак, при репрезентации через функцию в загадке может использоваться как его постоянная, так и временная функция.

Постоянная функция может выступать в загадке в качестве единственного репрезентирующего класса при тех же условиях, что и постоянный признак (см. выше), т. е. в случае, если загадываются несколько взаимосвязанных C^x : *Два стоят, два ходят и два мнутуются* = Небо–земля, солнце–месяц, день–ночь [М 4] или если C^x репрезентируется несколькими функциями (т. е. характерными для C^x действиями): *Chodí to po dvoře, hned leží, hned oře* = Свинья [Ст 310]; *šidlo bodidlo po světě chodilo, a domů nosilo* = Пчела [Cdš 53]; *Течет, течет – не вытечет, бежит, бежит – не выбежит* = Река [М 469]. В загадке функция C^x может быть также выражена не только глаголом, но и именем деятеля или действия (отождествляемого с деятелем): *Сперва блеск, за блеском треск, за треском плеск* = Молния, гром, дождь [М 295]; *Из куста шипуля, за ногу типуля* = Змея [М 620]; *Из-под кустика хватыш* = Волк [М 1265].

Такие способы репрезентации наводят на мысль о том, что не всегда можно провести четкую грань между двумя типами свойств – функцией и признаком, между действием, качеством и предметом. На этом основано использование тавтологических словосочетаний 'глагол + имя' в загадке и заговоре. В загадке тавтологические глагольные словосочетания (субъект + предикат) служат для подчеркнутого выделения характерного свойства C^x – его функции, и релевантной для идентификации загаданного концепта – одушевленного существа, предмета или явления, обозначенного в тексте загадки именем деятеля, образованного от характеризующего глагола; ср.: *Рычка рычит, скачка скачет* = Волк и сорока [М 1264]; *Бежит бегун, ревет ревуи, хочет миллион колоть* = Гром, град, побил хлеб [М 297]; *Ползун ползет, иглы везет* = Еж [М 1293]; *Бежит побегул, несет караул, хочет князя заколоть, да не сумеет* = Корова и собака [М 1248]. В заговоре большинство глагольных тавтологических словосочетаний восходят не к СМС предметного характера (как в загадке), а к СМС действия, и служат для повторной репрезентации (имплицитного повтора) действия с помощью тавтологичных ему актантов; такие словосочетания рассматриваются нами в разделе В (см. ниже). Словосочетание 'субъект + предикат' встречается в заговоре, в отличие от загадки, чрезвычайно редко и имеет обратное направление словообразовательной мотивации (от имени к глаголу): *Как камень окаменел, уроки, призоры окаменели...* [ЛН 7].

В большинстве случаев функция указывается в загадке в сочетании с другими классами свойств C^x (M^x или R^x): *Dřevo bylo, list mělo, nosí duši i tělo* = Колыбель [Čr 265]; *Roztrhaná plachta na poli sachta, nač se vrhne, vše roztrhne* = Борона [Čr 40]. Кодовый денотат D^k может быть представлен тремя способами:

- а) прямым называнием: *Железный нос в землю врос, роет, копает, землю разрыхляет* = Плуг [М 1952]; *Ах, каков Иван Поляков, сел на конь и поехал в огонь* = Горшок на ухвате [М 3752];
- б) сравнением: *По-блошьи прыгает, по-человечьи плавает* = Лягушка [М 611]; *Летит по-птичьи, говорит по-бычьи* = Жук [М 737];
- в) негацией: *Летит, а не птица, воет, а не зверь* = Жук [М 743]; *Не птица, а летает* = Летучая мышь [М 1288]; *Не живой, а дышит* = Тесто [М 4180]; *Не человек, а говорит* = Попугай [М 1018]; *Не море, а волнуется* = Нива [М 1288]; *Živo není, a zemi ruje* = Плуг [Čr 26]; *Chodím s chudým na robotu, nejím, nepiju, a řese nouze nemám* = Мотыга [Čr 85]; *Líta to, štípa to, krve to nemá* = Снег [Cdš 58]. Возможна и

тела R^x и необладанию частью тела R^k при наличии соответствующей функции R^x : *Есть крылья – не летаю, ног нет, а гуляю, по земле хожу, на небо гляжу, звезд не считаю, людей избегаю* = Рыба [М 553].

По-видимому, заслуживает внимания факт малочисленности загадок, в которых идентификация C^x осуществляется по необладанию признаком M^k ; это неудивительно, поскольку отсутствие некоторого признака есть наличие противоположного признака, ср.: *Молодичка невеличка, а весь мир одевает* = Игла [М 4671]; *Živo pení, a zemi guje* = Плуг [Сг 26].

Указание на временную функцию C^x сопровождается в тексте загадки указанием на пространственно-временные (внешние) или внутренние (зависящие от C^x) условия проявления данной функции: *В печь положишь – вымочишь, в воду положишь – высохнет* = Воск [М 677]; *По избе пляшет, а в угол спать ходит* = Веник [М 3641]; *Летит – ворчит, сядет – молчит, а кто его убьет, тот свою кровь прольет* = Комар [М 779]; *Když to necháš, mlčí to, když to bereš, vrští to* = Цепь [Cdš 30]; *Днем молчит, ночью ворчит* = Собака [М 1171]; *Зимой спит, а летом шумит* = Река [М 472]; *Na vesno obveseluje, na podzim obšivuje, v zimě ohřívá* = Дерево [Сг 15].

1.3 Репрезентация C^x через его объекты обладания ($C^x \leftarrow R^x$)

К объектам обладания здесь относятся части тела живых существ, неотчуждаемые составные части неодушевленных предметов, предметы одежды, родственные отношения, а также некоторые абстрактные понятия, неотчуждаемые по отношению к концептам одушевленных и неодушевленных предметов.

Для идентификации неодушевленного C^x в загадке могут использоваться как его неоднородные составные части, так и однородные – что зависит от строения и внешнего вида загаданного C^x . Неоднородные части неодушевленного C^x обычно уподобляются в загадке частям тела человека или животного; при этом в качестве ключа к отгадке как правило используется количественный²⁵

²⁵ Волоцкая З. М. Наблюдения над славянскими загадками с окказиональными номинациями // Сов. славяноведение. 1989, № 1; Головачева А. В. К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности // Славянское и балканское языковедение. М., 1986; Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке: Теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 23. М., 1984.

признак, соотносящийся не с подразумеваемым C^k (человек, животное), а с C^x : *Два рожка, одна ножка = Ухват [М 3465]; Два брюшка, четыре рожка = Подушка [М 3465]; Четыре ноги, два уха, один нос да брюхо = Самовар [М 3889].*

В качестве дополнительного может быть использован и пространственный признак, ориентирующий предмет в пространстве с помощью его неотчуждаемых составных частей ("лица" и "спины"): *Спиной к стене, лицом к избе = Икона [М 5107].* Пространственный признак может быть использован также и для идентификации C^x по иерархическому расположению его составных частей: *Stojí, stojí kočáreček, má pod sebou tatáreček, na hlavě čapku, pověz mi tu hádku! = Мак [Čr 57]; Stojí sloupeček, na tom sloupečku hrneček, a v tom hrnečku na sta kroupeček = Мак [Cdš 52].* В таких загадках неотчуждаемые части растения (стебель, коробочка, зернышки) метафорически обозначаются именами предметов домашнего обихода и частей одежды. Временные единицы отождествляются в загадке с образом дерева, его ветвей и побегов или с образом постройки – так отражается в загадке иерархическая зависимость между временными единицами разного уровня: *Stojí, stojí strom, na tom stromě dvanáct větví, na každé větvi po čtyřech hnizdách, v každém hnizdě po sedmi vajíček = Год, месяцы, недели, дни [Čr 7]; Stojí buk prostřed luk, na tom buku dvanáct suků, v každém suku třicet ptáků, a každý pták jinak zpívá = Год, месяцы, дни [Čr 7]; Stojí, stojí chrám, v tom chrámě sloup, na tom sloupě dvanáct domů, v každém domě třicet tramů, a dvě věci skrz to ustavičně chodí = Мир, год, месяцы, дни, день и ночь [Čr 7] – в этой загадке временные единицы разного уровня соотносятся как вместилище и его содержимое. Реже встречаются загадки, в которых временные единицы, находящиеся на разных ступенях иерархии, обозначаются сравнительно равноценными понятиями: *Tři sta pětadesát ptáků, dvaapadesát čapů, dvanáct koptví, jen tři vejce snesli = 365 дней, 52 недели, 12 месяцев, 3 храмовых праздника [Čr 7].**

При загадывании неодушевленного концепта по его однородным составным частям также используется в качестве дополнительного квантитативный признак, однако здесь выбор числительного произволен, оно служит лишь символом большого количества однородных R^x , принадлежащих C^x : *Na našem dvoře leží staříček, má tolik ran, kolik je na světě vran = Колода [Čr 310].* В большинстве случаев по однородным составляющим загадываются растения, сельскохозяйственные культуры, состоящие из большого числа

покрывающих друг друга слоев листьев, лепестков и т. п. При этом называемые в тексте загадки S^k и R^k представляют собой соответственно человека и его предмет одежды (или животное и его шкуру): *Стоит Филат, на нем сто лат* = Капуста [М 2571]; *На одном быку семь шкур* = Лук [М 2488]; *Лежит дед семи шубами одет* = Лук [М 2513]. Если загадывается плод растения, полный зерен, то в тексте загадки он отождествляется с некоторымместилищем (домом, хлебом), полным живых существ: *Без окошек, без дверей – полна горница людей* = Тыква [М 2148]; *Полно корыто народу намыто* = Огурец [М 2428]; *Je chlívěček plný prasáček, a nemá nikde dvěřeček* = Дыня [Čr 305]; *Plná škola dětí, a nemají kudy ven* = Мак [Cdš 15]; *Je chlívěček bez dvěřeček, je v něm víc než sto oveček* = Мак [Čr 170]; аналогичную семиотическую структуру могут иметь загадки о временных единицах, ср. *Je chlívěček bez dvěřeček, dvanáct ovčí v něm* = Год [Čr 7].

В загадках о различного рода рукотворных предметах (постройках, предметах мебели и домашней утвари и т. п.) однородность составных частей может быть подчеркнута их обозначением в тексте загадки симметричными терминами родства или другими терминами, обозначающими симметричные социальные отношения (ср. *брат–брат, сосед–сосед* и т. п.); при этом в качестве ключа к отгадке обычно указывается также объект обладания другого рода (часто – предмет одежды), объединяющий однородные части S^x (как правило – рукотворного предмета) в единое целое: *Три брата запанибрата одним кушаком связаны* = Изгородь [М 2774]; *Два братца под одной шляпой стоят* = Ворота [М 2913]; кроме предметов одежды, в качестве объединяющего элемента могут употребляться и термины родства с добавлением некоторых отличительных признаков, ср.: *Сто братьев за пятьсот сестер спрятались* = Бревна дома, обшитые тесом [М 2997]; *Четыре брата годами равны, один главный* = Углы дома [М 2981]; *Четыре брата под одной крышей стоят, у всех одно имя* = Стол [М 3560].

Термины родства употребляются также в тексте загадки для обозначения однородных (в системе КМ или ММ), но разделенных (несоединимых) в пространстве или во времени предметных или абстрактных сущностей, осознаваемых менталитетом как единое целое, ср.: *Два брата всегда водятся, а вместе не сойдутся* = Пол и потолок [М 3018]; *Много соседей рядом век живут, а никогда не видятся* = Окна [М 3097]; *Сестра на сестру смотрит, а вместе не сходятся* = Река и берега [М 477]; *Два братца в воду глядятся, век не*

сойдутся = Река и берега [М 478]; Два брата через мать друг на друга глядят = Река и берега [М 479]; Два быка бодутся – вместе не сойдутся = Небо–земля [М 6]; Две сестры: одна светлая, а другая темная = День и ночь [М 4974].

Как видно из приведенных примеров, члены универсальных семиотических оппозиций воспринимаются менталитетом как крайние точки **единого** семиотического пространства (пространства дома, реки, суток, Вселенной); аналогичную трактовку можно обнаружить в заговоре, где указание крайних пределов единого пространства воздействия заговора, а также универсальность этого воздействия достигается использованием универсальных семиотических оппозиций (верх–низ, мужской–женский, старый–молодой, день–ночь и т. п.): *Въ чистомъ полѣ бежитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой, а водяной съ водяновкой на одномъ челнѣ сидятъ [ВЗ 33]; ... и стану отговариваться отъ колдуновъ, отъ колдуньи, отъ шептуна, отъ шептуньи, отъ старца и старицы, отъ всякаго злаго человекѣ, отъ рабовъ и рабынь, отъ вѣрныхъ и невѣрныхъ... [ВЗ 43]; ... чтобъ никто не могъ прострелить его, отъ востока до запада, отъ сѣвера на лѣто, ни еретикъ, ни еретица, ни колдунъ, ни колдунница, годный и негодный, кто на свѣтѣ хлебъ ѣсть [ВЗ 42]; Ключъ моимъ словамъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ на рыбѣ на китѣ... [ВЗ 3]; ... чтобы она тосковала, горевала весь день, при солнцѣ, на утренней зарѣ, при младомъ мѣсяцѣ, на вѣтрѣ–холодѣ, на прибылыхъ дняхъ и на убылыхъ дняхъ, отнынѣ и на вѣка [ВЗ 6]; Иоаннъ другъ, Иоаннъ зачатіе Христово, Иоаннъ Златоустъ, Иоаннъ Постникъ и вся сила небесная, поставьте желѣзный тынъ около меня, раба Божія..., отъ земли и до небеси, отъ вѣку и до вѣку, чтобы меня, раба Божія..., не испорчивать, не исколдовывать, не взгядывать и не видѣть, не слышать при пиру, при бѣсѣдѣ, во всякой потѣхѣ и во вѣки по вѣки, отнынѣ и до вѣку, аминь, аминь, аминь, во вѣки аминь [ВЗ 209].*

Распространен тип загадок, в которых неодоушевленный S^x (растение или рукотворный предмет) сопоставляется S^k (одоушевленному) путем негации: *Не бык, а рогат = Ухват [М 3461]; С хвостом, а не мышъ = Клубок [М 4705]; Четыре ноги, да не зверь, есть перья, да не птица = Кровать с периной [М 3528].* Еще более частотны загадки, в которых релевантным для идентификации неодоушевленного S^x свойством является необладание неотчуждаемым для S^k объектом R^k . Структура $S^x \uparrow \ni R^k$ в чистом виде встречается

ся крайне редко, поскольку трудно найти свойство, необладание которым могло бы служить единственным средством идентификации C^x , ср.: *Без начала, без конца* = Кольцо [М 4134]; понятие круга как бесконечности встречается в чешских загадках: *Jde stařeček cestou, a nic mu cesty neubývá* = Часы [Čr 360]; *Čtyři panny v kolébce, žádná na kraji* = Ядра ореха [Čr 265]. Обычно указание на необладание неотчуждаемым объектом R^k сопровождается в загадке сообщением о наличии у C^x некоторого другого свойства, что служит дополнительным ключом к отгадке. Такое свойство, общее с C^x , может иметь кодовый денотат D^k : *Без окон, без дверей, полна хатина людей* = Улей [М 684]; *Пришли в лес без топоров, срубили дом без углов* = Улей [М 682]; *Бочечка без обручика, нет ни сучка, ни задоринки* = Яйцо [М 906]; *Двенадцать топоров рубят церковь без углов* = Осиное гнездо [М 696]; *Vím já domeček bez okéneček. Chce-li hospodář z něho ven, musí stěnu prolomit* = Яйцо [Čr 317]; использование кодовых денотатов 'дом', 'церковь', 'хатина' и т. п. указывает на то, что загаданный концепт C^x , как и D^k , является вместилищем (яйцо, улей, осиное гнездо). C^x и D^k могут иметь и другие общие свойства, как, например, способность "летать", которая присуща снежинкам и птицам: *Sletěl pták bezpečák na náš strom bezlisták, přišlo na něj bezzubátko, sežralo to bezpečátko* = Снег и солнце [Čdš 58]. Свойства, общие для C^x и D^k , могут быть названы эксплицитно, например, части тела или предметы одежды одушевленного D^k , соответствующие неотчуждаемым составным частям неодушевленного C^x : *С ногами – без рук, со спиной – без головы* = Стул [М 3548]; *Без рук, без ног, подпоясанный* = Сноп [М 2229]; *Родила Оленька ребенка, без рук, без ног, одна головенка* = Яйцо [М 918]; *Má to čtyři rohy, žádné nohy. Očima to břínká* = Оконная форточка [Čr 317]; *Žádné nohy, čtyři rohy, vrtu sem, vrtu tam, s místa přece nikam* = Дверь [Čr 317]; *Čtyři nohy, dvě podešvi, duši nemá, duši nosí* = Колыбель [Čr 265]. В вышеприведенных чешских загадках в качестве дополнительного свойства, кроме наличествующих "частей тела", называется еще функция, "принадлежащая" как D^k , так и C^x . Часто неодушевленный C^x идентифицируется по функции, для выполнения которой одушевленному D^k понадобилась бы "часть тела" R^k (т. е. СМС данного действия-функции F^x включает в себя орудие – часть тела R^k):

$$C^x \left\{ \begin{array}{l} D^k \supseteq R^k \\ D^k \supseteq F^x \end{array} \right. \quad \begin{array}{l} \text{СМС} (C^k) \\ \text{СМС} (C^x) \end{array} \left\{ \begin{array}{l} \supseteq R^k \\ \supseteq F^k \\ \supseteq R^k \\ \supseteq F^x \end{array} \right. \quad \text{СМС} (F^x) \supseteq R^k$$

Без рук, без ног, а на елку лезет = Огонь [М 3241]; Без рук возьмет, выдымет, не уронит = Журавль у колодца [М 2790]; Без языка, а говорит, без ног, а бежит = Ручей [М 499]; Без рук, без ног все бежит = Вода [М 451]; Без рук, без ног на печь лезет = Тесто [М 4185]; Без ног, без рук, без рог катится с бугра = Камень [М 439]; И языка нет, а правду скажет = Зеркало [М 3580]; Ни глаз, ни ушей, а слепцов водит = Посошок [2761]; Без глаз, а слезы проливает = Оконное стекло [М 3110]; Что растет без коренья? = Камень [М 436]; Без рук рисует, без зубов кусает = Мороз [М 341]; *Běžší posel beznohý, jest on šelma čverhohý, žádněmu nic nepoví, přese všecko vupoví* = Письмо [Cds 16].

Для идентификации загаданного неодушевленного C^x может быть использовано также нарушение пресуппозиции о пространственном расположении частей тела кодового денотата D^k , например, нарушение принципа неотчуждаемости частей тела R^k . Хвост на дворе, нос в конуре = Ключ в замке [М 3165]; Бык на дворе, а рога на реке = Дорога [М 2715]; Стоит девица в избе, а коса на дворе = Печь и труба [М 3384]; Сидит девица в темнице, коса на улице = Морковь [М 2563]; *Sedí panna ve světlici, vlasy má až na ulici* = Морковь [Сг 331]; *Máme volka, celý vejde do chléva, jen rohy nechá venku* = Сверло [Сг 307], а также нарушение количественного признака: У одной головы одно ухо = Гиря [М 3964] или пространственных оппозиций верх–низ, внутри–снаружи и т. п.: Что вверх корнем растет? = Сосулька [М 501]; Что растет вверх ногами? = Сосулька [М 503]; *Přišli páni bez pozvání, vzali z domu hospodáře, a dům vuběh oknem ven* = Рыбак, рыба, вода, сеть [Сг 317].

Для идентификации одушевленного C^x по его частям тела в качестве вспомогательного признака часто используется количественный признак, соотносящийся не с названным D^k , а с загаданным C^x : Бежит корабль о двенадцати лап = Рак [М 591]; Четыре ноги, пятый хвост, шестая грива = Лошадь [М 1122]; *Naše panenka čistá má sukniček třista, a když jde do kopečka, ještě se jí kůže blejská* =

Курица [Сг 289]; *Čtyři rohy, žádné nohy, chaloupkou to podne* = Улитка [Сг 324]. Квантитативный показатель используется также в загадках, отражающих преобразование человека или животного во времени из одной ипостаси в другую: *Утром – на четырех ногах, в полдень – на двух, вечером – на трех* = Человек [М 1337]; *Ráno chodí po čtyřech, o poledni o dvou, večer o třech nohách* = Новорожденный, взрослый, старик с палкой [Сг 10]; *Když je malé – čtyřma vladne, když je velké – hory láme, a po smrti chodí do kostela* = Теленок, вол, башмаки [Сг 10].

В качестве дополнительного свойства может быть использована также функция соответствующей части тела: *Na lopatách chodí a rohem to jí* = Гусь [Сг 236] или иерархический показатель, характеризующий расположение частей тела человека или животного: *Стоят вилы, на вилах короб, на коробе гора, на горе два стекла* = Человек [М 1344]; *Vyrostly dva duby, na dubech kadluby, na kadlubech háky, na hákách papáky, na papákách skálečka, na skálečkách hajíček, na hajíčku mnoho travičku* = Человеческое тело [Сг 175]; *Спереди шильце, сзади вильце, с испод – бело полотенце* = Ласточка [М 1029]; как видно из примеров, в загадках этого типа части тела метафорически (по признаку внешнего сходства) обозначаются именами неодушевленных предметов – растений, предметов домашней утвари, ср. также: *Na dvou ratolestech deset větviček drží jeden peň* = Руки, пальцы, тело [Сг 324].

Негативное сопоставление S^x и D^x имеет место обычно в загадках о животных, части тела которых сопоставляются с частями тела других животных или с частями тела или одеждой человека (а также с его орудиями труда): *Не портной, а с иголками не расстается* = Еж [М 1292]; *Не птичка, а с крыльями* = Бабочка [М 702]; *С хвостом, а не зверь, с перьями, а не птица* = Рыба [М 557]; *Někřtěňátko nekřtěně, dvakrát na svět zplozené, pěkně zpívá, žák není, peříčko má, pták není* = Яйцо и цыпленок [Сг 291]; *Не король, а в короне, не гусар, а при шпорах, на часы не взглядывает, а время знает* = Петух [М 979]; *Chodí v koruně, král není, nosí ostruhy, rytíř není, má šavli, husar není, k ránu budívá, roposný není* = Петух [Сг 286].

Для одушевленных S^x не характерны загадки, в которых идентификация S^x осуществляется по необладанию частью тела или другим неотчуждаемым объектом; изредка такие семиотические структуры встречаются в загадках о животных, где они сопоставляются другим животным или человеку: *Кто плачет, не имея слез?* = Сова [М 1017]; *Какой зверек не имеет крыльев, а летает?* =

Белка [М 1319]; для идентификации животного или его части тела может быть использовано и другое нарушение пресуппозиции – пространственного расположения частей тела или их элементов: *Кто имеет желудок в голове?* = Рак [М 600]; *Кто на себе свой дом носит?* = Улитка [М 617]; *Глаза на рогах, домик на спине* = Улитка [М 618]; *Четыре деда назад бородами, четыре брата назад борода-ты* = Ноги лошади [М 1131]. Характерно, что загадки о животных, основанные на нарушении пресуппозиции о наличии частей тела или о их взаимном расположении встречаются редко, а загадок такого рода о человеке, по-видимому, вообще не может быть, что связано с антропоцентричностью человеческого менталитета.

Достаточно многочисленны загадки, в которых идентификация одушевленного C^x осуществляется по свойствам его частей тела и других неотчуждаемых объектов обладания: $C^x \leftarrow P (R^x)$, т. е. по признакам и постоянным функциям объектов обладания одушевленного C^x .

Модель $C^x \leftarrow M (R^x)$ характерна в основном для загадок о животных: *Голос тонок, нос долгод, кто его убьет, тот свою кровь прольет* = Комар [М 771]; *Přišel k nám voják, měl červený zobáček* = Гусь [СГ 236]; *Jede, jede lovec, má červený konec; kam konec strčí, všude voda srčí* = Селезень [СГ 236]. При этом R^x часто обозначается метафорически именами частей тела или предметов одежды человека: *Шапочка алая, жилеточка нетканая, кафтанчик рябенький* = Курица [М 966]; *Kořunu na hlavě, andělský šat, zlodějský krok, d'abelský křik* = Павлин [СГ 67]; по такой же модели могут быть построены загадки о растениях: *Сидит на палочке в красной рубашечке, брюшко сыто – камнями набито* = Ягода шиповника [М 1833]. В загадках о насекомых их части тела и другие неотчуждаемые объекты обладания сопоставляются аналогичным свойствам животных или птиц: *Крылья орловы, хобота слоновы, груди кониные, ноги львиные, голос медный, ноги железны. Мы их бить, а они нашу кровь пить* = Комар [М 795]; *Letí, letí přes hory, sama sobě hovoří, má očička račí, a křídélka ptačí* = Пчела [Cdš 53].

Обнаруживается следующая закономерность в соотношении между кодовым (C^k) и загаданным (C^x) концептами в антропоцентрической системе КМ: кодовый концепт всегда более "престижен" в этой системе, более "близок" и "понятен" человеку, чем загаданный. Поэтому почти не встречаются загадки, в которых человек (а не его часть тела) загадывается через какое-нибудь животное, растение или предмет, т. е. загадки типа: *Не цветок, а*

цветет = Человек [М 1385]. Таким образом, загадка, так же, как и посевивные структуры (см. выше, гл. I) позволяет представить КМ как антропоцентрическую концентрическую структуру, состоящую из нескольких уровней. В первом приближении такая структура должна включать:

- 1-й уровень (центр) – человек;
- 2-й уровень – животные, птицы;
- 3-й уровень – насекомые, рыбы, раки, лягушки, улитки;
- 4-й уровень – растения;
- 5-й уровень – предметы;
- 6-й уровень – явления природы;

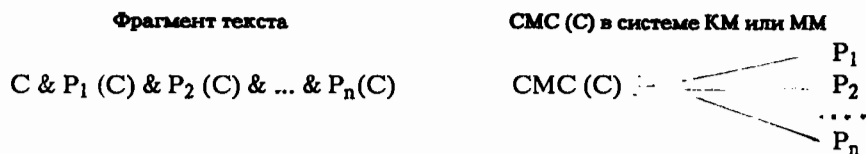

В загадках типа $C^x \leftarrow F(R^x)$, в которых концепт загадывается по функции его объекта обладания, загаданным концептом может быть только живое существо, прежде всего человек, в качестве дополнительного может быть использован количественный признак, а сама постоянная функция может быть обозначена глаголом, именем деятеля или отглагольным прилагательным: *Sedí pan-na v síti, oči se jí svítí* = Лягушка [Cdš 145]; *Двое ходят, двое смотрят, двое болтаются, один видит и показывает* = Человек [М 1376]; *Две ходули, два махала, два смотрила, одно кивало* = Человек [М 1375]; *Два бодастых, четыре ходастых, пятый замахайка* = Корова [М 1059]. В качестве дополнительного может выступать и иерархический

пространственный признак: *Стоят вилы, на вилах грабли, над граблями реву́н, над реву́ном сапу́н, над сапу́ном гляду́н, над гляду́ном поле, а за полем дремучий лес* = Человек [М 1338]; *Стоят вилы, на вилах короб, на коробе махалы, на махалах хапало, на хапале нюхала, на нюхале мигало* = Человек [М 1347].

Итак, 'человек', как правило, не может быть загадан через какой-либо другой концепт (согласно сборнику В. В. Митрофановой – за исключением вышеприведенной загадки: *Не цветок, а цветет и загадки: Три года – яйцо, Тридцать лет – медведь, Шестьдесят лет – курица* = Человек [М 1336], однако и здесь загадывается не общее понятие 'человек', а отдельные временные отрезки его существования – детство, зрелость, старость). Большинство же загадок о человеке основано на иерархическом расположении его частей тела, подобно загадкам, приведенным в предшествующем абзаце. При этом части тела могут обозначаться как именами предметов (по принципу внешнего сходства), так и именами деятеля, или характеризоваться производимым ими действием.

В заговоре части тела также служат репрезентантами человека, что выражается в тексте заговора в "имплицитных" повторах, а также в том, что части тела трактуются в заговоре как локусы чувств и болезней: чувства с помощью заговора передаются от любящего к любимой, проникая в каждую часть ее тела; болезни изгоняются последовательно из всех частей тела, покидая тем самым их обладателя. Семиотическая структура имплицитного повтора может быть изображена схемой:

где С – концепт, $P_1(C)$, $P_2(C)$, ... $P_n(C)$ – свойства концепта С (его признаки, объекты обладания, функции). С учетом импликаций семиотическая схема имплицитного повтора примет следующий вид: $[C \& (P_1 \leftarrow C) \& (P_2 \leftarrow C) \& \dots \& (P_n \leftarrow C)]$, т. е. 'концепт в сочетании с его частями, имплицитными данным концептом', ср.: *Снесите и донесите, вложите и положите в рабицу Божию..., в красную дѣвицу, в бѣлое тѣло, в хоть и в плоть* [ВЗ 1]; *...полетай ей в ретивое сердце, в черную печень, в горячую кровь, в становую жилу, в сахарные уста, в ясные очи, в черныя брови...* [ВЗ 4];

Вложи ей, Господи, огненную искру въ сердце, въ легкія, въ печень, въ потъ и кровь, въ кости, въ жилы, въ мозгъ, въ мысли, въ слухъ, въ зрѣніе, обоняніе и въ осязаніе, въ волосы, въ руки, въ ноги – тоску и сухоту, и муку; жалость, печаль и заботу, и попеченіе обо мнѣ, рабѣ... [ВЗ 20]. Сведите ее со мною – душа съ душою, тѣло съ тѣломъ, плоть съ плотію... [ВЗ 1]; Вояси ты, матушка заря утренняя Марія и вечерняя Маремьяна, приди къ нему къ рабу Божию, ко младенцу, возьми ты у него полунощника и щекотуна изъ блага тѣла, изъ горячей крови, изъ ретиваго сердца, изъ всей плоти, изъ ясныхъ очей, изъ черныхъ бровей, изъ всего человеческого состава, изъ каждой жилочки, изъ каждой косточки, изъ семидесяти-семи жилочекъ, изъ семидесяти-семи суставчиковъ... [ВЗ 56]. В последнем примере особый интерес представляет словосочетание *изъ всего человеческого состава*, как непосредственное обращение к СМС человека. Кроме того, особенностью заклинаний, в которых упоминаются части человеческого тела и другие неотчуждаемые объекты обладания, является наличие при именах частей тела постоянных атрибутов, обозначающих неотчуждаемые в системе ММ признаки неотчуждаемых в системе КМ объектов обладания, такие признаки могут не иметь ничего общего с реальными признаками частей тела лиц, упоминаемых в заговоре, и при этом они являются исключительной принадлежностью СМС ('человек') в системе ММ, в то время как сами части тела принадлежат СМС ('человек') в системах КМ и ММ.

II. Репрезентация объектов обладания предметного концепта через их свойства и их принадлежность посессору:

$$R^x \leftarrow P (R^x \in C^x)$$

В первой группе загадок этого типа в качестве загаданного концепта выступает не сам посессор, а его объекты обладания и в первую очередь его части тела, которые идентифицируются по своим свойствам – признакам и функциям, а также по их пространственному расположению относительно друг друга и по пространственному расположению составляющих их элементов; вышеперечисленные свойства позволяют "отгадать" не только загаданные части тела, но и их обладателя (человека), поэтому можно утверждать, что посессор присутствует в таких загадках на имплицитном уровне, ср.: *Горшочек умен, семь дырочек в нем* = Голова человека [М 1378]; *Один говорит, двое глядят да двое слушают* = Язык, глаза, уши [М 1382]; *За белыми березами тарара живет* =

Язык [М 1538]; *Červený beránek po ovčíně skáče* = Язык [Čr 170]; *My máme domeček, v tom domečku jsou dvě okna a jedny dveře* = Голова [Čr 317]; *Dvě kavky podle sebe sedí, jedna druhou nevidí* = Глаза [Čr 341]; *Nám kurníček, v tom kurníčku plno slepiček, při nich jen jednoho kohoutka zpěvného* = Губы, зубы, язык [Čr 285]; *Maličký sklípek, v něm dvě řady slípek, a červený kohoutek* = Губы, зубы, язык [Čr 285]; *Okolo porubu hejno bílých holubů* = Зубы во рту [Čr 297].

В загадках второй группы посессор может быть назван эксплицитно, а неотчуждаемый объект обладания должен быть идентифицирован лишь по одному его свойству – неотчуждаемости данного объекта обладания для данного (названного или подразумеваемого) посессора: *Взвесить нельзя, смерить нельзя, жить без того нельзя* = Душа [М 5124]; *Без чего не может жить человек?* = **Имя** [М 1626]; *Что у всех есть?* = **Имя** [М 1627]; *И у тебя, и у меня, и у попа, и у кота, и у щуки в море, и у дуба в лесу* = **Имя** [М 162]; *Ведро утонуло, а дужка наверху* = Человек умер, а **имя** его говорят [М 1628]; *Собой не однака, а нужна одинако младенцу и мертвецу и доброму молодцу* = **Рубашка** [М 4007]; *Что с собой в гроб кладут?* = **Рубашка** [М 4008]; *Никто его не минует, ни царь, ни царица, ни красная девица* = **Намогильный знак** [М 1676]; *У тебя есть, у меня есть, у дуба в поле, у рыбы в море* = **Тень** [М 433]. Поскольку любой концепт С обладает множеством неотчуждаемых объектов обладания, то одна и та же загадка в принципе может иметь множество отгадок, в чем проявляется конвенциональный характер загадки как семиотической единицы. Загадки такого рода свидетельствуют о том, что в менталитете древних социумов неотчуждаемость существовала как самостоятельная ментальная категория, в соответствии с которой неотчуждаемые объекты обладания суть концептуальные свойства предметов и абстрактных сущностей (в отличие от индивидуальных свойств, используемых для идентификации и дифференциации реальных предметов – ср. эксплицитное выражение этой мысли в загадке [М 4007]: *с собой не однака, а нужна одинако*); неотчуждаемость эксплицитно раскрывается в загадке как необходимость данного свойства для каждого конкретного воплощения данного концепта, как его постоянство (в отличие от индивидуальных свойств, которые могут быть также и временными), как универсальность свойства для всех конкретных воплощений данного концепта. Аналогичную трактовку неотчуждаемости находим в заговоре: *Как всякой человек не может жить безъ хлѣба, безъ соли, безъ*

платья, безъ ѣжи, такъ бы не можно жить рабѣ Божіей... безъ меня, раба Божія... Коль тошно младенцу безъ матери своей, а матери безъ дитяти, толь тошно рабѣ Божіей... безъ меня, раба Божія [ВЗ 11]; ...и казался бы я ей ... милѣе отца и матери, милѣе всего роду племени, милѣе всего под луной Господней... [ВЗ 3].
Итак, в качестве неотчуждаемых объектов обладания в загадке и заговоре называются ближайшие родственные отношения, одежда, еда, питье, тень, имя, смерть. Характерно, что в этом перечне отсутствуют части тела, поскольку они составляют самого человека, однако имплицитно они содержатся в загадках на "необладание", на нарушение пространственного взаимного расположения частей тела, в пресуппозиции которых – обязательность, неотторжимость этих частей (многочисленные "без рук, без ног", "девица в темнице – коса на улице" и т. п.), в загадках, где человек или животное загадываются по своим метафорически обозначенным и соответственно расположенным частям тела, являющимся "репрезентантами" живых существ.

В. Семиотические структуры загадок и заговоров, восходящие к СМС концепта-действия:

$$C^x \leftarrow (AC^x \ni C^x)$$

Загаданный концепт может представлять собой некоторый процесс или одно из его "свойств" (один из его актантов, результат, исходный материал действия и т. п.). Все эти загадки восходят к СМС процессов и действий и построены на нарушении стереотипного представления о данном действии и его свойствах. Стереотипная ментальная структура действия (СМС_{Ac}) может включать в себя:

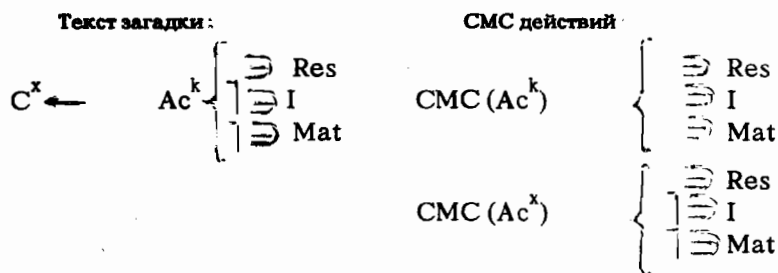
$$СМС_{Ac} \ni Ac^c \& Ag^c \& Pac^c \& I^c \& Res^c \& Mod^c \& Mat^c,$$

где – Ac^c – концепт действия; Ag^c – концепт агента действия; Pac^c – концепт пациента действия; I^c – концепт инструмента действия; Res^c – концепт результата действия; Mod^c – концепт способа действия; Mat^c – концепт материала действия.

При этом в качестве кодового концепта действия в загадке используются в большинстве случаев различные рабочие операции, совершаемые человеком в процессе его трудовой деятельности; этому концепту сопоставляется загаданный концепт действия (процесса), обычно совершаемого в природе – силами при-

роды, живыми существами. Иногда в качестве загаданного концепта действия выступает другая рабочая операция, совершаемая человеком, например: *Заплатчу заплатку без иглы, без нитки = Замазка щели* [М 3038].

Семиотическая схема вышеприведенной загадки должна выглядеть следующим образом:

Отгадка : $C^x = Ac^x$,

где, Ac^k - 'класть заплатку', I - 'игла', Mat - 'нитка', Res - 'заплата', Ac^x - 'замазка щели'.

В большинстве же случаев такие загадки бывают построены на противопоставлении труда человека, требующего применения специальных инструментов, материалов, специальных навыков ("способа действия") естественным процессам, происходящим в природе, дающим тот же "результат", но совершающимся без применения вышеперечисленных атрибутов действия, а также, возможно и самого агенса действия или самого действия:

1) Наличие результата действия при отсутствии инструмента или материала действия: *На потолке, в уголке висит сито не руками свито* = Паутина [М 755]; *Без топора построена изба* = Паутина [М 760]; *Шли плотнички без топоров, срубили избу без углов* = Муравейник [М 714]; *Сама самоделка, сама сделается без топора, без клина, без ножичка* = Щели в стене [М 3034]; *Вся шуба в заплатках, игла не бывала* = Пестрая корова [М 1092]; *Latané, pantané, jehlou netýkané* = Пестрая корова [Čr 356]; *Лежит мужичок в золотом кафтане, подпоясан, а не поясом* = Сноп [М 2230]; *Писано, переписано, рук не притыкано* = Соты и мед [М 672]; *Не из ниток, а соткан* = Паутина [М 756]; *Přišel k nám host, spravil nám most bez sekery, bez dláta, je přece pevný dost* = Мороз [Čr 58].

2) Наличие результата действия при отсутствии агенса действия или самого действия: *Кто в избе родится без отца, без матери?* = Щели в стене [М 3035]; *Что в доме не тесано?* = Паутина [М 761]; *На точеном кружку, в одном ворожку, стоят сто чашей с неваренной кашей, ни ложки, ни масла, а есть можно и вспоминать добро* = Соты и мед [М 673]; *Стоит посуда нерукотворена, налита в ней каша неварена* = Соты и мед [М 674].

3) Наличие результата действия при использовании другого способа действия: *Сидит девица в темной темнице, вяжет узор ни петлей, ни узлом* = Пчелы – соты [М 661]; *Со chodí na hlavě do kostela?* = Гвозди в башмаке [Сг 340].

4) Наличие самого действия при отсутствии его результата или его неизбежного следствия: *Еду, еду – следу нету* = Река [М 468]; *Běží, běží, nepoleží, nemá vůz ani saně, přece nikdy neustane* = Время [Cdš 34]; *Celá chalupa vyhoří, a přece se nezboží* = Курительная трубка [Сг 321]; *Sedí, sedí na střeše, kouří tabák, nekřeše* = Труба [Сг 321].

В заговоре такие свойства действия как его инструмент, способ, пациенс, восходящие к СМС данного действия, включены в текст в качестве имплицитного повтора [Ac & (P ← Ac)] 'действие в сочетании с его свойствами, имплицитируемыми данным действием': ...*умоюсь водою, росою, утруся платкомъ* тканымъ [ВЗ 2]; ... *Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы целовала, руками обнимала, блудъ сотворила...* [ВЗ 11]; ... *Чтобы красная дѣвица ... въ теплой парущѣ калиновымъ щелокомъ не смывала, шелковымъ веникомъ не спаривала, пошла, слезно плакала* [ВЗ 3].

Аналогичную роль играют в заговоре тавтологические глагольные словосочетания, также восходящие к СМС соответствующих действий (в отличие от тавтологических глагольных словосочетаний, используемых в загадках (ср. раздел А. II) и восходящих к СМС предмета, в которых действие-функция является одним из характерных свойств загаданного концепта, ср.: *Рычка рычит, скачка скачет* = Волк и сорока [М 1264]). В глагольных тавтологических словосочетаниях, используемых в заговоре, предмет или абстрактная сущность, выражаемые именем, представляют собой "свойства" упоминаемого действия и, в отличие от вышеупомянутых тавтологий в загадках, никогда не является агенсом, а может играть роль инструмента, пациенса, способа действия:

1) Ac & (Pac ← Ac): ... *и не могла бы без меня, раба Божія ... не жить, не быть, не дни дневать, не часа часовать...* [ВЗ 1]; *Такъ бы*

рабъ Божій ... съ рабой Божьей... на одной бы лавкѣ не сидѣли, въ одно окно бы не глядѣли, одной бы думы не думали, одного совѣта бы не совѣтовали... [ВЗ 33];

2) Ас & (I ← Ас): ... не *вдой отъѣстись* не могла бы отъ меня, не *питьемъ отпиться*, не *дутьемъ отдуться*, не *гулянкой загулять*, не *въ бани отпариться*... [ВЗ 1];

3) Ас & (Mod ← Ас): ... *въ гульбѣ* бы она не *загуливала*, во *снѣ* бы она не *засыпывала*... [ВЗ 3]; ...*въ вѣдѣ* бы тоски не *заѣдала*, *въ пойлѣ* не *запивала*... [ВЗ 15].

Возможны тавтологические словосочетания, образованные сочетанием глагола одновременно с несколькими его актантами – “свойствами” действия: *Замкну замки замками, заключи заключи ключами, твердейшими словами* [ВЗ 18] – вся эта заключительная фраза заговора представляет собой по сути восьмикратный повтор одной и той же идеи – нерушимости заклѣтья, что достигается одновременным использованием обычного, синонимического и тавтологического повторов. Повторы, рифмовки, перечисления связывают текст заклинания в единое целое, из которого нельзя опустить ни единого слова, нельзя ничего изменить или переставить, и поэтому в конце текст “запирается на замок”, чтобы слова в нем дошли до цели в том же порядке, в каком были произнесены: *Будьте эти мои слова, которые я договорила и которые недоговорила, и которые переговорила, слово в слово, передние на передѣ, задние на задѣ и среднее в середке. В чистое поле, в синее море и ключ с замком. Аминь.* [ЛН 18].

Итак, семиотический анализ двух типов паремиологических текстов – загадок и заговоров – показывает, что в основе семиотической структуры большей части загадок и в основе имплицитных повторов в заговорах лежат стереотипные ментальные структуры (СМС), выявленные нами при анализе лингвистического материала – посессивных и некоторых других конструкций западнославянских и русского языков. Названные концепты репрезентируются в заговоре при повторе через свои концептуальные (стереотипные в системах КМ и ММ) свойства, не имеющие связи с конкретными денотатами. В загадке для идентификации загаданного концепта преимущественно используются свойства, содержащиеся в системе КМ. Эти концептуальные свойства, нерелевантные для прагматики обычного текста, т. е. не содержащие информации о конкретных денотатах, служат в загадке для выполнения чисто прагматической задачи – идентификации загаданных концептов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии представлено исследование ряда языковых категорий и языковых феноменов, относящихся к различным уровням языка и объединенных в первую очередь тем, что эти категории и феномены функционируют как отражение соответствующих стереотипных ментальных структур (СМС), являющихся фрагментами картины мира, трактуемой в настоящей работе как универсальное знание. Такая концепция позволила обнаружить изоморфность именных, глагольных, синтаксических, словообразовательных и лексических структур с точки зрения отражения ими картины мира.

Трактовка картины мира и модели мира как "систем стереотипов" предметов, действий и ситуаций, оказывается весьма продуктивной для анализа таких языковых категорий как посесивность и определенность, через которые система стереотипов обеспечивает информативность речи, а также для анализа паремиологических текстов, целиком базирующихся на системах стереотипов. Исследование стереотипных свойств концептов может послужить источником нетривиальных этногенетических выводов, а также существенных выводов о свойствах человеческого менталитета.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1983, с. 5–6.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- Вольф Е. М. Некоторые особенности местоименных посесивных конструкций (иберо-романские языки) // Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Головачева А. В. Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности–неопределенности в славянских языках. М., 1979.
- Головачева А. В. К вопросу о прагматике загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М., 1994.
- Головачева А. В. К вопросу о соотношении категорий посесивности и определенности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посесивности. М., 1986.
- Головачева А. В. К проблеме референции имени объекта обладания в тексте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Головачева А. В. Картина мира и модель мира в прагматике заговора // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Головачева А. В. Категория посессивности в плане содержания // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.

Головачева А. В. Семантико-синтаксические посессивные структуры в западно-славянских и русском языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995.

Головачева А. В. Семантическая категория обладания в структуре высказывания и текста (на материале славянских языков). Научн. докл. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук. М., 1984.

Головачева А. В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Тезисы конференции. М., 1995.

Крылов С. А. Детерминация имени в русском языке. Теоретические проблемы // Семантика и информатика. Вып. 23. М., 1984.

Николаева Т. М. Структурирование ситуации – отражение языкового менталитета (старославянские и греческие евангельские тексты) // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.

Резвин И. И. Анкета по категории определенности–неопределенности // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.

Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., 1986.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Чарный Ю. Умозаключения и знания (ч. II) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII.

Шмелев А. Д. Определенность–неопределенность в названиях лиц в русском языке. АКД. М., 1984.

Wierzbicka A. Ethno-syntax and the philosophy of grammar // Studies in language (Amsterdam) 1979. V 3. N 3. P. 320.

Wierzbicka A. Mind and body – from the semantical point view // Syntax and semantics. Academic Press. V. 7. 1976.

ИСТОЧНИКИ

А. Литературные тексты:

- М.З. – Зошценко М. Повести и рассказы. Л., 1959.
Zošcenko M. Starí a novi lidé. Praha, 1960.
- FK – Kafka F. Der Prozess. Frankfurt a. M. – Hamburg, 1963.
Kafka F. Proces. W-wa, 1966.
Кафка Ф. Романы, новеллы, притчи. М., 1965.
- JA – Alex Joe. Jesteś tylko diabłem. Kraków, 1973.
- JAr – Arbes J. Zágračna madona. Praha, 1944.
- JB – Broniewska J. O człowieku który się kulom nie kłaniał. W-wa, 1959.
- JK – Kolano J. Opowieść rodzinna. Gdynia, 1964.
- JL – Lad'a J. Vzpomínky z dětství. Praha, 1962.
- JS – Smetanová J. Koncert pod platanem. Praha, 1960.
- JSS – Sta wiński J. S. Pogoń za Adamem. W-wa, 1964.
- JT – Tallo J. Viasy Bereniky. "Slovenský spisovateľ", 1961.
- KC – Чапек К. První parta. Praha, 1958.
Чапек К. Сочинения. Т. 5. М., 1958.

- KJB** - Beneš K. J. Kouzelný dům. Praha, 1963.
KK - Kałolewski K. Umarli jeżdża bez biletu. W-wa, 1965.
KŽ - Żywulska K. Przeżyłam Oświęcim. W-wa, 1960.
MK - Kundera M. Druhý sešit směšných lásek. Praha, 1966.
P - Przekrój, NN 1683-1698.
Slč - Slovník spisovného jazyka českého. Seš. 1-40. Praha, 1958-1971.
Stp - Słownik języka polskiego. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1958-1969.
SW - Wygodzki S. Basy. W-wa, 1964.
TB - Borowski T. Wybór opowiadań. W-wa, 1965.
TK - Konwicky T. Zwierzoczkękoupior. W-wa, 1972.
TKs - Konwicky T. Sennik współczesny. W-wa, 1970.
TN - Nowak T. Obcoplemienna ballada. W-wa, 1963.
VN - Neff Vl. Marie a zahradník. Praha, 1966.

Паремнологические тексты:

- AЗ** - Миллер В. Ф. Ассирийские заклинания и русские народные заговоры // Русская мысль. Кн. 7. 1896.
BC - Озаровская О. Э. Бабушкины старины. М., 1992.
BЗ - Майков Л. Н. Великорусские заклинания // Записки Имп. Русского географического общества. Кн. II 1868.
ЛН - Лечебные "наговоры" Приангарского края. Из собрания А. А. Савельева. М., 1990.
М - Митрофанова В. В. Загадки. Л., 1968.
МЭ - Ястребов В. Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894.
СМ - Ефименко П. С. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.
Čdš - Plicka K., Volf Fr. Cestička do školy. Praha, 1955.
Čr - Plicka K., Volf Fr., Slovinský K. Český rok v pohádkách, písních, hrách, a tancích, fíkadlech a hádankách. Praha, 1951-1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Посессивные стереотипные ментальные структуры. Статика посессивных отношений	15
Глава II. Посессивные и другие СМС и структура высказыва- ния. Динамика посессивных отношений	47
Глава III. Стереотипные ментальные структуры и структура связного текста	109
Глава IV. Стереотипные ментальные структуры и структура паремиологического текста	122
Заключение	152
Библиография	152
Источники	153

INHALT

Einleitung	3
Kap. I. Die possessiven mentalen Stereotypstrukturen. Statik der Possessivbeziehungen	15
Kap. II. Die possessiven und andere mentalen Stereotypstrukturen und die Struktur der Aussage. Dynamik der Possessivbeziehungen	47
Kap. III. Mentale Stereotypstrukturen und Textstruktur.	109
Kap. IV. Mentale Stereotypstrukturen und die Struktur des Parömiertextes	122
Zusammenfassung	152
Bibliographie	152
Ursprünge	153

АННОТАЦИЯ

В монографии представлены результаты многолетних исследований автора в области семантики синтаксиса и структуры фольклорного текста, проведенных на западнославянском и русском материале. Как показало исследование, затронутые проблемы тесно связаны между собой: анализ когнитивного аспекта языковых феноменов, и в первую очередь категории посессивности, – с одной стороны, и семиотической структуры паремнологических текстов, и в первую очередь загадки, – с другой – приводит автора к выводу о том, что в обоих случаях мы имеем дело с "троекциями" одних и тех же отдельных фрагментов картины мира или модели мира (в терминологии автора – стереотипных ментальных структур, СМС) на языковые структуры (синтаксические, семантические, а также лексические, грамматические и словообразовательные) и на семиотические структуры паремнологического текста.

Работа позволяет вскрыть механизм функционирования ряда грамматических категорий, а также сделать ряд существенных выводов о свойствах человеческого менталитета и ряд выводов этногенетического характера.

ANNOTATION

Diese Monographie enthielt Ergebnisse vieljähriger Forschungen des Autors auf dem Gebiet der syntaktischen Semantik und der Folklore, die sind auf Grund des westslawischen und russischen Stoff durchgeführt.

Wie die Forschung sehen lässt, sind diese Probleme zusammengebunden: aus der Analyse des kognitiven Aspekts der sprachlichen Phänomene, und vor allem der Possessiv-kategorie, – einerseits, und der semiotischen Struktur der Parömien, und vor allem der Rätsel, – andererseits – zieht Autor Schlüsse, dass in beiden Fällen handelt es sich um "Projektionen" derselben einzelnen Fragmente des Weltbildes und des Weltmodells (der Terminologie des Autors gemäss – der "mentalen Stereotypstrukturen") an die Sprachstrukturen (syntaktischen, semantischen sowie lexikalischen, grammatischen und Derivativa) und an die semiotischen Strukturen des Parömietextes.

Diese Arbeit lässt ein Mechanismus der Funktionierung einer Reihe von grammatischen Kategorien aufdecken und eine Reihe Schlüsse über die Eigenschaften der Menschmentalität und eine Reihe Schlüsse auf dem Gebiet Ethnogenese ziehen.

А.В.Головачева

**СТЕРЕОТИПНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА**

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Т.М.Николаева

Монография подготовлена к печати
в редакционно-издательском отделе
Института славяноведения РАН

Обложка М.И.Леньшиной

ИД № 01574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 30.05.2000 г., 5,6 печ. л.
Тираж 150 экз. Заказ № 66 Цена договорная

Типография ИПТК «Логос» ВОС
129164, Москва, ул. Маломосковская, д. 8

